

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume nineteen

A DARK TRAVELLING

NOVELLAS

SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том девятнадцатый

ТЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

*Издание подготовлено
АО «Титул»*

**Миры Роджера Желязны том 19 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 303 с.**

В очередной том собрания сочинений вошли малоизвестные повести и рассказы Роджера Желязны, никогда не издававшиеся на русском языке.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-185-5

© Издательство «Полярис»,
оформление, 1996
© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ТЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

*Кэти Кавана
и всем остальным преподавателям
школы «Рио-Гранде» в Санта-Фе,
которые учили моих детей
получать удовольствие от чтения*

ПРОЛОГ

Пламя свечи дрожало, как осенний листок. За окном висела полная луна. В доме не было слышно ни звука.

Она не отрываясь смотрела на пламя, и перед глазами ее проплывали целые вереницы образов. Прошлое, настоящее, будущее... Если как следует потренироваться, то вполне можно научиться отличать их друг от друга. Во всяком случае ей приходилось заниматься этим не раз и не два.

Она забыла про свой дом. Она уже не видела луну. Через некоторое время она перестала видеть даже само пламя. И только образы мелькали перед нею — прошлое, настоящее, будущее, опять прошлое — они шуршали, как карты...

Слабая улыбка коснулась ее губ. Вот прошлое. Настоящее прошлое, как якорь...

...Человек достает палочки и медные колесики. Вот он уже идет; при этом колесики позвякивают у него в

руке, а его черный плащ и перо на шляпе остаются неподвижными, словно они недоступны никаким ветрам.

Путь человека пролегает сквозь толщу чего-то белого, похожего на огромный снежный сугроб. Но нет, это не сугроб — оно будто висит, подрагивая в воздухе. Скорее это дымка, туман... Медленно, как призрак, движется человек в этой молочной дымке. Наконец белое впереди него немного рассеивается, дымка редеет... Становятся видны какие-то неясные очертания. Но он все идет и идет, той же медленной поступью.

Внезапно туман перед ним расступается, и размытые образы обретают цвет и плоть. Человек стоит на траве, возле дороги, ведущей в какой-то большой город. Вдалеке на башенках играют лучи утреннего солнца. Человек видит впереди нечто огромное, металлическое, с неподвижными крыльями. Оно летит, и совершенно непонятно, за счет чего... Человек провожает его взглядом, и вдруг оно приземляется прямо рядом с ним — чуть слева от дороги...

— Sapristi!* — восклицает человек.

И через некоторое время снова пускается в путь.

Она кивнула, образ растаял, и на смену ему пришел другой. Теперь — будущее...

...Какой-то худой темноволосый мужчина, одетый во все черное. Встает с земли, в левом ухе у него поблескивает серебряная сережка. Длинные черные волосы собраны на затылке. Он улыбается и поднимает руки перед собой; ей кажется, что в этих руках — смерть. И они тянутся прямо к ней...

«...А зовут его Ворон».

Последние слова сами собой промелькнули у нее в голове. Она вздрогнула. Надо прогнать его поскорее.

* Ах ты, черт возьми! (фр.) (Здесь и далее примеч. пер.)

Слишком уж страшное пророчество — лучше бы оно не сбывалось. Уходи.

А теперь...

Стены арройо*, качаясь, проносятся мимо... В сумерках видны темные очертания кустов — это можжевельник и молодой сосняк. Она не слышит — чувствует мерное дыхание бегущего. Полная луна светит так ярко, что все вокруг отбрасывает тени. Это сумасшедший, исступленный бег. Голова мальчишки уже откинулась назад, он хватает ртом воздух. Но он все бежит, бежит, бежит...

Она вздохнула, потому что это означало, что очень скоро ей придется вновь проходить испытание громкой рок-музыкой. Как же иногда устаешь от братьев...

...Теперь она видит электростанцию с башенками в голубых ореолах света, между которыми зловеще змеятся какие-то толстые черные нити. Неподалеку разбросаны палатки и горят костры — видимо, расположилось лагерем войско. Чуть дальше — горная гряда, и там, на склонах — тоже виднеются палатки и костры.

Вдруг над одним из лагерей промелькнула какая-то яркая вспышка... Потом — опять все спокойно. Значит, можно подойти еще поближе и...

Внезапно картинка исчезла. Озадаченная, она попыталась вызвать ее опять. Картина снова проявилась, немного повисела, потом так же быстро исчезла. Она попробовала еще раз. На этот раз картинка не появилась совсем.

* Высохшее русло реки.

Она покачала головой. Ей уже приходилось сталкиваться с подобными неувязками. Ну ладно, потом.

Теперь еще раз настоящее...

...Какая-то фигура, одетая в белое кимоно, пролетает в воздухе над другой фигурой — тоже одетой в белое кимоно, подпоясанное черным поясом. При этом раздается выкрик — она скорее чувствует его, чем слышит. Фигура падает на маты и одновременно выбрасывает в ударе правую руку. Это Барри... Опять он...

Неожиданно картинку перекрыло новое видение...

...Тишина. Улицы мертвого города. Дома лежат в руинах. В воздухе вьется пыль. Кругом кучи мусора. Окна без стекол. Все замерло — осталась только пыль, гонимая ветром...

Видение начало таять — и она только заметила (или ей показалось?), как чья-то знакомая фигура завернула за угол дома.

Ну и ладно. Пусть себе растворяется. Само пришло — само пусть и уходит.

Внезапно она поняла, что это было скорее будущее, чем прошлое — и тихонько выругалась. Может быть, стоило попробовать вернуть картинку и сделать ее почетче?

Она снова сосредоточилась на пламени...

...По лесу бежит волк...

Она долго всматривалась в видение, но так и не нашла в нем ничего особенного. Так же скучно смотреть, как на Джима, который носится по своим оврагам и арройо.

Она прогнала волка. Попробовала опять вызвать те два войска, но вновь они скрылись, едва успев появиться.

И вдруг она увидела Тома. Он был в соседнем здании, в комнате, где стоит транскомп — возился с приборами.

Внезапно что-то напало на него. Она не поняла, откуда оно взялось; она даже не поняла, что это было. Только почувствовала ужасную опасность, которая нависла над ним — сейчас, в эту самую минуту... И громко закричала, зная, что он не сможет услышать ее крик.

Изображение стало сливаться, больше она не могла его удерживать. В конце концов образ совсем исчез, и свеча погасла. И только где-то внутри осталось острое ощущение опасности. Ей стало страшно. Однако, несмотря на свой страх, она вскочила и бросилась вон из комнаты — вниз по лестнице — по коридору — опять по лестнице...

На столе дымилась погасшая свеча...

Глава 1

«Мой папа в Эддистоуне имел игорный дом...» Знаете эту песенку? Не знаете — и не надо. Просто она всегда напоминает мне о доме.

Вообще-то я обычный четырнадцатилетний мальчишка, зовут меня Джеймс Вили, и живу я в большом двухэтажном здании в столице одного из юго-западных штатов Америки. Моя сестра Бекки — ведьма, старший брат Дейв сейчас проживает в замке, а наш прибывший по обмену студент Барри тренируется на убийцу. Еще у меня есть дядя по имени Джордж — этот из оборотней. Если честно, у меня у самого в полнолуние руки чешутся — видимо, сказываются гены. Но я-то стараюсь подходить к таким вещам по-научному, ведь рано или поздно я обязательно стану ученым.

И дернул же черт эту полную луну вылезти в тот вечер раньше обычного! Тогда-то все и началось, и конечно же меня в этот момент не было дома. Доктор Холмс прописал мне кортизоновую мазь от так называемого «ежемесячного ладонного дерматита» — помогает неплохо. Но дело в том, что, кроме зуда, в полнолуние у меня еще просыпается страсть к длительным прогулкам по оврагам. Вот и приходится трусить по ним туда и обратно... Только поймите меня правильно. Я не меняю облик и вообще ничего такого не делаю. Даже почти не вою.

В тот вечер я вернулся со своих лунных пробежек, как всегда, взмыленный и страшно голодный. Обычно

в таких случаях я первым делом совершаю набег на холодильник. Потом иду в душ. Потом опять смазываю руки. Затем иду к себе в комнату, громко включаю музыку и начинаю расхаживать по комнате. Бекки при этом выходит из себя, потому что ее дверь находится через две от моей, а в полнолуние она любит посидеть с выключенным светом и попялиться на свечу. Сестренка может заниматься этим часами. Она же у нас колдунья.

Но сегодня все было по-другому. Когда я вошел через заднюю дверь, думая исключительно о гамбургере, который, я знал, лежит в отделении для мясных продуктов, Бекки уже ждала меня у самого входа. В левой руке она держала какой-то коричневый бумажный пакет, и вид у нее был расстроенный.

Бекки — такая крепенькая блондинка небольшого роста. Мы с ней почти одногодки, разве что она чуть постарше — кажется, ей пятнадцать. Так вот, я не припомню, когда она в последний раз из-за чего-либо расстраивалась. Поэтому когда она сказала мне «Пошли!» и взяла за руку, я без всяких вопросов последовал за ней.

Бекки провела меня через нашу половину дома и отпустила только возле тяжелой металлической двери, ведущей в здание главного управления. Затем залезла рукой в пакет, и через секунду я услышал характерный щелчок — в этот момент она подняла пакет и направила его на дверь.

— Бекки! — воскликнул я. — Что это у тебя там в пакете?

— Сам знаешь, — произнесла она ровным голосом. — А теперь слушай, Джим. Ты должен встать слева от меня, отпереть дверь, потом толчком распахнуть ее и быстро отойти в сторону.

— Ну дела, — сказал я. — Уж не собираешься ли ты открывать огонь?

— Только если оттуда выпрыгнет... что-нибудь такое, — ответила она.

— Гм-м, не знаю, что у тебя там за штука, но в любом случае будет лучше, если оружие возьму я.

— Нет уж, — возразила она. — Ты можешь и растеряться, а у меня точно рука не дрогнет.

Я посмотрел на ее прищуренные зеленые глаза, на ее далеко не хрупкие плечи и подумал, что не так-то уж хорошо я знаю свою сестренку. Многое в ней я даже не подозревал. У такой действительно рука не дрогнет — чего нельзя с уверенностью сказать обо мне.

— Ну ладно, — согласился я, после чего занял соответствующую позицию, открыл замок и слегка толкнул дверь.

Разумеется, я тут же отступил назад, но уже через секунду облегченно вздохнул. Никто и не думал на нас бросаться. Я еще немного постоял, затаив дыхание.

В коридоре горел свет, но в пределах видимости никого не было. Никаких подозрительных звуков я тоже не услышал. Только запах — запах чужого человека. И еще, кажется, крови.

— Теперь, может быть, объяснишь мне, что происходит? — спросил я.

— Эх, жалко, Барри нет дома...

Ну вот тебе раз! Прямо бальзам на душу пролила — ничего не скажешь. Видите ли, ей жалко, что нет Барри. Ну, нет его сейчас дома — ушел на свою дурацкую тренировку по до-джо. Сейчас он, наверное, вовсю лягается и машет кулаками. Чем еще можно заниматься на тренировке по до-джо? Сцепляться с противником, отшвыривать его, ставить блоки, проводить захваты... Наверное, Бекки предпочла бы, чтобы Барри занялся всем этим прямо здесь и прямо сейчас. Еще бы — кажется, он начал упражняться в своих приемчиках раньше, чем выучился ходить. И поэтому, значит, с ним нужно как со взрослым, а со мной — как с малым дитем. Очень хорошо! Только, пожалуйста, не надо забывать, что он всего лишь на год меня старше...

Бекки двинулась вправо по коридору, один за другим поворачивая выключатели, чтобы освещать впереди дорогу. Мы шли по направлению к приемной. По пути я заглянул в пару пустых кабинетов.

Возле конторки, за которой висела табличка с надписью: «ИНСТИТУТ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ», я остановился.

— Ну что, раз Барри нет, — сказал я, — давай, выкладывай все мне. Можешь не беспокоиться, я уже учуял кровь.

Бекки вдруг резко обернулась через плечо. В этот момент она проходила под огромной картиной, изображающей Леонардо да Винчи возле стола, заваленного какими-то медными осями и шестеренками. Он слегка улыбался. Насколько я знаю, такого автопортрета не публиковали ни в одной из книг по искусству.

— Тиш-ш! — Бекки поднесла палец к губам и шепотом добавила: — Потом!

Я кивнул, и мы двинулись дальше. Мы осмотрели еще два кабинета, небольшой конференц-зал и гардеробную. Везде, к счастью, было пусто. Впрочем, я и так это знал — мой нос не обманешь.

Мы подошли к подножию лестницы. Бекки взгляделась в темноту и вздрогнула. Кстати, оттуда тоже попахивало чужим.

— Не могу! — жалобно сказала сестричка. — Не могу туда идти.

Я положил руку ей на плечо:

— И не надо. Зачем, спрашивается?

Она продолжала неотрывно глядеть в темноту.

— Не знаю. Может, там и правда... ничего такого. По крайней мере сейчас.

— Хотел бы я все-таки понять — что происходит?

— Пошли, — сказала наконец Бекки. — Покажу тебе. — А потом добавила: — Просто кошмар.

— О чём ты?

— Ладно, пойдем, — снова увильнула от ответа она и повела меня куда-то в сторону кладовой.

Я с трудом сдержался, чтобы не заорать в голос, но все же послушно последовал за ней. В голове замелькали картины, достойные фильма ужасов, и я ничего не мог поделать. «Просто она услышала какой-то шум и перепугалась, — уговаривал я себя. — Девчонки вечно психуют».

В кладовой горел свет. Мы прошли мимо всяких швабр с ведрами, мимо полки с чистящими порошками и кучи складных стульев. Затем Бекки отыскала в стене потайную щеколду. Ей не пришлось долго возиться — уже через секунду часть стены подалась вперед, и перед нами открылась небольшая узкая лестница, ведущая вниз.

Здесь тоже работало верхнее освещение, и было видно, что коридор упирается в железную дверь. Казалось, что скрытая комната, которая была за этой дверью, находится внизу, но на самом деле она располагалась даже выше основного уровня — просто земля в этом месте давала сильный уклон. Окон здесь не было, так что у того, кто видел из окна конторы странно выпирающий угол, создавалось впечатление, будто это часть нашей половины дома — если, конечно, кому-то приходило в голову над этим задуматься. И наоборот, наши гости, выглядывая из окна гостиной, думали, что это угол здания конторы. Впрочем, с тех пор как в начале года умерла мама, гости к нам заглядывали не часто.

Я спустился следом за Бекки по лестнице, а затем подошел к двери.

— Ну что — действуем по старой схеме? — шепотом спросил я.

В ответ она лишь покачала головой и сама толкнула дверь.

Я вошел следом за ней и оказался в комнате, где находилась транскомп-установка. Здесь тоже горел свет, и повсюду царил страшный беспорядок. Бекки уселась на металлический складной стул, протянула мне пакет и заплакала.

Я огляделся и увидел пятно на полу, неподалеку от главного пульта. Мне ближе подходить не потребовалось — достаточно было потянуть носом воздух. Обоняние у меня необычайно острое — особенно в такие вечера. Я сразу определил, что недавно здесь побывал мой отец и что пятно на полу — кровь. Впрочем, это бы я определил даже в полной темноте. А еще здесь

витал тот самый запах чужого, который чувствовался наверху.

Я пригляделся к транскомпу и моментально распознал, в каком месте поломка. Установка все еще работала и тихонько гудела, но при этом светился только один огонек индикатора. Видимо, когда по ней ударили, где-то коротнуло. Я подошел и выключил ее из сети.

Бортовой журнал валялся на полу. Я поднял его, расправил загнувшиеся страницы и прочел последнюю запись, которую папа сделал чуть больше часа назад. Ничего вразумительного он не написал — во всяком случае, даже намеком не сообщил, в какую зону отправился. Я поставил журнал на нужную полку и заглянул в ящик стола, где отец обычно держал револьвер. Ящик был слегка приоткрыт, и, конечно же, никакого револьвера там не было. Что ж, так я и думал.

После этого я заглянул в пакет, который сунула мне Бекки, и сразу же нашел то, что искал. Ну, что я говорил? Я осторожно извлек оружие, опустил взвешенный курок и со щелчком открыл барабан. По запаху я уже давно понял, что из револьвера стреляли. Интересно, интересно, хотя... Ну да, так и есть. Один выстрел. Я снова захлопнул барабан и стал раздумывать, что же мне делать с револьвером — положить на место в ящик или оставить при себе до тех пор, пока все не прояснится.

— Где ты нашла револьвер? — спросил я у Бекки.

— На полу, — сказала она, — вон там, — и указала в дальний конец комнаты.

— А что это ты тут делала?

— Сначала я сидела, как обычно, в своей комнате и медитировала, как вдруг у меня возникло чувство, что здесь происходит нечто ужасное. И тут раздался выстрел. Я сразу бросилась вниз и сперва немного постояла под дверью. Но больше не было никаких звуков. Тогда я открыла дверь и пошла по коридору. Везде было пусто — так же как и сейчас, — только ваялся этот револьвер. — Она снова указала в угол комнаты.

— И что ты тогда сделала?

— Подняла его с пола и засунула в бумажный пакет — чтобы не оставлять отпечатков. Я подумала: если встречу что-нибудь страшное, он может мне пригодиться. Потом я опять поднялась наверх, домой, и заперла общую дверь в контору. И пошла на кухню ждать тебя.

— Значит, ты знала, что стреляли здесь? — уточнил я. — Но как ты догадалась? Наверняка звук был приглушенный. Стрелять ведь могли и где-нибудь на улице.

Бекки покачала головой.

— Том тогда как раз пошел на другую половину, — пояснила она. — Перед уходом он говорил, что собирается туда. И через пять минут после этого я услышала выстрел. Ему как раз бы хватило времени, чтобы спуститься вниз, все подключить и сделать запись в журнале.

Я облизал пересохшие губы и кивнул. Том Вили — это мой отец. Бекки он не отец, и поэтому она называет его по имени, а не «папа» или как-нибудь еще. Так уж у них повелось.

— Он тебе не сказал, что собирается здесь делать?

— Нет.

— Может, ему кто-нибудь звонил или заходил — перед тем как он ушел?

— Я не слышала никаких телефонных звонков, — ответила Бекки, — да и в дверь тоже не звонили. А что?

— Просто пытаюсь вычислить, где на него напали — по эту сторону или по ту.

— Ну-да. Я и не подумала об этом.

— На самом деле сразу возникает куча вопросов, — произнес я. — Во-первых, чья это кровь там, на полу. Отца? Или кого-то другого?

— Мне кажется, это кровь Тома, — сказала Бекки. — Если бы он ранил того, второго, то зачем ему было сбегать? Остался бы с раненым пленником или с трупом, в конце концов. Ага!.. Может, он убил его, прихватил тело и отправился куда-нибудь, чтобы избавиться от улик?

— Не думаю, — возразил я. — В таком случае папа уже давно вернулся бы обратно. С тех пор прошло больше часа.

— А может, они попали под действие поля прямо во время схватки, и их переместило? — спросила Бекки.

Я махнул в сторону пульта:

— А кто же тогда сломал машину, если они оба переместились?

— Точно. Что-то я туто соображаю, — призналась Бекки. — Так что же нам теперь делать?

Я бросил взгляд на лестницу:

— А вот это ты верно сообразила. Неплохо бы нам что-нибудь сделать. А все загадки обсудим после. Пошли.

— Куда?

— Поднимемся наверх. Пусть здесь все останется как есть. Надо разбудить Голема.

— А мое присутствие обязательно? — спросила Бекки. — Что-то мне не очень хочется.

— Понимаю, — вздохнул я. — Ладно, не бойся, он просто взглянет на тебя, когда я нажму на кнопку — увидит, что это ты, и оставит в покое.

— Но Том однажды сделал так и...

— Просто надо менять программу при каждом включении, вот и все. Ты же знаешь, он работает только на нас. Я хочу привести его сюда — пусть охраняет. Тебе больше не придется спускаться сюда самой.

— Понятно, только... Ну ладно, давай уж покончим с этим поскорее.

Мы выключили свет, закрыли дверь и начали подниматься по лестнице.

— У тебя лицо грязное, — сказала Бекки.

— Думаю, этого Голем не заметит, — бодро ответил я.

Глава 2

На обратном пути в окне, которое выходило на фасад, мы выставили табличку «ЗАКРЫТО». Я подумал, что завтра наверняка забуду это сделать — судя по всему, денек предстоял не из легких. Еще хорошо бы скорее добраться до телефона и позвонить миссис Делл, секретарше. Пусть свяжется со всем персоналом и скажет, чтобы пока не приходили.

Вслед за этим мне сразу же пришла в голову еще одна мудрая мысль — надо просмотреть ежедневник и выяснить, не записан ли кто на завтра. Если да, то им тоже следует позвонить и отложить посещение на другой день.

Вот черт! Сразу столько дел навалилось — и как пить дать что-нибудь еще упустил.

Мы вернулись в жилую часть дома и закрыли за собой дверь. Затем поднялись на второй этаж и зашли в папину спальню. Бекки осталась стоять у двери, а я прошел через комнату к туалету и решительно закатал ковровую дорожку.

В небольшом углублении я нашупал железное кольцо и потянул его на себя. Дверца в полу со скрипом открылась, и я услышал, как Бекки воскликнула:

— Ой, мамочки!

Я не стал ее стыдить. Если честно, я и сам до сих пор немного побаиваюсь нашего Голли, хотя мне пришлось достаточно с ним возиться и я отлично знаю, что, если делать все правильно, он вполне безопасен.

Это я придумал называть его Голли, чтобы не было ощущения, будто общаешься с персонажем фильма ужасов. Росту в нем всего-то чуть больше пяти футов, зато второго такого крепыша вы вряд ли същете — если, конечно, не имеете привычки прогуливаться в странных и опасных местах. У него бесцветная синтетическая кожа, нет ни волос, ни даже бровей. С шеей ему тоже, прямо скажем, не повезло, а вот руки и ноги вполне приличного размера. Отдаленно Голли напоминает мне одного злобного коротышку — мистера Клина. По-настоящему он, конечно, не живой — просто очень сильный, ловкий и ничего не боится. Все Центры по перемещению держат у себя хотя бы одного такого — на всякий случай.

Я опустился на колени и снял укрывавший его прозрачный полиэтилен. Разумеется, он при этом и не пошевелился. Он ведь даже не дышит. Затем я расстегнул молнию на черном комбинезоне, и на груди Голли открылась панель.

Когда я нажал кнопку с надписью «ПУСК», он открыл ярко-голубые глаза, принял сидячее положение, а затем встал. Если не трогать его, он так и будет стоять сколько угодно, пока не дашь ему какую-нибудь другую команду.

Я нажал кнопку с надписью «ПРОПУСК». Внутри панели что-то щелкнуло.

— Ну вот, Бекки, — сказал я. — Теперь ты на минутку подойди сюда.

Она ничего не ответила, а обернувшись, я увидел, что она стоит без движения и не спускает с Голли глаз.

— Я не смогу, — пробормотала сестренка. — Лучше подведи меня сам.

— Пожалуйста, — отозвался я, подошел и взял Бекки за руку.

Затем подвел ее к нужному месту, и все это время она цепко держала мою ладонь. Как только прозвучал знакомый щелчок и я отпустил кнопку, Бекки вырвала руку и стремительно вернулась на прежнюю позицию.

— Теперь мы в безопасности, — сказал я и нажал «ХОД». — Он знает, что это мы.

После этого я взял Голли за руку — на ощупь она все равно что прорезиненный плащ — и слегка ее сжал. В ответ на мое пожатие он выбрался из своей камеры и прошел следом за мной несколько шагов в направлении двери. Там я его и оставил, а сам вернулся, чтобы закрыть люк и поправить ковер. Когда я вышел вместе с Голли из комнаты, Бекки уже ждала нас в коридоре.

Он топал за мной, как ребенок за мамашей, бесшумно ступая своими босыми ногами. При этом на губах его блуждала странная улыбочка. Бекки старалась ни в коем случае не оказаться рядом с Голли.

Когда мы спустились в холм первого этажа, я услышал стук, явно доносящийся из-за металлической двери. Я вспомнил, что, когда возился наверху с Голли, тоже слышал этот шум, но не придал ему особого значения.

Почему-то мне даже не приходило в голову, что тот, из-за кого мы затеяли весь этот сыр-бор, может стучать. Украдкой пробираться куда-нибудь — это пожалуйста. Но чтобы стучать!

Поэтому я крикнул:

— Кто там?

— Билл Джитер, — ответили из-за двери, — из службы по уборке помещений. Я вошел с черного хода и не сразу заметил табличку у входа. Просто хотел узнать, нужно ли завтра приходить на работу.

— Не нужно, — отозвался я, лихорадочно соображая, чем бы это объяснить. — Кажется, намечается какая-то реконструкция. Знаете, вы и сегодня можете не убирать. Все равно завтра с утра намусорят.

Последовала короткая пауза.

— Но я надеюсь, мне все-таки заплатят за выход на работу, — произнес голос за дверью.

— Хорошо, — отозвался я. — Простите, что не известили вас.

— И вы меня тоже, — угрюмо ответил Билл и скрипнул ручкой ведра. — Только вы уж им скажите — пусть позвонят, когда снова выходить.

— Скажу, — пообещал я и еще раз извинился.

Снова раздался скрип ведра, а затем звук удаляющихся шагов.

Я вздохнул:

— Да уж, всего не предусмотришь...

Бекки бросила взгляд на Голли.

— Ну так что? — спросила она.

— Надо подождать, пока они все оттуда уберутся, — сказал я. — А потом уже запускать его туда.

Открыв дверь шкафа, я завел туда Голли и снова закрыл дверь.

— А ты думаешь, там еще кто-нибудь остался? — спросила Бекки.

— Может быть — там, куда мы не стали подниматься, — ответил я. — А может, нет. Но идти туда самому и проверять — не хочу. Лучше подождем, пока все точно разойдутся, тогда Голли поднимется туда и сам все проверит. Если там кто-нибудь есть, он его схватит — кто бы это ни был.

— Или что бы это ни было, — уточнила Бекки. — Ты, кстати, так и не объяснил мне, почему ты думаешь, что там еще кто-нибудь остался — ведь прошло довольно много времени.

— Транскомп был сломан, верно? Это можно было сделать, только находясь по эту сторону. Значит, комуто пришлось остаться, чтобы сломать его. А это в свою очередь означает, что сам «кто-то» уже не смог им воспользоваться — так?

— Кто-то или что-то, — сказала Бекки. — Теперь понятно. Значит, либо оно до сих пор находится там, либо успело выбраться наружу.

— Именно, — сказал я и сам того не заметил, как отправился на кухню. Я же до сих пор не поел и был жутко голоден.

— А где же тогда Том? — спросила Бекки.

— Думаю, он был ранен, но смог уйти через машину, — ответил я. — А тот, другой, по каким-то причинам не сумел последовать за ним. Тогда он со злости поломал установку, чтобы уж никто не смог ею воспользоваться.

— И теперь он бродит где-то здесь?

— Да.

— Но зачем?

— Не знаю, — ответил я, открывая холодильник. — Однако смею тебя уверить, помыслы его отнюдь не чисты.

Я открыл отделение для мясных продуктов и нащупал пакетик с гамбургером.

— А не могло быть наоборот? — спросила Бекки.

— То есть?

— То есть нападающий сбежал через установку, а раненый Том упал на пульт и повредил его. А потом он отполз и... и... — Она замялась.

Я покачал головой:

— Неправдоподобно. Тогда бы он давно приполз сюда или дополз до ближайшего телефона. Или же мы бы сами нашли его там. Какой ему смысл куда-то уползать и прятаться?

— Ну да, — Бекки задумчиво кивнула. — Пожалуй, ты прав. Если только этот «кто-то» тоже не сбежал через установку, захватив с собой и Тома.

— Так ты говоришь, пришла сюда сразу, как услышала выстрел? — спросил я.

— Сразу.

— Ты не слышала, чтобы кто-нибудь уходил?

— Нет.

Я озадаченно поднял брови и откусил гамбургер.

— Ты что, с ума сошел — он же сырой! — воскликнула Бекки.

— Мне так больше нравится.

— Ого! Да это у тебя никакая не грязь на лице... Это...

Тут мы услышали, как открылась и захлопнулась входная дверь. Почти одновременно, не сговариваясь, Бекки и я посмотрели на коричневый бумажный пакет, который лежал на столе.

Но уже через секунду я услышал громкий крик и понял, что все в порядке. Дело в том, что это был не просто крик. Это был воинственный клич, который издают бойцы, когда нападают — ки-я!

Я сразу выбежал из кухни и поспешил в холл.

— Не бойся, Барри! — закричал я на ходу и тут же услышал очередное «ки-я!» — Барри! Я сейчас!

Я прибежал как раз вовремя: Барри изо всех сил тузил Голли по животу. Разумеется, ничего страшного не произошло. Я же не вводил в действие систему ответного боя. Поэтому Голли просто стоял в шкафу и терпеливо сносил удары.

— Успокойся, Барри, все в порядке, — сказал я. — Разве у вас не держат Големов?

— Так это Голем? — спросил Барри, отступая назад, чтобы получше рассмотреть свою жертву. — Я только слышал про них, а сам никогда не видел.

— Да, это Голем, — подтвердил я.

Барри поднял с пола свою белую куртку.

— Вот, собирался повесить... — пояснил он. — Просто он... гм... слегка удивил меня. А что он, собственно, тут делает — в шкафу?

Барри одного роста со мной, только намного шире меня в плечах. Волосы у него прямые, каштанового цвета — чуть светлее моих, — а глаза цвета ореха. Двигается он грациозно — как какой-нибудь танцор, но я своими глазами видел, как он разбивал ладонью кирпичи.

— Просто мы ждали, пока разойдутся уборщики. Хотим послать его в соседний отсек.

— Мусорной машины у входа нет, — доложил Барри.

— Прекрасно, — сказал я. — Значит, они уже уехали. В таком случае пора начинать.

Я взял Голли за руку и вывел его из шкафа, предварительно нажав на «ПРОПУСК» для Барри. После этого я повел Голема к металлической двери.

— А зачем тебе все это нужно? — спросил Барри.

— Сейчас закончу и все тебе расскажу.

Я открыл дверь и завел Голли внутрь. Затем поставил его на ступеньку лестницы и нажал на кнопку «ПАТРУЛЬ». Мой палец на секунду завис над кнопкой с командой «УБИТЬ», затем перешел к кнопке «ЗАХВАТ» и нажал ее. После этого я отступил в

сторону и проследил, как Голли спускается по лестнице.

— Ого, тебе бы не мешало побриться, — сказал Барри.

— А? — вздрогнул я и потер подбородок. — Я же брился в прошлом месяце. — Однако лицо у меня действительно обросло. — Это все чертова полночь... — проворчал я.

— Так зачем ты послал туда этого... эту штуку-вину? — спросил Барри.

— Пойдем на кухню, — предложил я. — Я буду доделывать и рассказывать. У нас еще столько дел...

На обратном пути мы прошли через приемную. Я снова бросил взгляд на портрет Леонардо, и меня вдруг потянуло к раздумьям...

Когда-то давно, в середине восемнадцатого века, французские поселенцы основали экспансию английских колонизаторов на запад Америки. Если бы Англия не выиграла Семилетнюю войну, то вполне возможно, что карта Северной Америки была бы совсем другой — на востоке бы красовалась Новая Англия, в серединке — Новая Франция, а ближе к западу — Новая Испания.

А давайте предположим, что Англия проиграла бы Семилетнюю войну — что бы сейчас было на том месте, где стоит ваш дом? Как бы назывался ваш город?

Или предположим, что крошечному, но весьма удачливому войску Кортеса внезапно не повезло, и ему так и не удалось завоевать ацтеков...

Или что Россия передумала продавать Америке Аляску...

Или что Чарльз Мартель потерпел поражение в битве при Туре восьмом веке, и войска мусульман ворвались в Европу. Случись так, и, возможно, мы бы сейчас изучали коран, а не Библию...

А могла бы вообще начаться атомная война, и никого бы не осталось в живых...

Или представим, что не было Крестового похода и самих крестоносцев...

А что было бы, если бы последний ледниковый период продлился чуть дольше или, наоборот —

закончился раньше? Или если люди развили бы в себе совершенно иные возможности — не те, что у них есть сейчас? К примеру, выучились не считать, а колдовать...

А вот если предположить, что все эти возможности уже существуют — так же как и другие, о которых мы даже не подозреваем? Что, если где-то есть целый мир, в котором все устроено именно так? Даже много миров, которые существуют параллельно, вместе, бок о бок. И в каждом из этих миров поворотные моменты истории заканчивались по-разному.

А дальше представим, что существует некое устройство для перемещения в эти миры и можно запросто покрутить ручку настройки и поймать другую реальность, а потом и переместиться в нее — прямо в параллельный мир. Если их так много, этих миров, то наверняка хотя бы в одном из них — а может, и не в одном — изобрели такое устройство.

Допустим, что это случилось здесь, у нас — скажем, в эпоху Возрождения. И уже тогда стало понятно, что открытый доступ в другие миры означал бы крах для всей цивилизации. Зато доступ ограниченный открывал чудесные возможности...

Просто представим себе это. Пусть в каждом таком мире будет лишь маленькая горстка посвященных в тайну перемещения. Скажем, по одной семье на отдельно взятую реальность. Им одним будут доверены средства для перемещения, и им придется поддерживать связь между мирами. Разумеется, из-за необходимости держать все в тайне им приходится выдавать себя за обычных людей, а свои базы маскировать под научные институты и банки идей...

Вам, конечно же, сразу придет в голову, что с годами все эти избранные семьи должны породниться между собой — ведь они будут часто видеться друг с другом. Так вот, скажу вам больше: принято даже нечто вроде программы по обмену студентами — для детей.

Заметьте, я сказал — предположим.

Барри явился к нам из ну о-очень крутого мес-тешка. Моя сестренка Бекки — я уже говорил — ведь-ма. Братец Дейв сейчас проживает в замке. А еще у меня есть дядя по имени Джордж, который просто оборотень.

Что касается меня, то мне уже много где довелось побывать. Правда, пока я еще не принимал участие в студенческом обмене. Вот вернется Дейв — тогда при-дет и моя очередь.

Глава 3

Параллельные миры мы называем обычно «зонами» — так проще, когда настраиваешь транскомп на определенное поле перемещения. Кстати, название «транскомп» происходит от слова «транспорт», что означает перемещение, и слова «компьютер». В свое время компьютеры изрядно облегчили все связанные с перемещением процессы. Должен заметить, что у нас он появился еще задолго до начала в нашем мире всеобщего компьютерного бума, поэтому названием «транскомп» пользуются уже несколько поколений.

Обще-то не только одни компьютеры в других зонах изобрели раньше, чем здесь. Голли тоже пришел к нам из другой зоны — той, что издавна славилась своими неповторимыми андроидами, то есть роботами, созданными по образу и подобию людей.

Со множеством миров нас связывают теплые и давние отношения. Такие у нас называются «белыми зонами». Но есть и другие — там мы ограничиваемся лишь тем, что имеем своих постоянных наблюдателей. Большинство из них открыто недавно, и мы еще недостаточно их изучили, чтобы понять, можем ли мы чем-нибудь помочь. Либо же они явно находятся на такой стадии развития, что сотрудничество принесет больше вреда, чем пользы. Такие мы называем «серыми зонами».

Кроме того, есть несколько миров, в которых дела обстоят совсем уж неважко — там попросту не

осталось никого в живых. Эти у нас называются «мертвыми зонами». Впрочем, о таких зонах тоже полезно знать — чтобы впредь не делать ошибок. Особенно тем, кто живет в серых зонах. А вообще мы очень строго следим, чтобы миры не «заражались» друг от друга ничем дурным.

И последняя категория — «черные зоны». Таких всего три. А раньше вообще была только одна. Обитатели таких миров не гнушаются грубым вмешательством в ход развития других зон, эксплуатацией их жителей и ресурсов, кражей технологий. Очень может быть, что именно им обязаны своим появлением мертвые зоны. И это, как ни странно, замкнутый круг. Ведь первая черная зона появилась благодаря стараниям зон белых. Они так рьяно взялись помочь молодой неокрепшей цивилизации, что буквально забросали ее новыми технологиями — включая технологию перемещения. Последствия этого оказались ужасными — неразвитая культура просто не вынесла такого натиска. История с появлением черной зоны послужила уроком для всех остальных. С тех пор мы стараемся быть очень щепетильными в подобных делах.

Что касается меня, то мне приходилось бывать и в серых, и в мертвых, и почти что во всех белых зонах. Подобные посещения являются обязательными для нашего образования — я говорю конкретно о семьях вроде моей. Кроме того, мы изучаем историю каждого из миров — вот почему я так гладко рассказываю, когда дело касается каких-нибудь поворотных исторических моментов или развития параллельных миров. Нет, вы вдумайтесь: историю даже одной страны выучить — это вам не фунт изюма съесть, а тут приходится заучивать их пачками! Самое ужасное, что часто они до смешного похожи одна на другую. Вот когда выучиваешься жонглировать фактами из прошлого!

Врать не буду: в черных зонах мне не приходилось бывать ни разу. Но это вполне естественно — наш мир не поддерживает с ними никаких отношений. Впрочем, думаю, тайная агентура работает как у них, так и у нас.

Как раз об этом мы говорили на кухне после того, как Барри выслушал наш взволнованный рассказ о происшедшем. Первое, что пришло в голову: во всей этой истории замешана какая-нибудь черная зона. Возможно, им удалось подключиться к нашим приборам и дождаться их запуска. Барри предположил, что они могли захватить где-нибудь в белой зоне оператора по перемещениям и выиграть у него технические сведения о связи с нами. Барри также не исключал возможности, что отец стал невольным пленником «черных».

На мое возражение, что они не могли забрать его с собой, потому что установка вышла из строя, Барри ответил, что похититель мог иметь при себе и переносное устройство для перемещения. В этом случае ничто не мешало ему повредить наш транскомп и переместиться вместе с пленником, используя свой собственный прибор. Таким образом похититель получал «фору», временно лишив нас связи с белыми зонами.

А ведь об этом я и не подумал. Наши прошлые догадки попросту меркли перед этим страшным открытием.

Ясно было одно: все эти происки, если они существовали, были направлены не против конкретного человека, а против нашей зоны в целом. Ведь такие попытки предпринимались и раньше. Тем не менее у меня немного отлегло от сердца — все-таки легче сознавать, что твой папа не умер, а просто пропал. Всегда остается надежда его разыскать, хотя я и не представляю, как это сделать, если он попал в плен в какую-нибудь черную зону...

Все время, пока мы разговаривали, я не перевставая ел. Понимаю, это звучит чудовищно, но ничего не могу с собой поделать. Иногда у меня становится прямо какой-то зверский обмен веществ — сейчас как раз такой случай.

— Значит, что мы имеем? Либо он воспользовался нашей установкой, либо нет.

Барри кивнул.

— Если нет, тогда нам никак не догадаться, где он, — продолжал я.

— А если он все же воспользовался ею, тогда на индикаторе должна оставаться зона! — радостно воскликнул Барри.

— Если, конечно, ее не сдвинули при поломке, — вставила Бекки. — Не ты ли объяснял мне недавно, какая там чувствительная настройка?

Я кивнул:

— Но ведь зоны редко располагаются близко друг от друга. Если поблизости со стрелкой окажется какая-нибудь четко выраженная частота, этого будет достаточно.

— И все же некоторые зоны расположены подряд, — возразил Барри.

Я бросил в мусорное ведро пластиковый подносик. Наконец-то мне удалось хоть немного утолить голод.

— Больше разговоров, — проворчал я. — Не проще ли будет пойти и посмотреть?

— Ну так давайте пойдем и посмотрим, — живо отозвался Барри и потянулся к бумажному пакету на столе.

— Пусть сначала Голли закончит обход, — сказал я.

— Да я и сам не побоюсь туда пойти.

— Не сомневаюсь, — уверил его я. Удивительно, как только ему до сих пор не надоело изображать из себя этакого мачо с волосатой грудью! Скоро будет уже пять месяцев, как он живет у нас, и все это время так и ищет, с кем бы подрасти. — Послушай, в конце концов, это его работа, а кроме того, я все равно должен идти звонить миссис Делл. — Я снова потер подбородок. — Да и побриться бы не мешало... А ты пока можешь что-нибудь съесть. Тебе ведь потребуется много сил.

На мгновение Барри задумался, а потом с улыбкой кивнул.

— Пожалуй, ты прав, — сказал он. — Ладно, давай иди звони. А я поднаберусь калорий.

Так я и сделал. В ходе разговора с миссис Делл выяснилось, что у нее имеется даже список завтрашних клиентов, и она обещала всех их предупредить. Когда же она поинтересовалась, надолго ли мы закры-

ваемся, я сразу и не сообразил, что ей ответить. Сказал, что сообщим ей об этом позже. Разумеется, миссис Делл сразу поняла, что дело здесь нечисто, и задала новый вопрос, который уж совсем поставил меня в тупик, так как в семейные тайны ее до сих пор не посвящали.

— Что случилось, Джим? — спросила она. — Что у вас там происходит?

— Это... гм-м... — И тут я вспомнил одно поистине волшебное слово. — Это военная тайна! — отрезал я.

— А-а... — протянул голос на другом конце провода. — Что ж, надеюсь, все у вас наладится.

— Возможно, в скором времени. Но точно ничего сказать не могу.

— Вам не требуется моя помощь?

— Нет, — твердо сказал я. — Спасибо. Мы очень ценим вашу преданность делу. Позвоним, как только все прояснится. До свидания.

Я повесил трубку и с облегчением вздохнул. Миссис Делл сама обо всем позаботится.

Затем я поднялся к себе в комнату и достал электрическую бритву, которую отец подарил мне на день рождения. Я пользовался ею всего несколько раз, но теперь, как только взглянул на себя в зеркало, сразу понял, что пришло время воспользоваться ею еще раз. Надо же, утром, когда я чистил зубы, всего этого безобразия не было... Впрочем, чего удивляться — полнолуние. В последнее время я стал замечать, что луна действует на меня все сильнее и сильнее. Во всяком случае я всегда был склонен связывать подобные явления именно с ней.

Я уже закончил бриться и взял в руки крем «после бритья», который мне тоже подарили и который я терпеть не могу из-за противного запаха, как вдруг услышал чей-то вопль. Звук шел явно из соседнего помещения. В три прыжка я преодолел коридор, после чего с проворством горного козла сбежал по лестнице. Голос был мужской, а поскольку Големы не умеют издавать никаких звуков вообще, это могло означать только одно: Голли «удивил» еще кого-то и теперь

осуществляет команду «ЗАХВАТ». Уборщики разошлись, следовательно, это должен быть он — тот, кого мы ищем. Наверное, ходил там, вынюхивал, пытался влезть в секретные папки или в сейф в поисках полезной информации. Ну конечно! А что еще делать лазутчику из черной зоны, как не пытаться украдь секреты, чтобы узнать, каким образом мы собираемся учить их общество противостоять эксплуатации?

Поэтому-то я и несся. Разумеется, не из-за того, что мне так уж не терпелось полюбоваться на пришельца. Просто нужно было поспеть раньше, чем Барри. Может, я не слишком справедлив к нему, но, как мне кажется, в воинственном обществе, в котором он вырос, весьма и весьма суровые законы. Вдруг ему втемяшился в голову, что он должен стоять не на жизнь, а на смерть, защищая меня и Бекки? Ведь тогда у нас не останется никаких шансов увидеть нашего пленника живым. И потом, в отсутствие Дейва и папы я здесь главный. Я замещаю почетную должность хозяина дома, и сейчас самое время напомнить всем об этом.

Раздался новый вопль. Я услышал даже сопровождавшие его не совсем пристойные комментарии. Звук доносился откуда-то сверху и одновременно из задней части дома.

Когда я наконец вбежал в нижний коридор, Барри был уже у двери и открывал ее. В левой руке он держал знакомый бумажный пакет. Бекки рядом с ним не было. Я со всех ног бросился к нему.

— Барри! — крикнул я. — Подожди!

Но он уже успел юркнуть в дверь. Я ворвался следом за ним и повернулся в коридор, который ведет в заднюю часть дома. Со второго этажа донесся очередной взрыв негодования, и на этот раз голос показался мне каким-то подозрительно знакомым.

Коридор снова повернулся, и за углом я увидел Барри. Он красноречиво сжимал в правой руке бумажный пакет и как раз собирался взбежать по лестнице.

— Эй, Барри! — во всю глотку заорал я. — Я здесь за главного, пока нет отца! И я говорю — стой!

Он только слегка замедлил шаг и оглянулся.

— Стоять — я тебе сказал! — еще раз гаркнул я.

Только тогда он со вздохом остановился и посмотрел мне в глаза:

— Как бы тебе это выразиться, Джим... Словом, я лучше разбираюсь в таких вещах.

— Очень возможно, если полагаться только на силу, — отозвался я, наконец-то настигнув его у лестницы. — Но этого делать лучше не стоит. Иначе ты просто выдашь нас — и все.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он, в то время как я начал подниматься по ступенькам.

— Я хочу сказать, что птичка все-таки упорхнула. Я не чувствую больше того запаха, и потом — я узнал голос. И ты бы узнал, если бы получше прислушался. Так что спрячь свою пушку и не совершай опрометчивых поступков — мне же потом за тебя отдуваться, все объяснять.

— Ну да, Джим, конечно, — сразу стушевался он. — Да я ничего такого не...

Я обогнал его, свернул налево и в несколько мгновений оказался на верху лестницы. Я шел по направлению к библиотеке, которая служила также главным конференц-залом. Именно оттуда исходил звук.

Входная дверь была распахнута, внутри горел свет. Возня уже стихла, и теперь тот самый голос, который я узнал, от ругательств и криков перешел к мольбам.

— Ну отпустите меня, пожалуйста. Мне больно. Ну почему вы ничего не отвечаете? Я же...

Бежав в комнату, я сразу увидел Голли, который мертвой хваткой держал свою добычу. Он уложил несчастного лицом на стол, одной лапицей скрутил ему за спину правую руку, а другой одновременно прижал к столу его плечо.

Такая поза прекрасно меня устраивала — чего нельзя было сказать о пленнике. Впрочем, меня она устраивала только по одной причине — я мог совершенно незаметно подойти к Голли, расстегнуть молнию, нажать кнопку «ПРОПУСК» и застегнуть молнию обратно. Все это я проделал просто с рекордной скоростью.

Голли в ту же секунду отпустил пленника, и я ласково похлопал его по плечу.

— Доктор Вейд! — вкрадчиво произнес я. — Это я, Джим Вили. Простите, что все так получилось, но...

— Что же такое делается-то, а? — вскричал доктор и, морщась от боли, разогнулся.

Тут он заметил Голли и начал тихо пятиться, придерживаясь за край стола. Затем вскинул вперед руку с указующим перстом.

— Вот этот человек напал на меня! — провозгласил он.

— Да, сэр. Наш охранник, — пояснил я. — Тут произошли кое-какие неприятности, вот мы и направили его проследить.

— Но я же сказал ему, что являюсь сотрудником института, что у меня в бумажнике лежит удостоверение. Он даже слушать ничего не хотел...

— Просто он не понимает по-английски, — со всей искренностью сказал я. — Лучшего мы за такой короткий срок, сами понимаете, не нашли.

— Но вы должны были как-нибудь побеспокоиться наперед, чтобы он не нападал на почтенных людей...

— Ну уж насчет этого мы побеспокоились, — заверил я, сразу не сообразив, что он может не так меня понять. — Вывесили у входа табличку «ЗАКРЫТО».

— Но не у заднего входа, — поднял палец доктор. — Как раз от той двери у меня имеется ключ. И если еще кому-то из сотрудников вздумается прийти в такой час, то они пойдут именно через тот вход.

— Простите, — еще раз извинился я. — Разумеется, вы правы. Я сейчас же спущусь и вывешу еще одну табличку. Признаю, это мое упущение. Как я об этом не подумал... Но мне просто в голову не могло прийти, что в такое время нас может навестить гость.

Доктор поправил очки и пригладил рукой темные с проседью волосы. Это был высокий долговязый мужчина — математик из лаборатории в Лос-Аламосе. Он также возглавлял один из проектов, которые финансировал институт, поэтому действительно имел полное право находиться здесь, когда ему заблагорассудится.

— А что же за неприятности тут у вас произошли? — спросил он, заметно смягчившись.

— Кто-то пытался проникнуть в здание, — без запинки ответил я. — И вероятно, его спугнули.

Доктор посмотрел куда-то через мое плечо. Я оглянулся и увидел Барри, который молча стоял в дверях.

— А вас-то, мальчишек, как сюда занесло? — насторожился он.

— Дело в том, что отца вызвали по делам — еще до того, как все это случилось, — объяснил я. — Но мне кажется, на нашем месте он именно так бы и поступил.

— Хм-м... Будем надеяться, он скоро вернется.

— Конечно, — отозвался я.

— А не связана ли его отлучка с делами охраны?

— Ну да. Скорее всего, — ответил я.

Доктор Вейд расправил воротничок на рубашке и принялся собирать в папку рассыпавшиеся по полу бумаги.

— Что ж, вы сделали все правильно — вызвали охранника и закрылись от посторонних, — сказал он. — Хотя, я думаю, это был всего лишь какой-нибудь городской бродяжка. Наверняка его уже и след простыл. Кстати, я приехал сюда с самой Горы — привез заметки с последнего собрания, а также собирался просмотреть все материалы. — Он постучал согнутым пальцем по своей увесистой папке. — Я намеревался занять одну из спален наверху и оставаться там до тех пор, пока не закончу с просмотром. Честно говоря, мне бы совсем не хотелось менять своих планов. Я сильно сомневаюсь, что тот, кто сюда рвался, вернется опять. Но даже если он вздумает... — Доктор с многозначительной улыбкой оглянулся на Голли. — Уверен, я буду в полной безопасности.

Ну что я мог ответить? Конечно, все это было мне не по душе, но я отступил перед его возрастом и чином.

— Разумеется, вам решать, — начал я, — только...

— Вот и прекрасно, — сказал он, сжав мне рукой плечо. — Обратный путь, прямо скажем, неблизкий, а ночевать в машине еще более опасно, чем сидеть здесь.

— Хотите, я сварю вам кофе?

— Нет, спасибо. У меня с собой термос.

Я проследил за его взглядом и увидел на стуле возле двери небольшой дорожный чемоданчик.

— Странные, право, вещи со мной творятся, — посетовал доктор, подхватывая со стула чемодан. — Получается, что я запомнил не все, о чем говорили на собрании. — Он помахал папкой. — Наверное, я задремал, когда раздавали эти формулы.

— Формулы? — переспросил я.

— Да, вот тут их целая страница, и ни одной из них я не помню. Прямо наваждение какое-то. Надо скорее их просмотреть. Ну ладно, Джим, до свидания. И ты, Барри.

С этими словами он вышел из библиотеки, а мы остались стоять вместе со своим Големом и с полным ощущением собственной беспомощности.

Глава 4

Прямо в библиотеке мы изготавлили еще одну табличку и вывесили ее у черного хода. Голли мы снова отправили патрулировать, зная, что доктора Вейда он больше не побеспокоит. Затем удостоверились, что почтенный математик расположился в своей комнате наверху, и, решив, что он уже вряд ли захочет вылезать оттуда, со спокойной душой вернулись на нашу половину дома.

Бекки ждала на кухне.

Первое, что выпалил Барри, когда мы переступили порог, было:

— А ты уверен, что это действительно доктор Вейд?

— Да, — ответил я. — Вполне.

— Ведь среди «черных» полно оборотней.

— Знаю, но это точно не «черный». Уж запах-то они вряд ли научились подделывать. А запах доктора я хорошо знаю. К тому же тот, чужой дух уж почти что выветрился.

— Так, значит, ходить там уже не опасно? — спросила Бекки.

— Уверен на все сто.

— Что будем делать? — разом встрепенулся Барри.

— Сейчас все вместе пойдем в комнату, где стоит транскомп.

— Зачем?

— Мы забыли кое-что проверить.

— Что именно? — спросила Бекки.

Ни слова не говоря, я повернулся и вышел из кухни, а они устремились за мной.

— Мне все больше и больше кажется, что папа сбежал при помощи поля, — сказал я. — А тот, с кем он дрался, не успел. Я тогда сразу его учゅял — по всем коридорам неслось. Правда, сейчас он уже тоже смылся.

— Ты думаешь? — задумчиво произнес Барри. — И мы не знаем, куда они оба подались... К тому же у нас сломана машина.

Мы свернули по коридору направо.

— Все одно к одному... Теперь самое главное вычислить, куда отправился папа. Если он действительно переместился, то надо все-таки попробовать определить зону по настройке.

— Угу, — кивнул Барри. — Допустим... — пробормотал он себе под нос и вдруг вскинул на нас взгляд: — А что, если тот тип специально сбил настройку, чтобы запутать нас?

— Зачем бы ему это понадобилось? — возразил я. — Если уж он сломал машину, то наверняка рассчитывал, что мы не станем ею пользоваться. И потом, как мне показалось, он делал все впопыхах.

Мы зашли в кладовую, включили свет и подошли к откидной панели в стене, а через секунду уже спускались по ступенькам.

В комнате я не обнаружил никаких видимых изменений. Транскомп был в том же виде, в каком мы его оставили. Я подбежал к панели прибора и посмотрел, на какой зоне установлена стрелка. Сперва я даже не поверил своим глазам и полез в ящик стола за картой. Подошел Барри и тоже склонился над циферблатом.

— Это черная зона, — с ходу определил он. — Думаю, третья.

Я кивнул, потому что на сей раз он был прав.

— Так-то это так, — сказал я, — но ведь наша установка не рассчитана на такие зоны, значит, этому должно быть другое объяснение. И я подозреваю, в чем тут дело. — Я протянул руку к циферблату и

несколько раз сильно стукнул по нему костяшками пальцев. Стрелка опустилась. — Видишь? — торжествующе сказал я. — Значит, она могла сдвинуться во время удара.

— Но теперь-то она встала на место? — спросил Барри. — А может, просто сломалась?

Я снова уткнулся в карту.

— Да нет, плотность нормальная. Вполне может быть та зона, что была до удара.

— И какая же?

— Мертвая.

— Угу...

Барри подошел к панели настройки и вернул стрелку в прежнее положение. Затем примерился и подбил корпус циферблата снизу. На этот раз индикатор подпрыгнул вверх.

— Попало? — спросил он.

— Да. Теперь белая зона.

— Угу...

— Понятно, понятно, к чему ты клонишь, — сказал я. — Стрелка могла перепрыгнуть на черную зону как сверху, так и снизу, верно?

— Вот-вот, — ответил он. — Никаких других зон рядом не видно?

— Нет.

— Надо же, — сказала Бекки, вырывая у меня карту, — а мне казалось, я хорошо знаю этот участок.

— Я лично бывал в обеих зонах, — сказал Барри. — Да и ты наверняка тоже.

— Нет, — отозвался я. — Я был только в мертвой.

— Хм... А я думал, ты облазил все белые зоны...

— Все, кроме одной, — уточнил я. — И это как раз та самая.

— Как же получилось, что ты не попал туда?

— Просто там живет мой дядя Джордж.

— И что?

— Он оборотень, и я, по-видимому, пошел в него. У них там весьма благоприятная среда для этих дел, и дядя запретил моим родственникам пускать меня туда, пока я не вырасту и не научусь сознательно управлять

своим организмом. Они ужасно боятся, что я обращусь в волка и убегу в лес.

— Так вот почему на тебя так действует полная луна?

— Ну да.

Некоторое время Барри барабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Получается, что это как раз та зона, в которую он мог переместиться — если там живет его брат.

— Не брат, а шурин, — поправил его я. — Это мой дядя по маминой линии. Но в принципе ты прав. Это вполне вероятно.

— А с другой стороны, — вмешалась в разговор Бекки, — мертвая зона — это отличное место для тех, кто хочет скрыться.

— Ну, допустим, — согласился я. — А зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем ему скрываться? Ему главное было сбежать отсюда. Эти типы тоже свое дело сделали — пробрались на секретную территорию. Вряд ли их интересовал кто-то конкретно. Отец просто попался им под руку. Им нет никакого резона за ним гоняться. Не за этим же они сюда перемещались.

— А если... — начала Бекки.

— Что — если?

— Если за всем этим стоит нечто большее? — закончила она.

— Почему ты так решила?

— Не знаю, просто мне так кажется, — упрямо повторила Бекки. — Кажется — и все!

Я пожал плечами. Мало ли что кому кажется.

— Что бы там тебе ни казалось, мы все равно не сможем отправиться следом за Томом, — сказал Барри. — А пусть бы и смогли, это бы все равно ничего не изменило. Потому что никакие «черные» ему уже не страшны — даже если они притащились специально за ним.

Бекки вдруг указала рукой на циферблат.

— «Черный» тоже видел, где стрелка, и мог сообщить все не хуже тебя, — произнесла она.

Барри прикусил нижнюю губу и задумался.

— Ну ладно, — сказал он наконец, — Принимается.

Если мы все же отправимся следом за ним, будем иметь в виду, что у него на хвосте могут сидеть агенты «черных». Правда, на мой взгляд, это маловероятно, но лишняя осторожность никогда не помешает. Разумеется, пока это все теория, — добавил он. — Сначала еще надо переместиться. Тебе случайно не приходилось копаться в этой установке, Джим?

— Немного, — ответил я. — Так, по мелочам. Но папа всегда брал меня с собой, когда делал что-нибудь серьезное. И по ходу все объяснял.

— Мне дома тоже случалось этим заниматься, — промолвил Барри. — Предлагаю для начала отстроить ее.

Я подключил транскомп к сети и указал Барри на сиротливо горящий огонек индикатора.

— Думаю, на прием он так или иначе работает, — сказал я. — Повреждена только передача.

— Да, но нам-то от этого не легче.

Я снова вырубил сеть и стал отвинчивать сломанную панель. Когда я вытащил ее, Барри только покачал головой:

— Ого-го...

— Если не сказать больше, — поддакнул я.

— Придется основательно попотеть...

— И сколько это займет времени? — спросила Бекки.

— Будем сидеть хоть до утра, — сказал Барри.

Даже если придется заменять все до одной детали.

— А у вас они есть — запасные детали?

— Не уверен, что все, — ответил я.

— А если еще придется влезать внутрь, тогда получится и того дольше, — сказал Барри.

— Это уж точно, — кивнул я. — Надо будет все прозванивать.

— Кому-нибудь из вас уже приходилось этим заниматься? — поинтересовалась Бекки.

— Мне — нет, — честно ответил я.

Барри тоже покачал головой.

— В таком случае это слишком долгий путь. И слишком ненадежный, — добавила она.

Барри хохотнул — без всякого намека на юмор.

— Если у тебя есть идея получше, можешь выскажать ее нам, — ласково произнес он.

— Поищем другой способ для перемещения, — предложила Бекки.

— Скажешь еще тоже, — махнул рукой Барри. — Либо у нас есть исправный транскомп — либо нет. Другого не дано.

Бекки смерила его долгим тяжелым взглядом. В конце концов он не выдержал и отвернулся.

— А почему ты, собственно, так уверена, что у нас не получится? — спросил он.

Впервые за этот вечер Бекки улыбнулась:

— Сейчас вопрос вовсе не в том, получится у вас или не получится. Нам главное — выиграть время. А если бы нашелся другой путь перемещения? Вы бы знали где искать Тома?

— В белой зоне? — уточнил Барри. — Это просто. Спросили бы у местных — Кендаллов, — где он может быть. Он же обязательно проходил через их установку. Вот в мертввой зоне — другое дело, там спрашивать некого. Но там он может быть на секретной станции или где-нибудь поблизости от нее. Да ты сама знаешь. Разве ты не...

— Я не об этом, — перебила его Бекки. — Представь, что вы попали в какие-то другие места, может быть, очень далеко от транскомпов. Смогли бы вы сориентироваться на незнакомой местности? Я спрашиваю, потому что могла бы сама переместить вас — просто в другую зону, без всякой установки.

Барри посмотрел на нее, прищурив глаза.

— Ты это серьезно? — спросил он. Затем, увидев, как вытянулось при этом ее лицо, поспешил продолжить: — Ну... да. Наверное, смогли бы. Зря, что ли, мы мотались по этим мирам каждый год, изучали все эти карты, зубрили историю? Надо будет — дорогу найдем. Ты, главное, перемести нас туда, если сумеешь, а мы уж разберемся, что к чему.

Бекки перевела взгляд на меня. Я кивнул ей.

— Не знаю, что ты там задумала, — сказал я. — Но хотелось бы знать — если ты отправишь нас отсюда, ты сможешь вернуть нас обратно?

— Нет. Только если бы я тоже оказалась там, — ответила она. — Как только вы перейдете в другое место, я сразу потеряю ваш след. Но вы же сами сказали, что на прием наш транскомп работает. Вы просто включите его перед тем, как я вас перемещу, и установите на прием. А потом попросите, чтобы с того транскомпа вас выслали обратно.

— Но мы должны быть точно уверены, что он работает в режиме приема, — сказал я. — Если горит индикатор и слышно гудение — это еще не значит, что все исправно.

Бекки пожала плечами:

— Ну, это уже по вашей части. Выясняйте.

— И то верно, — кивнул я. — Что ж, выясним. Ты лучше расскажи, каким образом собираешься нас перемещать.

Бекки отвернулась.

— Не знаю, получится ли у меня, — сказала она. — Но я хочу попробовать. Это Старый способ.

— То есть?

— Ну, подумай, как люди раньше перемещались, когда еще не было компьютеров?

— В принципе компьютер не так уж необходим, — согласился я. — С ним просто удобнее. А в старину приходилось писать кучу каких-то бумажек, вручную настраиваться на нужную зону и все такое...

— Ну, это не такая уж старина, — сказала Бекки. — Я говорю про настоящую Старину. Как люди обходились, когда еще не было электричества и нельзя было просто нажать нужную кнопку?

— Тогда они использовали другие источники энергии, — ответил я. — Ветряные и водяные мельницы. Всякое такое. И перенимали опыт более развитых зон.

— О-о-о! — простонала Бекки. — И как же они ухитрились с теми связаться, чтобы перенять этот опыт?

— Значит, все было наоборот. Те связались с нами первые.

— То есть настроились на нашу несуществующую установочку и нажали кнопочку, да?

— Точно не могу сказать, но они как-то вышли на Основателя и научили его...

— Скажи лучше, что не знаешь.

— Ну, не знаю.

— Существуют другие источники энергии — кроме ветряных и водяных мельниц, — отчеканила Бекки. — И мы попробуем переместиться так, как это делалось еще до Основателя. То есть Старым способом.

Барри смотрел на нее, вытаращив глаза, а правая его рука сама собой выписывала в воздухе какие-то таинственные знаки. Но Бекки даже не обратила на это внимания.

— Значит, вы тут проверяйте приемник, — решительно заявила сестренка, — а я пока пойду кое-что подготовлю.

С этими словами она повернулась и вышла из комнаты.

— Да она точно ведьма! — еле слышно пробормотал Барри.

В ответ я только пожал плечами. Я прекрасно знал это и без него.

Глава 5

Пока мы проверяли машину, я размышлял о зонах и о том, что они друг для друга значат. Есть, например, зоны, которые находятся с нами примерно на одном технологическом уровне — ну, может, чуть впереди или чуть позади — неважно. Некоторые по развитию идут намного впереди нас. Другие, наоборот, отстают, и у них феодальный строй только-только начинает меняться на индустриальный. И вот мы — я имею в виду семью, подобные нашей, — просто до опупения изучаем все эти варианты развития в надежде избежать уже сделанных кем-то ошибок, предвидеть всякие кризисы, без которых не обходится ни одна культура, и по возможности сладить поворотные моменты.

Если говорить на языке коммерции, то нашим товаром являются идеи. Должен заметить, что институт не всегда находился на территории юго-запада Америки. С каждым новым поколением наша семья переехала в другой центр — туда, где мы могли принести больше пользы. К примеру, был случай, когда наши предки после многочисленных семейных советов пригласили представителя из зоны высоких технологий, соответствующим образом подготовили его и заслали в Дублин — это было начало девятнадцатого века. Там он познакомился с неким горе-математиком по фамилии Гамильтон, они стали регулярно встречаться за рюмкой, и в одной из таких пьяных бесед представитель

как бы невзначай коснулся вопроса символизации векторов в трехмерном пространстве. В результате спустя несколько лет появилась работа Гамильтона на эту тему, а ею в свою очередь воспользовался знаменитый физик Гейзенберг. Разумеется, попойки пагубно сказались на печени нашего коллеги, зато весьма искусно и вовремя подвели человечество к созданию атомной теории.

Сейчас мы базируемся под Лос-Аламосом, и работают у нас в основном ученые из местной лаборатории — вроде доктора Вейда. Наш институт является в прямом смысле копилкой для идей. То есть мы заключаем со своими сотрудниками контракты, по которым они могут получать дополнительные деньги за то, что поставляют нам свои идеи в письменном виде. А за одно мы незаметненько подбрасываем им пару-тройку своих идей — не совсем связанных с тем, над чем они работают, зато способных натолкнуть их на нужную мысль.

Разумеется, все это надо осуществлять с большой осторожностью, учитывая многочисленные подводные камни, которые может уготовить нам история. Важно правильно выбрать идею и не ошибиться со временем, когда ее следует внедрять. Такие ошибки слишком дорого обходятся. К примеру, наша зона — насколько я знаю из разговоров гзрослых — переживает сейчас далеко не лучшие времена.

На первый взгляд все это может показаться чем-то вроде арифметики, где все понятно и легко предсказать каждое следующее действие. Но дело обстоит далеко не так. В иных белых зонах встречаются феномены, которые просто не поддаются логическому объяснению. А уж если обратиться к истории — она просто изобилует странными личностями и совершенно мистическими событиями. До сих пор исследователи ломают головы, чтобы понять их...

Взять хотя бы случай, который произошел с моими родителями семь лет назад. Прибывают они в одну зону. Там сплошной феодализм, аграрное хозяйство,

низкие технологии... Одним словом — замки, поместья, дворяне, крепостные... И все в таком роде.

Как раз обсуждался вопрос о том, не настало ли время немного развить у них прядильное и ткацкое ремесло — это бы позволило заметно поднять экономику. (Впоследствии вопрос так и не решился.)

И тут в самый ответственный момент у хозяина начинается приступ мигрени. Он говорит, что хорошо бы съездить к одной бабуле здесь неподалеку. Мол, она всегда славилась своим умением исцелять. Вроде бы она просто повивальная бабка и торговка травами, но при этом у нее какие-то паранормальные способности. Поехали. Приезжают, а старушка-то померла, да еще при каких-то весьма темных обстоятельствах. Виновных, конечно, не нашли, зато нашли кое-что поинтереснее. Недалеко от дома в кустах была обнаружена девочка, которая плакала и говорила, что у нее умерла бабушка. Соседи сказали, что девочка действительно жила вместе со старушкой, но внучка она ей или нет, они не знают. Во всяком случае других родных девочки им видеть не приходилось. Звали эту девочку Бекки — вся в слезах, она повисла на моей маме и больше уже не хотела ее отпускать. Вот так у меня появилась сестренка.

При мне Бекки никогда не вспоминает о своем прошлом. Впрочем, в нашей семье вообще считается хорошим тоном ничего мне не рассказывать. Вот с мамой она, возможно, делилась воспоминаниями раннего детства — у них с самого начала сложились какие-то особые отношения. Мне же остается довольствоваться лишь случайными словечками, которые иной раз срываются у Бекки с языка. Вообще она часто ведет себя странно и загадочно — никогда не знаешь, что у нее на уме.

Взять хотя бы сегодня — ни с того ни с сего начала говорить о какой-то старине, о том, что умеет перемещаться без всякой установки... Ничего не хочу сказать. С учебой у Бекки все благополучно — если не считать того, что в школе у нее почти нет подруг. Но эти ее привычки — плятиться на свечу и все такое —

вряд ли так уж полезны для здоровья. Это мое мнение. Теперь вы понимаете, почему я считаю ее ведьмой. И можете записать меня в полные кретины, но я не хочу даже вникать в то, что она собирается с нами делать. Ну ее с этими колдовскими штучками!

Голос Барри вывел меня из раздумья.

— Кажется, с приемником все в порядке, — сказал он. — Но видишь ли, в чем штука — если мы переместимся, любой, кому известна наша частота, сможет переброситься к нам или что-нибудь заслать.

Я понимающее кивнула:

— Если это друзья, то почему бы и нет? Ведь «черные» уже побывали здесь — и смылись восвояси. Можно на всякий случай оставить на дежурстве Голли.

— Что ж, неплохая идея, — отозвался он. — А ты не в курсе, что именно собирается делать Бекки?

— Нет.

Я еще раз проверил приемник. Как и сказал Барри, все работало нормально.

— К сожалению, я не знаю, ни как это будет происходить, ни сколько времени продлится. Поэтому пойду-ка я пока приведу Голли и посажу на дозор, как цепного пса. А ты сиди здесь и дожидайся Бекки — на случай если она вернется раньше меня. Годится?

— Ну конечно, — отозвался Барри и, перехватив мой взгляд, поспешно спрятал руки в карманы. Но я все-таки успел заметить, что они дрожат. И почти сразу же догадался почему.

Барри прибыл к нам из зоны, в которой время от времени происходили весьма странные вещи. Я знал, что он очень суеверен, но никогда не думал, что настолько. Кажется, Бекки вызывала у него просто панический ужас.

Уходя, я улыбнулся ему и дружески похлопал по плечу, надеясь хоть как-то ободрить.

— Держи оборону! — сказал я напоследок и зашагал по ступенькам.

Пока я бродил по многочисленным коридорам и лестницам в поисках Голли, меня неотвязно преследовала мысль о том, насколько беспочвенны страхи

Барри. Конечно, Бекки ведет себя очень уверенно — как человек, который нисколько не сомневается в своих возможностях. Создается полное впечатление, будто она знает нечто такое, чего мы не знаем и знать не можем... или думает, что знает? Ведь если разобраться, где она могла этому научиться? Она была еще слишком мала, когда умерла ее бабка, чтобы перенять от нее такие сложные познания. Другое дело, что Бекки могла постигнуть все это путем самообучения. К примеру, во время своих медитаций со свечой она выходила с кем-нибудь — или с чем-нибудь — на связь, и оно научило ее всяким колдовским штукам... Да, здесь есть над чем призадуматься. Если замешана еще какая-то сила, помимо разума самой Бекки, то нет никаких гарантий, что эта сила добрая.

Меня вдруг разобрал беспричинный смех, и я несколько раз хихикнул. Видимо, просто не выдержали нервы — слишком уж тревожными были догадки, а кроме того, меня все время грызла мысль о пропавшем отце.

Бекки всегда была мне сестрой — по крайней мере, большую часть моей жизни; и ее тоже — если уж на то пошло. Случалось, конечно, что мы с ней вздорили, но я не припомню случая, чтобы она всерьез меня обидела. Она никогда не принадлежала к тому типу людей, в присутствии которых вдруг свертывается молоко или начинают выть собаки — про таких еще говорят, что у них дурной глаз. Нет, если наша Бекки и обладает какими-то особенными знаниями, то она способна применить их только для нашей пользы. Уж я-то ее хорошо знаю...

Тут я уловил слабый машинный запашок, который всегда исходит от Голли, и он привел меня в небольшую студию записи. Разумеется, Голли был там. Медленно, но верно он обследовал все щели и закутки. Я подошел к нему, он меня узнал, после этого я открыл щиток у него на груди и изменил программу. Затем взял его за руку и вывел из комнаты.

— Пойдем-ка, Голли, — сказал я. — Дам тебе другую работу.

Когда мы вернулись к транскомп-установке, Бекки еще не было, но она появилась вскоре после того, как я завел Голли охранную программу и поставил его у двери. Сестренка ворвалась с полной наволочкой какого-то барабана и так испугалась при виде Голли, что вскрикнула и едва не выронила свой тюк — но в последний момент все же успела подхватить.

— Скажи мне на милость, зачем ты притащил сюда это? — Она указала на Голли.

— Ну прости меня, не подумал, — пробормотал я.

Бекки нахмурилась и отошла от Голема подальше.

— А если бы я все это расколотила? Об этом ты подумал? — продолжала возмущаться она.

— Я же сказал: извини.

— Ну ладно. Извинение принято, — проворчала Бекки. — Включили приемник?

— Да, — отозвался Барри, который стоял у стены и следил за каждым ее движением.

— Прекрасно.

Бекки взялась за дело. Сначала она расчистила себе место посреди комнаты, для чего сдвинула в угол один из стульев, корзинку для бумаг и пачку журналов. Затем на освободившемся пятаке положила свой тюк, а сама опустилась рядом на колени. Первым делом Бекки извлекла оттуда свечу и подсвечник — свечу она тут же приладила на место и поставила перед собой на пол. Потом достала спички, зажгла свечу и подняла голову.

— Кто-нибудь, пожалуйста, выключите свет, — попросила она.

Барри кивнул, дотянулся до стены и щелкнул выключателем.

— И закрой дверь, — добавила Бекки. — Чтобы не проникал свет из прохода.

Барри толкнул дверь, и та захлопнулась.

Бекки снова запустила руку в наволочку, достала еще несколько свечей и блестящих подставок и занялась их установкой. Ни на секунду не отвлекаясь от своего занятия, она спросила:

— Итак, вы хорошо представляете себе, что будете делать в случае, если мне удастся вывести вас к этим двум зонам?

— Ну, в мертвой зоне, — ответил я, — самое главное — разыскать транскомп. Насколько мне известно, он спрятан в фундаменте разрушенного здания. Очень может быть, что папа скрывается где-нибудь неподалеку. Или оставил там записку. Если же я не найду записки, то придется быстренько обежать окрестности на предмет его следов. В случае если что-нибудь обнаружится — пойду по следу. А если нет, то сразу вернусь обратно и будем считать, что эта зона вне подозрений.

— У меня все по той же схеме, — продолжил Барри. — Даже проще, потому что есть у кого спросить. Выйду на Кендаллов и узнаю у них, не проходил ли Том через их установку. Если проходил, то, возможно, там у них и остался...

Плотно сжав губы и не сводя глаз с пламени, Бекки поднимала с пола тоненькие свечки и зажигала их одну от другой.

— Ну нет, так не пойдет. — Ее руки продолжали двигаться. — Слишком уж у вас все просто. Я ведь говорила, что могу переместить вас лишь приблизительно, в направлении станций. И я совсем не уверена, что попаду точно «в яблочко». Поэтому придется рассчитывать только на собственные силы, если вас куда-нибудь занесет.

Бекки зажгла очередную свечу. В мерцающем свете ее лицо казалось старше и было почти неузнаваемо.

— И насколько же далеко нас может занести? — поинтересовался Барри. — Честно говоря, мне бы не хотелось оказаться где-нибудь на другом континенте или посреди океана.

— Да нет, такого точно не будет, — уверила его Бекки. — Я могу ошибиться максимум на двадцать—тридцать миль — никак не больше.

— Ну, это другое дело, — кивнул Барри. — Окрестности-то я хорошо знаю. Однажды мне пришлось провести там больше месяца.

Я представил себе мысленно карту разрушенного города с множеством топографических значков, на заучивание которых я в свое время убил столько времени. Вспомнил ориентиры, по которым можно найти дорогу.

— Я тоже справлюсь, — ответил я.

Бекки все продолжала зажигать свечи, выстраивая их в одну линию слева от себя. Теперь по стенам и по панелям приборов плясали тени. Голли выглядел в этом освещении настоящим монстром — или уж, как минимум, восковой фигурой последнего. Даже тихий и безобидный гул приемника, который до этого никто не замечал, казался теперь зловещим сопровождением к какому-нибудь фильму, где по сценарию вот-вот должна разразиться катастрофа.

— Ну, — удовлетворенно сказала Бекки, — теперь идите сюда.

Сначала она заставила нас сесть на пол лицом друг к другу — так, что из нас троих получился равносторонний треугольник. Затем достала из своей наволочки три дамских зеркальца и установила их по сторонам треугольника, между нами. При этом каждое зеркало было повернуто строго к одному из нас. Семь свечек она выстроила зигзагом посередине, и каждая из них размножилась в зеркалах. Почему-то в комнате сразу стало холоднее — даже несмотря на тепло от язычков пламени.

— М-м... А нам не придется делать ничего такого? — спросил я.

— Просто смотрите на меня — и все, — убаюкивающе сказала Бекки. — А когда я попрошу вас что-нибудь сделать — попозже, — то делайте. Это совсем не трудно.

Она снова запустила руку в мешок, и оттуда раздалось мелодичное позвякивание. Бекки высыпала перед собой на пол целую пригоршню каких-то медных стержней, а затем добавила к ним два небольших зубчатых колеса — кажется, тоже медных. С виду обычные шестеренки, только толстые в обхвате и с очень мелкими зубчиками.

Мурлыкая что-то себе под нос, Бекки принялась раскладывать медные стерженьки между свечами и при этом соблюдала какой-то особый порядок. Палочкой было всего девять: длина их колебалась от четырех до десяти дюймов, толщина была одинаковая — в карандаш, а на кончике у каждой я заметил выгравированную змейку. Бекки раскладывала их ужасно долго и даже принялась напевать что-то вслух, но по-прежнему так тихо, что я ничего не мог разобрать.

Я наблюдал за ее руками, мелькающими среди свечей. Я наблюдал за игрой света на медных стерженьках. Я видел, как все это отражается в зеркале. Постепенно мой мозг погружался в ее заунывное пение.

Затем Бекки взяла в каждую руку по колесику, прижала их друг к другу так, чтобы совпали зубчики, и принялась медленно вращать их то в одну, то в другую сторону. Туда — обратно, туда — обратно. При этом они тихонько позвякивали в такт ее пению... И вдруг — все огоньки свечей разом слились в одно смазанное яркое пятно. Вспышка длилась всего одно мгновение, и при этом я услышал какой-то новый звук — пронзительный, похожий на чей-то плач. Затем все стихло. И вдруг — опять вспышка, и опять звук.

— Что это? — спросил Барри.

Бекки сверкнула на него глазами, и он замолчал.

Не берусь сказать, сколько времени все это проходило, но с каждым разом промежутки между вспышками становились все короче и короче. Наконец Бекки положила колеса, все еще сцепленные, на пол и продолжила вращать их одной только правой рукой, а левой в это время выложила из стерженьков новый узор.

— Барри, — сказала она после этого. — Встань... — И я краешком глаза увидел, что он встает. — Повернись, — продолжала Бекки. — А сейчас иди...

Он пошел — я услышал, как он сделал несколько шагов. Потом — тишина.

Теперь я один пялился на вспышки, слушал звяканье меди и пронзительный вой. Временами мне казалось, что Бекки где-то далеко-далеко.

Но вот ее левая рука начала выкладывать из палочек новый узор. Она снова запела, и у меня перед глазами все поплыло. Казалось, я вижу один только яркий свет.

— Теперь встань, — велела Бекки, и ее голос прозвучал словно издалека. Я подчинился, и тогда она сказала: — Повернись.

Я выполнил поворот кругом, и в воздухе передо мной закружились тысячи золотых пылинок — таких же ярких, как вспышки, которые я видел до этого. Их были целые мириады, и они окружили меня, точно рой мошек...

— Иди, — сказала Бекки, и я пошел.

Глава 6

Я ступал медленно и осторожно, опасаясь, что вот-вот на что-нибудь наткнусь. Однако через некоторое время я понял, что сделал уже гораздо больше шагов, чем вмещала комната — в каком бы направлении я ни пытался ее пересечь. Так. Значит, я уже не в комнате.

Перед глазами была все та же неразбериха — даже еще хуже. Мелькающие огоньки стали ярче и больше числом, и теперь уже никак не подумаешь, что они мерещатся. Одновременно с этим я обратил внимание, что иду по каким-то неровностям. Это был явно не пол.

Впереди меня висело огромное световое поле, и именно к нему я шел. В руках и ногах я ощущал какое-то странное покалывание — странное и в то же время до боли знакомое.

До ушей еле-еле, но все еще доносилось пение Бекки, и я смутно сознавал, что должен идти и не останавливаться, пока не доберусь до сияющего впереди света или не перестану слышать ее голос. Кажется, восприятие у меня нарушилось — я был словно на грани между сном и явью. Во всяком случае я не смог бы даже приблизительно сказать, сколько времени я вот так шел.

И еще я понял, откуда мне знакомы все эти ощущения — легкое покалывание, головокружение, золотые мушки перед глазами... Такое обычно бывает, когда перемещаешься с помощью транскомпа. Но там

это длится какие-то секунды, а сейчас я испытывал то же самое гораздо дольше.

Я все шел, шел, и свет впереди все увеличивался и приближался. Где-то далеко еще слышался затухающий, но такой необходимый мне сейчас голос Бекки. И вот свет приблизился настолько, что заполнил все пространство у меня перед глазами. Теперь он рос сам по себе, независимо от скорости моих шагов. Через секунду я почувствовал, как свет налетел на меня, и в этот же момент...

Последовала короткая, ужасающе яркая вспышка — я словно куда-то прорвался, — и все разом изменилось.

Ноги продолжали сами собой идти, однако теперь я, вне всякого сомнения, шагал по земле — по какой-то тропинке, затененной с обеих сторон деревьями. Световое поле рассыпалось, обернувшись звездами и еще каким-то сиянием, маячившим сквозь ветви справа от меня. Было слышно, как ветер шевелит листву. Временами раздавались вскрики ночных птиц и жужжение насекомых.

Мой чувствительный нос едва не лопался от запахов. Пахло здесь все — влажная земля, прелые листья, пробивающиеся тут и там ростки... Порывы ветра доносили слабые запахи животных — некоторые я узнал, некоторые — нет. Кроме того, остро ощущалась близость воды.

Все это было более чем странно. Я-то ожидал увидеть пейзажи ядерной зимы, разрушенные дома, заржавевшие остовы машин, пыль ибитое стекло. Вместо этого я шел по мирной лесной тропинке, явно не тронутой никакими атомными ветрами. Находиться здесь было, конечно, куда приятней, но означать это могло только одно: Бекки ошиблась. Я попал совершенно не туда, куда рассчитывал. Я...

Нет, только не это!

Ряд деревьев справа от меня вдруг оборвался, и я увидел, что яркий свет, который пробивался сквозь листву все время, пока я шел — не что иное, как полная луна. В ту же секунду у меня бешено зачесались руки, а на лбу выступил холодный пот. Почему-то

я начал задыхаться, хотя шел достаточно медленно, и при этом меня все больше охватывало неприятное беспокойство. Теперь я понял, что произошло.

Я тут же представил себе Барри — сейчас он, на-верное, бродит по руинам опустевшего города. Потому что именно его Бекки перенесла в мертвую зону вместо меня. А вот меня Бекки забросила как раз туда, куда я меньше всего хотел попасть и куда меня не хотели пускать до тех пор, пока я не вырасту и не научусь управлять своим организмом (который, судя по всему, уже начинал проявлять себя). Мало того, что я попал не в ту зону — я угодил в нее как раз в самое неподходящее время!

Тяжело дыша, я остановился и поднес руки к лицу. Все участки, которые я недавно так тщательно выбирал, снова заросли щетиной. Внезапно обе мои ноги свело судорогой — боль охватила сначала икры, затем стремительно переметнулась в ляжки. Я скорее наклонился, чтобы растереть их, и тут почувствовал, как мне прострелило плечи.

В довершение всего я, кажется, еще и окосел, потому что теперь мой нос маячил прямо у меня перед глазами и при свете луны казался непомерно длинным и смуглым. Но и это было еще не все. У меня вдруг начали сами собой хрустеть суставы — даже когда я не двигался. Затем появилась острыя боль внизу спины.

Я попытался вспомнить, что мне известно о таких явлениях. Ведь существуют инструкции для тех, кто имеет склонность к подобным состояниям. Сборники советов, как это легче перенести или вообще избежать этого путем самоконтроля. Увы, ничего конкретного я не помнил — только общие слова насчет того, что, прежде чем пробовать овладеть техникой контроля, надо сперва хотя бы раз испытать это состояние. Хорошенькое дело... Едва я чуть оклемался после древнего обряда перемещения, как меня уже ждут новые сюрпризы. Веселая выдалась почка!..

Я решил, что мне следует расслабиться и смириться с происходящим. Так легче будет вникнуть в свои ощущения.

То ли помогло растирание, то ли боль в ногах прошла сама собой, но судороги прекратились. Однако, когда я захотел выпрямиться, меня поджидала неожиданность: я не мог этого сделать. Такое обычно бывает, если потянешь мышцу спины. Никакой боли, просто не разгибаешься — и все.

Прекрасно сознавая, что происходит, я принял лихорадочно расстегивать ремень и обнаружил, что руки мои уменьшились и заросли шерстью, а от пальцев остались жалкие культишки. Нет, если уж все равно не миновать превращения, то надо срочно освободиться от одежды. А то представьте — стоит этакий здоровенный псила в джинсах, футболке и теннисных тапочках!

Чтобы справиться с этой задачей, мне пришлось лечь на бок. Едва я закончил, тело пронизала такая судорога, что от боли я стал кататься по земле. Теннисные тапочки слетели с ног сами, потому что это, кажется, были уже не ноги, а лапы. А напоследок в районе копчика обнаружилось некое интересное образование, которым мне страстно захотелось повилять.

Я сразу же подумал — вот это будет номер, если мне вдруг точно так же внезапно приспичит перевоплотиться обратно. Во что тогда одеваться? А если еще поблизости окажутся дамы... Я бросился скорее собирать свою одежду с намерением связать ее в узел, который потом смог бы тащить в зубах. Увы, слишком поздно — мои руки перестали быть руками. Сколько я ни старался придать своей одежде вид аккуратного узелка, она лишь бесформенной массой свисала у меня из пасти. Нести ее в таком виде было совершенно бессмысленно — она бы только волочилась по земле и задевала за корни.

Думая обо всех этих мелких неудобствах, я все же старался не забывать о главном. Важно было прочувствовать и запомнить, что несет с собой каждый новый приступ боли, каждая судорога.

Изменения происходили стремительно. Меня бросало то в жар, то в холод, у меня трещали и вытягивались кости. Было несколько моментов, когда мне пока-

залось, что я смог бы как-то управлять этим процессом, но я не решился. Так ведь можно ненароком и испортить все дело. А кому охота становиться оборотнем-уродцем? Поэтому я лежал и не рыпался, предоставив судьбе распоряжаться самой. Один раз, когда меня уж слишком сильно прихватило, я вскрикнул. Вернее, хотел вскрикнуть, но вместо этого у меня получился самый настоящий вой. Нет, это все-таки заложено в генах, решил я. Генетика — никуда от нее не денешься...

Однако чем дальше я превращался, тем больше мои рассуждения попахивали голой теорией. Я знал: метаморфозы наверняка должны коснуться и моего разума, хотя и не был уверен, что смогу их верно распознать.

Совершенно определенно, у меня нарушилось чувство времени — мне казалось, что все превращение заняло не более пяти минут, а между тем луна на небе успела порядком подняться. Конечно, это могло мне и померещиться, ведь теперь сам я был ниже (так как стоял на четвереньках), а значит, и видел хуже. А вот слух у меня, наоборот, на удивление обострился. Где листик прошуршит, где какая-нибудь букашка чихнет, зверь когтем проскребет или птица крылом помашет — все это, не спросясь, так и лезло ко мне в уши. Еще никогда в жизни мне не приходилось слышать такого богатого стереоэффекта. А уж мой нюх, и без того отменный, теперь достиг полного совершенства. Достаточно было легкого дуновения ветерка, чтобы я с точностью определил, где протекает ручей. Я мог бы безошибочно сказать вам, под каким кустом и когда пробегал кролик или куда спряталась бродившая неподалеку лиса...

Я сделал первый нерешительный шаг. Потом второй. Такое странное ощущение... Я снова шагнул, стал думать о том, какой лапой мне теперь двигать — и тут же споткнулся. Встал, поднялся, опять шагнул... И опять споткнулся. От досады я даже задрал морду кверху и завыл. При этом я сам немного испугался своего голоса — слишком уж неожиданно получилось. Само собой вырвалось. Зато я понял, что если я могу выть

сам собой, то, значит, и идти должен не задумываясь — тогда все получится. Просто надо расслабиться и махнуть на все рукой... то есть правильнее сказать — лапой. Довериться своим инстинктам. Наверное, разум в таких случаях только мешает.

Я попробовал задушить в себе мыслительные процессы — и тут же, как миленький, побежал трусцой. Впрочем, радоваться было рано: неизвестно, какие еще страшные сюрпризы ждут меня впереди. Потому что скорее всего превращение еще не закончилось; вернее, закончилась только физическая его часть.

Подтверждение моей догадки не заставило себя ждать. Стоило мне перестать думать и отдать свой разум на откуп новому телу, как меня начали посещать весьма и весьма странные мысли. Не припомню, чтобы я думал о чем-то подобном раньше. Словом... я почувствовал острое желание поохотиться.

Голова моя невольно потянулась к земле, и я стал энергично крутить туда-сюда своим длинным носом, пытаясь напастъ на какой-нибудь след. Когда след мне попадался, я тут же определял, кому он принадлежит и когда был оставлен. Я поднимал морду вверх и втягивал запахи, которые носит ветер. Рыская между деревьями, я явственно представлял, как за кем-нибудь гоняюсь. Где-то в глубине моей памяти еще теплилась мысль о том, что раньше у меня была другая цель. Но это происходило как раз в той части мозга, которую я выключил, чтобы перестать спотыкаться. Теперь она была почти полностью подавлена. Я хотел только одного — охотиться, а все остальное не имело никакого значения.

Казалось, одна моя половина словно бы заснула, тогда как другая — о существовании которой я даже не подозревал — проснулась и теперь вступала в свои права. Как будто я сплю и вижу сон. А может, все наоборот: моя прошлая жизнь была сном, а сейчас наступила явь?

Сон...

Я вприпрыжку бегу сквозь ночь, полную изумительных запахов и звуков... По склону холма, затем по

берегу какого-то ручья. Останавливаюсь, пробую на вкус холодную черную воду. Кругом стоит такая темень, что ничего не разобрать. Зато от земли исходит отчетливый запах всякой мелкой живности. Я беру как-то след, бегу по нему, потом теряю, принимаюсь за новый... Я бесшумен, словно призрак, даже в темноте нет мне преград. Разум больше не нужен — я живу ощущениями. Я стал частью окружающей меня ночи. Я весь превратился в голод, жажду погони и охотничий пыль.

Вот, впереди кто-то бежит... Почуял меня... Удирает... Ну и пусть, все равно это моя ночь. Я слышу даже песню, которую поет в небе луна... И нет ни времени, ни пространства — только я один лечу на встречу этому миру, а он летит навстречу мне... Сумрачная жажда охоты поглотила меня — это сладкое нахождение, когда разум спит, когда чувства выползают из самых темных закоулков, чтобы попирать на празднике смерти... Эй, вы! Слышите — я несу смерть на остриях своих клыков! Я сам — смерть в собачьем обличье! Ночь — это мое время!

Но время исчезло, а ночь подхватила меня и унесла далеко-далеко... Я стал хищником, все остальные — жертвами. Не помню, скольких мелких тварей мне удалось поймать. Когда я ел их, они пищали, а на зубах у меня скрипел мех. И мне казалось, что я делаю все правильно, что так и надо. Можете не верить, но мне действительно так казалось...

Один раз среди ночи охотничий восторг так переполнил меня, что из моей пасти сам собой вырвался громкий протяжный вой. И в ту же секунду я услышал, как вдалеке кто-то завыл мне в ответ. Это привело меня в такое смятение, что я даже толком не понял, что со мной происходит. И хотя ответный клич больше не повторился, я еще долго медлил, прежде чем снова взял след.

Воспоминания той ночи грешат темными пятнами и провалами, как всегда бывает, когда пытаешься восстановить сон или день, заполненный однообразной работой. Случалось, я уставал и останавливался,

чтобы отдохнуться. Несколько раз жадно пил из ручьев и мелких лесных водоемов. Но даже когда мое тело отдыхало, а ноги не вели меня по следу, я продолжал мысленно охотиться. Только ближе к восходу мой охотничий пыл начал понемногу стихать. В воздухе появились новые запахи — запахи, означавшие близость человеческого жилья. Впрочем, пока расстояние позволяло особо не беспокоиться.

Я остановился на какой-то прогалинке и замер, прислушиваясь. Посмотрели бы вы на меня в тот момент: бока ходят ходуном, язык высунут, уши настороженно торчат... Тогда я был убежден — если можно сказать такое о волке, — что нет на свете существа, которое смогло бы приблизиться ко мне незаметно. Эх, до чего же глубоко мы порой заблуждаемся! Теперь-то я понимаю, что если хочешь стать образованным оборотнем, то одной ночью в лесу не обойдешься.

Он зашел с подветренной стороны, причем совершенно беззвучно. Просто удивительно, как такая машина смогла подкрасться, не задев моего сверхчувствительного слуха — пусть даже я не такой уж опытный. Когда я наконец учуял, что я не один, уже подступало утро — на траву выпала роса, а на небе затеплился первый луч рассвета.

Где-то позади меня раздались мягкие шаги. Я тут же вскочил и насторожился. Совсем рядом послышалось глухое рычание, странным образом напоминавшее человеческую речь, а именно — мое собственное имя. И вдруг я увидел прямо перед собой волка — огромного, серого, с горящими желтыми глазами. Бежать? Я решил, что это бесполезно, потому что он все равно нагонит меня и тогда нападет сзади, что еще хуже. Драться? Эта мысль тоже не вызывала у меня особого воодушевления. Впрочем, кажется, другого выхода у меня не было. Зачем бы он тогда подкрадывался ко мне, если не с целью напасть?

Ну что ж — драться так драться. Я как раз отдохнул, накопил силы — хуже было бы, если бы он перехватил меня на бегу...

Я воинственно зарычал и бросился на противника, причем метил зубами прямо в шею. Однако ему достаточно было повести одним плечом — и я уже валялся на земле. В ту же секунду я почувствовал у себя на горле его зубы — к счастью, они не сжимались. Мой дремавший разум на мгновение проснулся, и в памяти у меня промелькнул абзац из учебника о субординации среди волков. Там говорилось, что побежденный должен подставить победителю свою глотку — и тот больше не имеет права нападать. Я замер без движения. Хотя, с другой стороны, что еще я мог сделать? Оставалось надеяться, что этот волк учился по тому же учебнику, что и я.

Я продолжал лежать без движения, в то время как противник сдавливал клыками мою шею. Не знаю, сколько это продолжалось, но наконец сжатие прекратилось и я увидел прямо перед собой остроносую морду. Снова послышалось рычание, напоминавшее человеческую речь: «Джеймс...»

И вдруг этот волк стал вести себя как-то совершенно не по-волчьему. Сначала он несколько раз поднялся на задние лапы, а передние при этом старался поднять высоко вверх. Затем начал кататься по земле и выбрасывать лапы в разные стороны. И тут я догадался, в чем дело. Постепенно он становился все больше и больше похож на человека, более того — хорошо мне знакомого человека...

Тогда я тоже попробовал рычать и одновременно произносить слова. «Дядя Джордж!» — попытался прорычать я. Не уверен, что у меня получилось; тем не менее он улыбнулся и кивнул мне.

— Вижу, вижу — пришла пора преподать тебе несколько уроков, — сказал дядя. — Что ж, начнем с одного из быстрых способов перевоплощения обратно.

Я послушно кивнул головой... то есть мордой. Все-таки хорошо, когда в семье есть хоть один специалист этого дела.

Глава 7

Едва я закончил перевоплощаться обратно, как сразу же почувствовал, насколько сильно замерз и устал.

— Пошли, — сказал дядя Джордж и взял меня за руку. — У меня есть телега недалеко отсюда. Доедем до усадьбы.

Мы двинулись, петляя между деревьями.

— Может, у тебя найдется какое-нибудь одеяло? — с трудом проговорил я, чувствуя, что зубы у меня начинают стучать. — Что-то мне нездоровится.

— Понимаю, понимаю, мой мальчик. Конечно, я взял для тебя теплые вещи.

Я с трудом дышал, поэтому мог идти, только опираясь на дядю Джорджа. Ноги мои насквозь промокли от росы: Затем тяжелое дыхание сменилось неподдержимой зевотой — я зевал и зевал, и не мог остановиться.

— Нехватка кислорода, — пояснил дядя. — Тебе нужен свежий воздух. Возможно, дело в том, что я слишком торопился, когда мы меняли облик. Хотя и без спешки это процедура не из приятных.

— А сам-то ты не устал? — выдохнул я.

— Мне-то что, я ведь умею этим управлять.

— Придется тебе и меня поучить.

— Всему свое время, — ответил он.

Наконец мы добрались до телеги. При виде нас смиренная коричневая лошадь скосила глаз и всхрапнула.

Теперь нам предстояло одеться. С трудом держась на ногах, я облачился в рубашку и брюки, которые захватил для меня дядя Джордж. Его огромный синий плащ болтался на мне, как на вешалке.

Когда оба мы были одеты, дядя Джордж подал мне руку, чтобы подсадить в телегу. Думаю, сам бы я сейчас с этим не справился.

— Ты знал, что я здесь... — промычал я, устраиваясь поудобнее в телеге и укрываясь плащом.

— Угу, — буркнул он и тихонько натянул поводья.

Мы поехали, и больше у меня уже не было сил задавать вопросы. Мысли путались и ускользали — сколько ни старался, я не мог перевести их в слова. Оставалось только думать. Я думал, думал, пока не начал куда-то улетать... Потом я уснула.

И мне приснился сон — какие-то странные и непонятные обрывки. Кстати, у меня есть один приятель, который работает кассиром в банке. Так вот, он рассказывал мне, что, когда только начал работать там, его преследовали так называемые сны кассира — ему все время снилось, как он стоит за стойкой и отсчитывает деньги. Думаю, нечто похожее происходит со всеми, кто занимается каким-либо монотонным трудом. Но мой сон был куда более необычный, потому что выражение «видеть сон» подошло бы к нему не в полной мере. Во сне я снова стал волком, снова рыскал по лесам, но, сами понимаете, в темноте я мало что мог увидеть, поэтому я невольно ощущал во сне все запахи, слышал все звуки. Если у меня и мелькало что-нибудь перед глазами, то прямо под самым носом — трава, корни деревьев, камни или просто голая земля. И вдруг я почувствовал какой-то знакомый запах — я даже еще не знал точно, кто это, но я уже гнался за ним... Я несся так стремительно, что уже не различал мелькавших мимо меня деревьев. Запах становился все сильнее. Теперь я знал, кому он принадлежит. Я выбежал на какую-то полянку, и там, за деревом, я увидел ее. Это была моя мать...

И тут я понял, что лежу в телеге, услышал мерный топот лошадиных копыт. Я уже не спал, но и нельзя

сказать, чтобы до конца проснулся. Не знаю, как долго я провел в таком полусне. Затем я почувствовал, что уже больше не мерзну. Когда я открыл глаза, уже вовсю светило солнце. По его расположению я понял, что проспал не меньше двух часов.

Теперь мы ехали не по ухабистой лесной тропинке, а по более ровной дороге. Деревья поредели и сменились кустарником. Судя по всему, мы забрались на какую-то возвышенность, потому что, оглянувшись назад, я увидел раскинувшийся внизу лесной массив. Он был похож на ярко-зеленое море, по которому, словно дрейфующие острова, лениво плыли темные тени облаков. Я снова повернулся вперед и увидел, что мы подъезжаем к большому белокаменному особняку с черепичной крышей. Как и положено, дом располагался на горе и был окружен высокой крепостной стеной. Дорога вела прямо к парадным воротам. Ворота эти были закрыты.

— Ну вот, мы почти дома, — сказал дядя Джордж, даже не оглянувшись на меня. — Пить хочешь?

Я тут же понял, что хочу, но не успел ответить, как дядя уже подал мне бутылку с водой. Отхлебнув несколько приличных глотков, я закрыл пробку и отдал бутылку.

— Спасибо, — выдохнул я и стал с любопытством оглядывать место прибытия. Когда мы подъехали чуть ближе, я услышал какой-то низкий бубнящий звук, похожий на гул множества голосов.

Я перевернулся в более удобное положение и немного обследовал свое тело. Удивительно — больше у меня нигде ничего не ныло и не тянуло. Пока я спал, все боли исчезли. Усталость тоже как рукой сняло — я даже не верил, что могу чувствовать себя настолько хорошо.

Когда мы наконец-то подъехали к воротам, дядя Джордж помахал двум вооруженным охранникам, и они впустили нас внутрь.

— Доброе утро, — сказал он. — Есть добрые новости?

— Нет, — ответил тот, что стоял слева. — Но и дурных вроде как тоже.

— Прекрасно.

Сразу за воротами я увидел военный лагерь. Судя по всему, когда-то на этом месте была мирная зеленая лужайка. Теперь же траву на ней немилосердно вытоптали. Кругом сновали люди, которые чистили оружие, натирали до блеска шлемы, приводили в порядок нагрудные щитки и налокотники. Тут и там дымили походные кухни, распространяя густые ароматы бульона и чая. Справа обедали, слева — обучались рукопашному бою.

— Что, ожидается какое-то нападение? — спросил я.

— И да и нет, — как всегда уклончиво ответил дядя.

Еще во время редких приездов дяди Джорджа к нам я заметил, что он не отличается многословием. Если он и говорил что-то, то никогда нельзя было понять, что именно он хочет сказать. И все же я знал, что в случае необходимости дядя Джордж может выразить свои мысли предельно ясно. Значит, сейчас был просто не тот случай.

Мы свернули на какую-то узкую дорожку, которая привела нас на задворки усадьбы. Дядя остановил телегу у конюшни, слез, после чего передал ее на попечение конюха, который тут же вышел нам навстречу. Спрыгнув с телеги, я бодро зашагал следом за ним по украшенной флагами вязовой аллее, которая вела к задней стороне усадьбы.

— Есть хочешь? — спросил дядя, как только мы вошли в дом.

Я кивнул. На самом деле я не просто хотел есть — я прямо умирал с голода.

— Я тоже, — сказал он. — Пойдем покажу тебе комнату, где ты сможешь умыться и привести себя в порядок, пока кухарка соберет нам поесть. Встретимся вон там, за большим столом, — добавил он, указывая через раскрытую дверь куда-то направо. — И поторопись.

Комната, в которую он меня привел, была ничуть не больше той, что я занимал у себя дома, зато выглядела гораздо опрятней. Я распахнул ставни, с удовольствием вдохнул свежий воздух и полюбовался

видом из окна, который состоял из нескольких могучих деревьев и пары дворовых построек. Затем я наполнил водой таз, снял рубашку и начал мыться. Потом я решил, что помыться мне лучше всего полностью, и скинул с себя все остальное. Я извел на себя несколько тазиков воды и добрую пригоршню шампуня, после чего как следует растерся полотенцем. Затем открыл платяной шкаф, о котором говорил мне дядя, и стал подыскивать себе одежду.

Напоследок я тщательно причесал волосы, вычистил ногти и прополоскал рот. Только после этого я отправился в небольшую комнату, расположенную за кухней.

Еще издали я услышал знакомые голоса. Один из них принадлежал моей тете, Мерил, а другой...

— Барри! — воскликнул я сразу же, как зашел.

Он поднялся из-за стола и слегка улыбнулся мне:

— Слышал, что с тобой приключилось.

Я кивнул.

— Выглядишь вполне сносно, — добавил он.

— Ты тоже, — сказал я, на что Барри ответил кривой усмешкой.

Обняв для приличия тетю Мерил — высокую темноволосую даму с чуть заметным шрамом над левой бровью, — я уселся за стол и стал накладывать себе на тарелку еду. Затем по очереди оглядел присутствующих.

Барри положил вилку и сказал:

— Я прибыл сюда еще вчера. Когда я увидел, что попал в разрушенный город, то сразу понял, что Бекки ошиблась и перепутала сигналы. Было ужасно темно, поэтому я не сразу сориентировался. Но потом все-таки сообразил, что нахожусь абсолютно в другом конце города. Пришлось два часа топать пешком до места, где спрятан транскомп.

— Ну и?.. — не выдержал я. — Не было там...

Барри покачал головой.

— Не было ни Тома, ни каких-либо следов его пребывания, — ответил он. — Я посветил себе спичками, когда спустился в бункер — там везде был све-

жий нетронутый слой пыли. На земле следов я тоже не обнаружил — кроме своих собственных. В общем, похоже, что в последнее время в этих местах никто не появлялся. Ну, тогда я настроил транскомп и перебрался сюда, чтобы сообщить, что тебя следует искать где-то здесь.

Дядя Джордж кивнул:

— Мне лично все стало ясно. Нетрудно было догадаться, что после перемещения ты окажешься примерно на том же расстоянии от нас, что Барри от транскомпа в том центре, куда забросила его Бекки.

— Понятно, — спокойно произнес я. — Значит, папа не был в мертввой зоне. Но тогда выходит, он должен быть здесь? Так он здесь — или нет?

Дядя Джордж отвернулся. На несколько секунд повисло молчание, а потом тетя Мерил отрицательно покачала головой.

— Боюсь, придется тебя огорчить, — промолвила она. — К нам он тоже не перемещался.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я. — Мы же рассчитали единственно возможные варианты. Либо та зона — либо эта.

— Видишь ли... нет, — пробормотал Барри. — Первое положение стрелки оказалось верным.

Я нахмурился:

— Не понимаю. Даже если это и так, мы же заблокированы от черных зон. Невозможно перейти туда через наши машины.

Он посмотрел на тетю Мерил.

— На самом деле это не совсем так, — мягко возразила она. — С помощью определенной настройки возможно. Дело в том, что существуют пиратские установки.

— Пиратские транскомпы? — переспросил я. — Впервые о таком слышу.

— У тебя еда стынет, — вставил дядя Джордж.

— Я не хочу есть.

— Хочешь, хочешь, — сказал он. — Ешь, а мы пока разъясним тебе немного, что к чему.

Я начал есть, и голод тут же захватил надо мной власть. Теперь меня было уже не остановить.

— Твой отец переместился в третью черную зону, — начала рассказ тетя Мерил. — Раньше это была белая зона, но несколько лет назад «черным» удалось подчинить ее себе.

Я кивнул, продолжая жевать. Разумеется, я знал об этом.

— Но они захватили ее не полностью, — продолжала тетя. — Возникло движение сопротивления, появились партизанские отряды. У них есть свои собственные транскомпы, и мы поддерживаем с ними связь. С первых дней завоевания белые зоны, как могут, помогают им.

— Папа тоже об этом знал? — спросил я.

— Да. Он долгое время поддерживал связь с одним из таких отрядов. Скорее всего «черным» в конце концов удалось перехватить его сигнал. Они уже многие годы охотятся за частотами белых центров. Кстати, у них тоже есть свои пиратские станции — почти во всех белых зонах. Но этого им мало. Ведь доступ к самой станции — а значит, и к делам центра — открывает новые возможности для их подрывной деятельности.

— Вы просто убили меня этой новостью, — сказал я.

— «Черные» очень долго пытались вычислить ваш код, — продолжала тетя, — и это им все-таки удалось. Судя по всему, произошло вот что: кто-то переместился к вам на станцию, и Том вступил с ним в схватку, а потом сбежал на одну из пиратских установок...

— Так, значит, если вы знаете частоту этой установки, мы сможем переместиться туда и освободить его?

— Не все так просто, — ответила тетя. — Как только Том перебросился туда и рассказал, в чем дело, они неминуемо должны были засекретиться и изменить сигналы. Судя по всему, они так и сделали, потому что, сколько мы ни пытались пробиться к ним по старому коду, у нас ничего не получилось.

— Но это может означать и то, что все они погибли, а установка просто взорвана! — выкрикнул я. — Наверное, «черные» сначала вышли на партизанский код, а потом путем перехвата поймали сигнал отца. После этого они заслали в нашу зону лазутчика — чтобы разобрался с отцом, — а сами напали на партизан и уничтожили их...

— Да нет же, — успокоил меня дядя Джордж. — По частоте можно определить лишь общее направление, а не сам источник сигнала. «Черные» могут и не знать их точный код — они ведь только перехватывают, а не перемещаются. Все, что в их силах, — это перехватить спектр поступающих сигналов. В конце концов не только ваша станция подверглась...

— Постойте-постойте, — перебил я его, откладывая в сторону вилку. — Если я правильно понял, то это нечто вроде войны?

— Пожалуй, — кивнула тетя. — Подпольная борьба велась с первых дней завоевания, и все это время белые зоны поддерживали повстанцев. Но настоящий конфликт разгорелся только сейчас.

— А что, собственно, такое произошло?

— Просто повстанцы последнее время заметно окрепли, — пояснила она. — Им удалось захватить довольно большие территории, включая крупные промышленные города. Стало ясно, что, если так пойдет дальше, они обязательно добьются своего. Разумеется, «черные» в первой зоне всполошились и бросились спешно уничтожать все связи повстанцев с «белыми». Кроме того, нам теперь самим приходится думать, как бы они на нас не напали.

Некоторое время я молча вглядывался в лицо Барри.

— Ты знал это? — спросил я.

— Ну, знал, — ответил он.

— И почему же, интересно, ты не сказал об этом мне?

— Меня просили не говорить.

— Кто просил?

— Родители. И твой отец тоже.

— А почему они запрещали тебе об этом говорить?

— Не знаю.

Я снова посмотрел на тетю Мерил.

— Ну так почему же? — спросил я. — Почему вы вообще все от меня скрываете?

— Давай-ка доедай, — велел дядя Джордж.

— Нет, я хочу знать почему!

— Я сказал, доедай, — повторил он. — Потом поговорим.

Я еще раз обвел всех настороженным взглядом и понял, что по крайней мере сейчас мне от них ничего не добиться. И я снова взял в руки вилку...

Глава 8

Нет, похоже, мне суждено до конца дней своих жить среди тайн, которые так и останутся нераскрытыми. В принципе к такому положению вещей я привык с детства — как и другие дети в подобных семьях. Не спорю, это вполне логично. Мы же ходим в школу, заводим себе друзей в тех городах, где базируемся, то есть общаемся с людьми точно так же, как и все остальные. И если бы я в раннем возрасте узнал обо всех делах нашей семьи, я мог бы по глупости проговориться — и поставил бы своих родственников в неудобное положение. Поэтому когда я был маленький, мне особо ничего не рассказывали — хотя я и догадывался, что вокруг меня происходит что-то необыкновенное. Дети всегда чувствуют это, даже если не понимают. Вот тогда у меня и началась эта «секретная» паранойя.

Всю жизнь мне доверяли что-либо только в случае крайней необходимости. Как я уже говорил, в детстве меня это нисколько не удивляло, хотя иногда я все же задавался вопросом — а так ли строго подходят к этому в других семьях? Помню, как родители часто обрывали разговор, если в комнате появлялся я, и украдкой шептали друг другу: «Потом» или: «Подожди — вот он уйдет». Согласитесь, это любого разозлит — если с

ним обращаться, как с какой-то бесчувственной куклой.

И вот теперь опять!

Я все понимаю. Случилось что-то действительно из ряда вон выходящее, если даже лужайку перед домом Кендаллов отдали под военный лагерь. Но раз уж мне все равно рассказали про повстанцев в черной зоне, про то, что папа сейчас у них — почему бы не открыть карты до конца?

Завтрак закончился в полном молчании. Я ждал, что, может быть, кто-нибудь соизволит хотя бы объяснить мне причину такого поведения. Однако никто не произнес ни слова, пока все не закончили есть, и тогда дядя Джордж сказал:

— Далеко не забредай.

— Хорошо, — согласился я. — Но почему?

— Просто не надо — и все.

— Ладно, погуляю где-нибудь за домом.

Он кивнул.

Я хлопнул задней дверью и вышел на аллею. Мне хотелось побывать одному — я так и заявил Барри, когда он порывался пойти вместе со мной. Через некоторое время я вышел к небольшому ручью, уселся на тенистом берегу и принял швырять в воду камушки.

Это уже даже больше чем привычка — все от меня скрывать. Вот родители Барри, например, рассказали ему про войну в третьей зоне, а мой отец не только не посвятил меня, но еще и Барри велел молчать. О чем это говорит? Просто родители Барри доверяют ему, а мой отец мне — нет. Но ведь если ты хочешь узнать, можно ли доверять какому-то человеку, нужно же сначала доверить ему хоть что-нибудь и посмотреть!.. Я бросил следующий камушек с особым жаром — так, что он ударился о какой-то выступ среди ручья и рикошетом отскочил на другой берег.

Вообще-то я терпеть не могу всякие мрачные раздумья по поводу собственной неполноценности. Охота была тратить время на такую чушь! Конечно, раньше меня иногда госещали подобные мысли, но я всегда

старался их отогнать, так как понимал, что скрытность родителей полностью оправдана. Только все они словно сговорились относиться ко мне как к недоумку. Барри, значит, можно все знать — мне ничего. Бекки с мамой тоже вечно о чем-то шептались — и боялись, как бы я не услышал. Дейву тоже — уж в этом я не сомневаюсь — известно побольше моего...

Не знаю, сколько часов я просидел на берегу этого дурацкого ручья — и никто не пришел за мной, никто даже не окликнул. Иногда я вставал и переходил на другое место, потому что в том кончались камушки. Небо все больше заастало тучами. Ну давай же, полей меня, мысленно подзадоривал я. Однако дождь так и не пошел. Зато вполне ощутимо понизилась температура воздуха и поднялся ветер.

Я посидел еще немного и вдруг, потянувшись за очередным камушком, заметил на другом берегу ручья какое-то странное белое пятно. Приглядевшись, я понял, что это всего лишь облачко тумана, которое, словно легкий занавес, повисло между двух стволов. Надо же, я и не заметил, как оно появилось. И почему-то только одно облачко — в других местах воздух был совершенно прозрачен. Странно... Может, там какой-нибудь болотистый участок? Но тогда почему эту дымку до сих пор не разогнало ветром?

На всякий случай я швырнул прямо в середину тумана камушек — никаких изменений.

В конце концов я устал бороться с собственным любопытством и отправился искать место, где можно перейти ручей. Ниже по течению я увидел несколько торчащих над водой валунов и по ним благополучно перешел на другую сторону. Затем вернулся по берегу немного назад и сразу же увидел ту самую дымку. Туман как туман. Ничего особенного. Наверное, уж совсем у меня дела плохи, если я начал бродить по кустам и разглядывать облачка тумана.

Тем не менее я подошел поближе.

Я бы не сказал, что это было болото. Никаких посторонних запахов я тоже не уловил. Сам туман был густой и белый. Я протянул в него руку и сразу

ощутил холод. Впрочем, руку я видел. Я слегка подвигал пальцами — туман и не думал расходиться. Когда я уже собрался убрать руку обратно, мне вдруг показалось, что я слышу чье-то отдаленное пение. Я застыл на месте, пытаясь определить, откуда оно доносится — если оно действительно есть, а не плод моего воображения.

Пение стихло. Я сделал шаг назад и опустил руку, как вдруг снова услышал тот же голос.

Ну и дела. Теперь я не сомневался, что из тумана действительно доносятся какие-то звуки — откуда-то из самой его гущи и, видимо, издалека. Странно было другое — эти звуки казались мне удивительно знакомыми. Впрочем, почему тут удивляться? Просто я забыл, в какой зоне нахожусь. Здесь же может произойти все что угодно. Наверняка это какое-нибудь местное магическое явление. Главное теперь — определить, хорошее это явление, плохое или просто никакое. Вдруг это ловушка, которая, как только войдешь внутрь, сразу захлопнется? А может, наоборот — что-нибудь ужасно полезное и интересное?

И почему такой до боли знакомый голос? Это больше всего разъедало мое любопытство — и я решил снова протянуть в туман руку.

Пение сразу же зазвучало более отчетливо — и вдруг я узнал его...

— Бекки! — радостно вскричал я и рванулся на голос. — Бекки! Это ты? Где ты?

Я вошел в этот сумрак, который справа и слева казался молочно-белым, а впереди сгущался в какую-то грязно-серую тьму. Казалось, тьма тянется невероятно далеко, за пределы поместья. Я не различал в ней ни силуэтов деревьев, ни границы между землей и небом. Сделав еще один шаг, я снова позвал Бекки. Теперь и мой собственный голос звучал странно — словно бы я говорил в подушку.

— Эй, Джим! — раздался где-то недалеко голос Бекки. — Это ты, Джим?

— Да, — отозвался я. — Что ты там делаешь?

— А ты где?

— Просто я гулял за домом дяди Джорджа и тети Мерил и зашел в туман, — объяснил я. — И вдруг услышал твой голос.

— Дальше не ходи, — сказала Бекки. — Только разговаривай.

— Про что разговаривать?

— Да про что угодно. Это совершенно неважно. Я тут заблудилась. Искала тебя — и заблудилась... Ну вот, кажется, удалось подойти чуть поближе.

— Так-так, по-моему, тоже, ты теперь ближе.

— Давай говори что-нибудь, а я попробую выйти на голос.

Я начал, не задумываясь, выбалтывать все, что было у меня на уме — просто чтобы ей было слышно. Наверняка Бекки и не слушала, что я там несу, так как она снова принялась петь. Я даже сам себя толком не слушал — было бы странно, если бы я всего этого не знал.

Ее пение становилось все громче, и вскоре я уже не сомневался, что сестренка где-то рядом. Я стал изо всех си вглядываться в сумрак и в конце концов слева от себя увидел какой-то смуглый силуэт. Я вытянул обе руки и крикнул:

— Бекки! Сюда!

Она сделала еще один шаг — и через секунду я уже держал ее руки в своих.

— Ну вот, а теперь иди обратно тем же путем, что пришел сюда.

Мне хватило пары шагов, чтобы оказаться в том месте, где я стоял до этого — то есть перед стеной тумана. Бекки вышла следом за мной и тут же бросилась мне на шею. Я обнял ее, и туман немедленно стал рассеиваться.

— Прости, — прошептала она. — Прости меня.

— Ты насчет чего? — спросил я.

— Я же все перепутала и отправила вас с Барри не туда, куда надо. Я еще недостаточно хорошо научилась...

— Да уж ладно тебе, — успокоил я ее. — Главное, все получилось. Теперь мы оба здесь, у Кендаллов. Самое худшее позади.

— А ты... ты менял облик? — спросила Бекки.

— Ну да.

— Наверное, плохо было?

Впервые за все время я задумался над этим вопросом.

— Скорее это было... ну, что ли, несколько неожиданно, — ответил я. — Нет, я бы не сказал, что это было совсем уж плохо. Знаешь, мне бы все равно пришлось рано или поздно пройти через это. И потом, дядя Джордж говорит, что научит меня управлять превращением. Думаю, мне стоит пожить здесь в свой студенческий год и обучиться всем тонкостям.

— Я так боялась, что с тобой что-нибудь случится!

Я покачал головой:

— Да нет же, со мной ничего такого не случилось.

Только вот ни одному из нас не удалось найти папу.

— Я знаю. Он в черной зоне, — сказала Бекки. — Тот тип, с которым он дрался, хотел действительно проникнуть в нашу зону, но Тому удалось его подстрелиТЬ — слегка подстрелиТЬ, — после чего сам он сразу переместился. Затем «черный» сломал нашу установку и...

— Продолжай, продолжай! — не вытерпел я. — Только откуда ты все это знаешь?

— Уборщики, — ответила она. — Они появились вскоре после того, как вы отбыли.

— Но ведь они уже... — начал я и в ту же секунду понял, что она хочет сказать.

— Тот человек, видимо, и был «черным» агентом, — продолжала она. — Это его кровь ты тогда учゅял. Вероятно, у него есть сообщники в городе, которые в курсе всех наших дел — они-то и научили его, что надо сказать, чтобы скрыться незамеченным. У них было продумано все до мелочей.

— Почему ты так решила? И почему ты так уверена, что те, другие — настоящие?

— А я их узнала. Я как раз смотрела в окно, и тут они подъехали на своей обычной машине. Вспомни — мы же не видели, какая была машина у первых уборщиков, да и голос того, что разговаривал с нами через

дверь, я тоже никогда не слышала. Кстати, тем, вторым, я тоже поведала твою легенду о некоей реконструкции. А еще я вспомнила, что ты тогда говорил про кровь. Поэтому, когда они уехали, я включила везде свет и обошла помещение. Так вот, на заднем крыльце я обнаружила несколько засохших пятен крови — и на стоянке тоже.

— А почему ты думаешь, что он переместился к нам через транскомп — и напал на папу?

— Не знаю, — сказала Бекки. — Но могу поклясться, что это связано с войной в черной зоне. Обстановка там сейчас накалилась, и «черные» пытаются создать беспорядки в других зонах, чтобы «белые» не могли помогать партизанам...

Все время, пока мы говорили, я держал Бекки в объятиях, но тут я резко отстранил ее и посмотрел ей в глаза. Я ведь не говорил ей об этом — даже когда нес всякую околосицу, подавая голос из тумана. Я говорил о чем угодно — о том, что мне никто не доверяет, что все всё от меня скрывают, — но ни словом не обмолвился о партизанах. Так, значит, она тоже знала! Знала и молчала!

Я стиснул зубы с такой силой, что они скрипнули.

— Джим, да что с тобой?

— Все, все до одного знали — кроме меня! — выкрикнул я. — Даже ты! Ты, которая младше меня! Что же это получается? Значит, тебе он рассказывает, а мне — нет?

— Ничего мне Том не рассказывал! — в тон мне проорала Бекки. — Я сама обо всем узнала! Сперва он даже не знал, что я знаю!

— Что значит — сперва? — спросил я.

Она осеклась и посмотрела на меня немного испуганно.

— Просто потом я призналась ему, что знаю. Вот то и значит.

— Ну и что же он? Что он тебе сказал? — спросил я.

— Сказал, чтобы никому не рассказывала.

— И все?

— Угу.

— Ладно, ладно, — проворчал я. — Не умеешь врать — не берись.

— Ну, может быть, он не совсем так выразился, — опустила глаза Бекки, — но по смыслу было то же самое.

— Бекки, — сухо произнес я. — Скажи мне точно, что именно он тебе сказал.

Она отстранилась от меня.

— Послушай, я не хочу больше говорить об этом, — пробормотала сестренка. — И вообще, я упомянула про эту войну только потому, что ты проболтался о ней, когда разговаривал сам с собой в тумане. А теперь хватит об этом. Ладно?

— Нет, не ладно, — не унимался я. — Я хочу знать. Мне надоело чувствовать себя изгоем в своей семье. Какое он имеет право мне не доверять?

— Ну хорошо, я дословно передам тебе, что сказал Том. Да, он действительно не говорил мне: «Держи язык за зубами». Он просто сказал: «Не рассказывай Джиму».

Бекки отвернулась.

— Правда он так сказал?

— Правда.

— Но почему?! Если он доверяет мне, почему не хочет, чтобы я тоже обо всем этом знал?

— Этого я тебе не могу сказать.

— Почему?

— Он взял с меня слово.

Я вздохнул, после чего изо всех сил шлепнул ладонью по стволу дерева. И вдруг все мои прежние домыслы как-то сами собой выстроились в стройную картину.

— Послушай, а это как-то связано с тем, что там происходит сейчас?

— Да, — ответила Бекки.

— В таком случае, — сказал я, — все клятвы отступают на второй план. Он в опасности — и ему нужна помощь. Когда он брал с тебя обещание, он же не рассчитывал, что дело так обернется. А теперь си-

туация изменилась. Я должен знать все, иначе я не смогу ему помочь...

Бекки глубоко задумалась. Лицо ее поочередно отразило несколько стадий сомнения, и только после этого она заговорила снова.

— Знаешь, почему он не хотел тебе ничего говорить? — спросила она. — Потому что на самом деле Агата жива.

Агата... Так зовут мою мать.

Глава 9

Так... Спокойно, Джим, спокойно.

Теперь я разрешаю себе думать о матери — еще недавно не разрешал. Мы с ней были очень привязаны друг к другу, поэтому думать о ней в прошедшем времени... Словом, это для меня невыносимая мука. Они с дядей Джорджем — брат и сестра, хотя и совершенно не похожи. Дядя Джордж маленьского роста, плотный и русоволосый, мама же была высокой стройной брюнеткой. Кроме того, дядя Джордж — оборотень, а мама — нет. Дядя Джордж — молчаливый и скрытный, а мама всегда была улыбчивой и открытой. У них в семье любили шутить, что мама забрала всю общительность, отпущенную на троих отпрывков — дядю Джорджа, Дэлу и ее саму. И при этом она вовсе не была какой-то пустышкой или неженкой. У себя в зоне мама занималась наукой и математикой, а также, как и все в их семье, очень любила природу и свежий воздух. Все отпуска она проводила в походах — лазая по скалам или плавая на каноэ. Еще она отлично стреляла из лука и была дважды чемпионкой среди женщин по стрельбе из пистолета... Должен признаться, что поначалу я страшно ревновал, когда она взяла к нам жить Бекки и между ними завязалась какая-то непонятная мне дружба.

Однажды, около года назад, мама отправилась в другую зону. Такие визиты для нас не редкость — мы всегда поддерживаем отношения между семьями. Но

на этот раз ее отсутствие затянулось дольше обычного. Ее не было уже несколько месяцев. А отец все твердил: «Ничего страшного. Не волнуйтесь». Но я, конечно же, волновался — можно подумать, я не видел, как он сам переживает. И один раз, когда я снова спросил его про маму, он ответил:

— Произошел несчастный случай. Она больше не вернется.

Сколько я ни пытался выпытать у него подробности, он только отмахивался: «Я не хочу об этом говорить», или «Мне ничего больше сказать», или «Не будем об этом»... Да, если уж отец замкнется, то дяде Джорджу с его молчаливостью до него далеко!

Словом, что именно случилось с моей матерью, я так и не узнал — пришлось просто поверить в то, что ее больше нет. А кому, скажите, понадобилось бы меня обманывать?

Я посмотрел на Бекки — мою соперницу и одновременно соратницу, готовую делить со мной все радости и потери — и меня захлестнуло целое море противоречивых мыслей и чувств.

— Не понимаю, — произнес я наконец. — Неужели вам было мало просто ничего не говорить мне? Решили еще и нарочно ввести меня в заблуждение... Почему, почему ты знала, а я нет?!

Бекки направилась к поваленному дереву. Я пошел за ней.

— Сначала Том пытался кормить меня теми же сказками, что и тебя, — промолвила она, — но я очень быстро раскусила, что это неправда, и сказала ему об этом. И вот тогда он попросил меня не говорить тебе.

— А он объяснил почему?

— Да. Он боялся, что ты вычислишь код и будешь пытаться ей помочь сам — а это бы только сорвало операцию. Том решил, что это единственный выход, чтобы быть спокойным и держать ситуацию под контролем. Ну а если все получится — это был бы для тебя приятный сюрприз.

— А если нет — я бы уже и так знал худшее, да? Она что, с повстанцами?

— Да. Не думаю, что отцу все это очень нравится — так же как и всем остальным, — но боюсь, что у него не было особого выбора. Она приняла это решение во время своей последней поездки.

— Почему?

— Собралась целая группа добровольцев — со всех белых зон. Большинство из них — специалисты по...

— По стрельбе?

— Да, и это тоже. Но не только. Ведь Агата вместе со своей сестрой долгое время жила в этой зоне по студенческому обмену. Она хорошо знает язык, ей там нравится, а ее сестра вообще вышла там замуж и осталась насовсем. И теперь...

— Ничего не понимаю, — перебил ее я. — Про Дэлу я, разумеется, знал, но я никак не думал, что это та самая зона... Она что — сама говорила тебе об этом, да?

— Так, между делом упоминала.

Бекки подошла к поваленному дереву и села. Только теперь я заметил, какой у нее усталый вид. Я опустился рядом с ней и принялся отламывать от ствола сучки, а затем кромсать их на все более мелкие кусочки.

— Понимаешь, дело не только в ее мастерстве стрелка, — продолжала Бекки. — Это как раз не самое главное.

— А что же тогда главное?

— Ну... то же самое, что и у меня. Понимаешь?

Да, кажется, я понял, но... Я даже не сразу нашелся, как об этом сказать. Впрочем, когда не знаешь, что сказать, лучше всего говорить прямо.

— Выходит, моя мать — ведьма? — спросил я.

Бекки пожала плечами:

— Она всегда не любила это слово. Дело в том, что на языке древних религий оно имеет какое-то особое значение и предполагает особый статус. У нас его нет. Мы... мы просто умеем чувствовать и улавливать определенные сигналы — я уверена, именно поэтому она тогда вышла на меня. Ей нужен был кто-нибудь, чтобы передать свои знания.

— И как же тогда вас прикажешь называть?

— Да как хочешь, так и зови. В некоторых местах пользуются словом «чародейка»... Тому, конечно, все известно. Но вообще мы по обычаю сохраняем тайну. Особенно важно, чтобы «черные» не пронюхали, кто мы на самом деле. Тогда они быстро найдут способ от нас избавиться — как избавились от моей бабушки. Не любят они нас.

— Но почему?

— Потому что не понимают. И боятся. Ведь почти все мы на стороне «белых».

Мы помолчали немного, затем Бекки продолжила:

— В последнее время партизанам удалось освободить много городов. Люди там целиком перешли на их сторону. Сейчас у них две армии, и они снова готовятся к наступлению. Все надеются, что решающий перелом достигнут, и скоро судьба зоны будет окончательно решена...

— Мне уже приходилось слышать эти сведения, — перебил ее я. — Не далее как сегодня. Но, насколько я понял, никаким окончательным решением там даже и не пахнет. И именно поэтому здесь полная лужайка солдат. А честно тебе сказать — так мне кажется, дела у них обстоят неважко. Похоже, «белые» собираются отправить им на подмогу еще одну группу.

— Ты прав, — ответила Бекки, — и не просто группу, а группу с особой миссией.

— Как я понимаю, это будет очень скоро.

Она кивнула:

— Да, уже скоро.

Я обломил последний сучок.

— И откуда только ты так много знаешь? — вырвалось у меня.

— Агата мне сообщает, — сказала Бекки, — когда мы с ней разговариваем. Кое-что я вижу, то есть чувствую, сама — в тот момент когда оно происходит, а иногда и до этого.

— Так, значит, ты общашься с мамой?!

— Угу. Иногда удавалось даже встретиться.

— Это все с помощью твоих свечек?

— Броде того.

— А когда ты последний раз выходила с ней на связь?

— Сегодня ночью. Сначала я попыталась пробиться к ней, но она меня не пустила. Закрыла проход. Тогда я решила, что лучше перемещусь сюда. Но я уже была такая вымотанная, что начала плутать.

— А она... у нее все в порядке?

— Думаю, да. Правда, дела у них действительно неважные. Пока еще я не выяснила до конца, в чем загвоздка, но буду пытаться. Кажется, они должны что-то сделать, но они окружены...

— Они в опасности?

— Наверное.

— Что же нам делать?

— Пока не знаю. Нужно хорошенько все обдумать.

— А тебе не кажется, что следует пойти и рассказать все дяде Джорджу и тете Мерил?

— Нет, — сказала Бекки. — Они и без нас сообразят, что делать, когда придет время. А сейчас им все равно ничего не добиться. Выхода нет, полная блокада... — Она вдруг запнулась. — Блокада... Блокада... Блокировка! Ну да, конечно!

Она радостно вскинула взгляд и улыбнулась.

— И что? — спросил я.

— Блокировка! — воскликнула Бекки. — Мне кажется, именно в этом все дело! Но надо еще проверить.

— Ничего не понимаю...

— Потом поймешь, — перебила меня она. — Вот что, Джим. Мне нужна твоя помощь.

— Что я должен сделать?

— Сходить и принести мне поесть. Я ужасно голодна. И еще притащи какую-нибудь миску — только чистую.

— А почему ты не можешь пойти со мной в дом и поесть нормально?

— Ни за что! — заявила Бекки. — Тогда у нас ничего не получится. Они обязательно помешают нам — ведь они знают, кто я такая.

— Помешают? Чему же они помешают?

— Пока еще точно не знаю. Потом все объясню. Но как бы там ни было, не говори никому, что я здесь.

Я посмотрел вверх на клочок пасмурного неба, неровно очерченный верхушками деревьев.

— Наверное, дождь пойдет, — заметил я.

— Ну, значит, я промокну, — вздохнула Бекки. — Так ты точно никому не скажешь?

— С какой это стати я стану кому-то говорить?

Дядя Джордж застал меня за поисками еды и миски. Когда он спросил меня, чем я занимаюсь, я вполне честно ему ответил:

— Вот, ищу что-нибудь поесть.

— Ладно, когда поешь, зайди в библиотеку — нам надо потолковать, — сказал он.

Свершилось! Наконец-то он сподобился объяснить мне, что происходит. Может, хоть теперь мне удастся сложить из всех этих обрывков цельную картину.

— Пойдем лучше сейчас, — предложил я. — Пере-кусить я могу и попозже.

Он согласно кивнул, и мы отправились в библио-теку.

Скажу сразу: рано я радовался. Разговор наш был весьма далек от проблемы войны в черной зоне и судьбы моих родителей. Почему-то именно сейчас дядя Джордж решил преподнести мне пространный урок оборотневедения.

Впрочем, надо отдать должное, урок был совер-шенно захватывающим. Я просто в рот ему смотрел все время, пока он объяснял и показывал. Я узнал, например, что настоящий оборотень умеет перевопло-щаться тогда, когда ему это понадобится, и полная луна совершенно не нужна. Еще я узнал, что превратиться можно не только в волка, хотя это и самое простое. Хороший оборотень способен принять практически люб-бой облик — разумеется, в рамках собственной массы и после определенной тренировки.

Слушать дядю Джорджа было так интересно, что я совершиенно потерял счет времени и не заметил, как

пролетела добрая пара часов. Наконец он закончил и добавил:

— Наверное, теперь уже и перекусывать ни к чему — и так обед скоро.

Какой же я кретин! Я сразу же вспомнил про Бекки, которая сидела там одна — голодная и холодная — и ждала, пока я принесу ей миску.

— Нет, я все-таки чуть-чуть перехвачу, — бросил я на ходу, пока шел к двери.

Дядя Джордж несколько странно взглянул на меня, а затем сказал:

— А я-то думал, ты захочешь задать мне еще какие-нибудь вопросы.

— А разве я получу на них ответ?

— Пока нет, — ответил он.

Я пожал плечами:

— Ну вот, собственно, так я и думал.

— Потерпи еще немнога, — вздохнул он, провожая меня глазами. — Пойми, есть причины, чтобы не говорить тебе.

Я кивнул:

— Не сомневаюсь. Ну что, я пошел?

Дядя Джордж открыл было рот, чтобы что-то сказать, но потом, очевидно, передумав, закрыл его и просто пожал плечами. Я повернулся и вышел из комнаты.

По дороге в кладовую я размышлял — а может, в последний момент он действительно чуть не сказал мне больше, чем собирался сначала? Наверное, жалеет меня... Да какая теперь разница? Самое главное я все равно уже знаю.

Однако надо торопиться. Я вбежал в кладовую, быстро отрезал для Бекки по куску хлеба и сыра, а потом еще захватил пару яблок. Завернув все это в льняную салфетку, взял с полки небольшую миску и уже собрался идти, как вдруг услышал доносящиеся со двора знакомые выкрики. Я спрятал еду и миску под рубашку и вышел из дома.

Барри я обнаружил за конюшней, где он облюбовал себе ровную площадку. Насколько я знаю, то, чем

он занимался, называется «ката» — попросту говоря разминка, во время которой он изо всех сил махал руками и ногами, перемежая все это криками «ки-я!» Должен признаться, довольно красивое зрелище.

Впрочем, мои мысли занимали сейчас совсем другое: говорить или не говорить ему про Бекки? С одной стороны, я не знал, что она там задумала и к чему это все приведет. С другой стороны, Барри был нам не чужой и с самого начала принимал во всем участие — то есть был готов помочь. Смутило меня лишь одно: вдруг он вобьет себе в голову, что его долг — рассказать про Бекки Кендаллам?

Почему я принял тогда именно такое решение?.. Потом я думал об этом. Может, я просто доверял ему? Или все дело в том, что мне пришлось пройти мимо него по пути к Бекки, и он заинтересовался, куда я иду?

Глава 10

Пока мы с Барри шли к тому месту в лесу, я рассказал ему про Бекки и про то, что узнал.

— Мне было очень тебя жаль, — хотел извиниться Барри, — но Том попросил меня не говорить об этом. Понимаешь, он мой шеф...

— Понимаю, — сказал я.

— Он думал, что ты будешь крутить ручку до последнего, пока не выйдешь на их частоту. И тогда переместишься к ней и...

— Правильно он думал, — вставил я.

— ...и наломаешь там дров.

— И это тоже запросто, — согласился я.

— Но я рад, что ты теперь все знаешь.

Я молча кивнул. Мне было не по себе, потому что мы уже подходили к тому месту, где я оставил Бекки. Я очень быстро нашел поваленное дерево, однако там никого не было. Тогда я огляделся вокруг — Бекки как сквозь землю провалилась. И только спустя несколько секунд я сообразил, что некий предмет, который я поначалу принял за валун или пень, и был ею. Бекки сидела на корточках и не двигалась.

— Послушай, — окликнул я ее. — Ты уж меня прости, но раньше я просто не мог вырваться...

— Знаю — я все вычислила, — подняв голову, сказала она. — Давай мне еду и постараися не наступить на мой рисунок. Привет, Барри.

Подойдя поближе, мы увидели, что Бекки окружила себя со всех сторон сложным узором из переплетенных линий, которые она нацарапала прямо на земле. Возле ее правой руки лежала какая-то сырая на вид палочка, а с левой стороны возвышалась кучка таких же сухих. Барри остановился и стал с подозрением и опаской разглядывать все эти художества. Я аккуратно, стараясь не наступать, прошел между линиями и отдал Бекки все, что принес. Завтрак она взяла, а миску вернула со словами:

— Иди и вымой ее в ручье. Потом наполнишь на две трети водой и принесешь сюда.

Пока я ходил к ручью, где-то вдалеке несколько раз громыхнуло, но дождь все не начинался. Я вернулся к Бекки, которая еще продолжала есть, и осторожно, стараясь не расплескать на рисунок, поставил перед ней миску с водой. И тут мой желудок — видимо, почувствовав близость еды — властно дал о себе знать. Как же я забыл — сам-то я тоже не обедал. Эх, надо было брать больше!

Бекки протянула мне пустую салфетку и яблочные огрызки.

— Убери, пожалуйста, — попросила она.

— Хорошо, — сказал я. — А потом что?

— А потом жди, — ответила Бекки. — Вон там. — Она махнула рукой в сторону, где сидел в траве Барри.

Сначала я зашвырнул огрызки в кусты, а салфетку сложил и засунул в карман. Затем пристроился на корточках рядом с Барри, и мы стали ждать.

— Что она делает? — прошептал он.

— Похоже, просто плятится на миску с водой, — сказал я.

Это продолжалось довольно долго, но идиллию прервал раздавшийся со стороны дома звон колокольчика — звонили к обеду. Почти сразу же мы услышали, как позвали сначала меня, а потом Барри. Это был голос тети Мерил.

Барри тихонько выругался себе под нос и поднял на меня вопросительный взгляд.

— Нам нельзя идти, — сказал я.

— Знаю, — ответил он. — Но они ведь могут отправиться нас искать?

— Давай подождем и тогда увидим.

Через несколько минут тетя позвала снова. И опять мы не подали никаких признаков жизни. Но уже вскоре Бекки скомандовала:

— Идите сюда.

Мы встали и осторожно прокрались к ней по лабиринту рисунков. Продолжая сидеть и даже не повернув головы в нашу сторону, Бекки сказала:

— Теперь я поняла, что произошло. Положение совершенно безвыходное...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Барри, когда пауза начала перерастать в неловкое молчание.

— Страсти разгорелись вокруг главной установки — это нечто вроде электростанции, — пояснила Бекки. — Повстанцы находятся как раз рядом с нею, и если им удастся ее захватить — победа обеспечена. Тогда в их власти будет целая область. Но для этого надо вырваться из кольца «черных» сил, которые зажали их там и не выпускают. Обе стороны отлично сознают, насколько важен исход этой схватки. И обе ждут подкрепления. К кому подкрепление подоспеет раньше — тот и победит.

Снова послышался звон колокольчика. И снова выкрикнули наши имена. На этот раз голос тети Мерил звучал весьма раздраженно.

— А где находится армия подкрепления «черных»? — спросил я.

— Они уже в пути и везут с собой артиллерию.

— А где наши?

— Наши ждут — рассыпаны по всем белым зонам, — ответила Бекки, и я сразу вспомнил о военном лагере перед домом. — Но они не могут переместиться туда, чтобы помочь повстанцам. — Послышался новый раскат грома, на кусты и деревья с шумом налетел ветер. — Дело в том, что «черные» глушат все сигналы с их транскомпа, — продолжала Бекки, отвечая на мой вопросительный взгляд. — Они узнали частоты, на кото-

рых работает пиратская установка, и теперь блокируют их своей собственной машиной.

— Так, значит, «черные» победят — как только к ним подоспеет помощь... — вымолвил Барри.

— Если только никто не выведет из строя их приемник, — процедила сквозь зубы Бекки.

— Но мы же не можем никого туда послать, когда зона блокирована, — сказал я. — Получается замкнутый круг — прямо по Хеллеру. Ловушка-22.

— Я в состоянии нас перебросить, — тихо сказала Бекки. — Так же как переместилась сюда.

— Но ведь, кажется, этот путь мама тоже заблокировала, — возразил я.

— Нет, она заблокировала только путь к ней самой. Не может же она закрыть от меня всю эту чертову зону.

— Значит, говоришь, мы можем туда переместиться... — прищурился на нее Барри. — Ну и что, ты полагаешь, сумеют сделать трое ребятишек против хорошо вооруженного войска? Не представляю, как бы мы смогли добраться до этого приемника.

— Там сейчас уже ночь, — пояснила Бекки. — Я могу спрятать нас в темноте так, что они не смогут нас обнаружить — по крайней мере какое-то время.

Снова послышался шум листвы, но на этот раз никакого ветра не было.

Странно — ни один из них не обратил на это внимания. Я решил тоже ничего не говорить. А вообще, если честно, предложение Бекки казалось мне несколько сомнительным — только я никак не мог понять почему.

— Бекки, — сказал я наконец, — ты что-то от нас скрываешь.

Впервые за все время она подняла голову и посмотрела мне в глаза. И тут я увидел, что в глазах у нее стоят слезы.

— Я рассказала вам все самое важное. Если нам удастся переместиться прямо к ним в лагерь и вывести из строя приемник, то партизанский трансомп снова заработает. Тогда повстанцы получат подкрепление и

кучу всякой боевой техники. Если мы успеем про-делать это все до того, как прибудет «черное» подкрепление, партизаны прорвут блокаду и выиграют сражение. Ведь если они получат помощь, то захватить станцию для них не составит никакого труда. Конечно, бои продолжаются и в других местах, но этот рубеж — самый важный. Если они освободят эту территорию — всей войне конец. Останется только восстановить разрушения и навести порядок...

— Это-то все мне понятно, — вставил я. — Но я говорю о другом. Ведь там мама и папа.

— Да. Наверное, Том успел переброситься туда прямо перед тем, как начали глушить.

— Но как же мама со своими чарами — а они у нее небось посильнее, чем у тебя? Разве она не может точно так же сделать кого-нибудь из повстанцев невидимыми, чтобы они разобрались с этим несчастным приемником?

— Они и ее глушили, — сказала Бекки.

— Как же это можно — глушить чародейство, а, Бекки?

— На одно чародейство всегда находится другое чародейство, — ответила сестренка. — Ей и без того приходится защищаться. Сделай она малейшую ошибку — они же просто испепелят ее. Нет, по этой части там полная блокада.

— Не знал, что среди «черных» тоже есть такие.

— Их не очень много. И все же нашлось несколько изменников, которые работают на «черных». Одного из них специально взяли на эту операцию, потому что знали, что у повстанцев есть человек, который владеет чарами.

— И сколько же времени может продлиться такая дуэль? — спросил я.

— Пока один из чародеев не ошибется, — ответила Бекки.

— Я имею в виду, сколько сумеет продержаться мама?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Мне лично никогда не приходилось этим заниматься. Наверное,

это зависит от того, насколько сильны у каждого из них чары.

— Если я правильно понял, — заметил я, — ты вроде способна с помощью каких-то заклинаний перенести нас в лагерь в черную зону. Но ведь у них есть своя чародейка, разве она не сумеет перехватить нас, когда мы появимся?

— Во-первых, не чародейка, а чародей, — поправила меня Бекки. — Кстати, по-моему, он откуда-то из этих мест. А во-вторых, я рассчитываю, что он настолько поглощен поединком с Агатой, что может и не почувствовать нашего приближения. Но даже если и почувствует, то ему придется отвлечься от Агаты, чтобы перехватить нас. Некоторое время я смогу защищать нас своим полем — за это время Агата как раз с ним разберется.

— Послушай, Бекки, — сказал Барри, — если уж ты берешься перебросить нас, то почему бы тебе не попробовать перевести туда всех этих солдат, которые на лужайке? Если бы они попали в тыл к врагу или зашли с фланга, партизанам точно бы удалось прорваться. И «черные» были бы окружены.

— Да нет, — ответила Бекки. — Я просто не обладаю такой силой. Одно дело — переместить небольшую группу, и совсем другое — оперировать огромными массами. В моих силах перебросить всего несколько человек...

— И вот еще что мне пришло в голову, — перебил ее я. — Допустим, мы перенесемся в лагерь противника и даже сломаем им машину. Но вот вопрос: как мы оттуда выберемся?

Бекки отвернулась.

— Главное будет продержаться до тех пор, пока партизаны не пойдут в наступление, — ответила она. — Мы можем спрятаться... или убежать... в зависимости от обстоятельств.

— Понятненько, — вздохнул я, вдруг почувствовав, как у меня пересохло во рту.

В общем-то она могла и не отвечать на этот вопрос — я заранее знал, что услышу в ответ.

Барри только улыбнулся и кивнул. Тоже мне — мистер Ледяное Спокойствие. У них это любят — мол, вернемся со щитом — или на щите... Даже песни про это сочиняют. Что до меня, так мне совершенно ясно: даже если мы и проникнем туда и все у нас получится, нам все равно не суждено остаться в живых. Другое дело, что если мы этого не сделаем, тогда погибнут мои родители.

Только не говорите мне, что я должен проявлять благородство и самоотверженность и думать о судьбе всей зоны. Да, я не благородный и не самоотверженный. Что для меня какая-то абстрактная «зона»? Единственные люди, о которых я беспокоюсь по-настоящему, — это мои родные. К святости я не стремлюсь, и вообще считаю, что весь этот героизм — сплошная глупость.

Поэтому я сказал:

— Что ж, ничего лучшего я придумать не могу.

— Тогда нам надо поскорее трогаться, — заявила Бекки. — А то вот-вот пойдет дождь и размоет все мои значки. — Она окинула взглядом свои художества.

— Хорошо бы как-нибудь сообщить о себе тете Мерил и дяде Джорджу, — заметил я.

— Если у нас все получится, то они очень скоро узнают обо всем сами, — сказал Барри и достал из кармана складной нож. — Пожалуй, пока мы здесь, срежу-ка я какое-нибудь деревце. Если обрезать сучки, получится отличная штука.

Бекки взглянула вверх на наползающие тучи.

— Ладно, только давай побыстрей.

Барри слегка углубился в лес, и я проводил его взглядом.

На руку мне упала первая капля, потом вторая упала на щеку. Рядом в кустах послышался какой-то шорох, но я подумал, что это ветер.

— Крутая же ты девчонка, Бекки, — сказал я, но она ничего мне не ответила.

Вместо этого она начала раскладывать сухие палочки возле одного из своих рисунков. И принялась тихонько, едва слышно напевать.

Некоторое время я смотрел на нее. Узор, который сестренка выкладывала из палочек, был немного похож на тот, что она выкладывала из медных стерженьков, когда перемещала меня в первый раз. Во всяком случае я заметил в нем некоторые общие фигуры. Когда она закончила, то встала и оценивающе оглядела проделанную работу — при этом она не прекращала тихо и заунывно напевать. Немного погодя ее пение стало сопровождаться каким-то странным клацающим звуком — сначала я даже не понял, как она его производит.

Чуть позже появился Барри, уже вооруженный, и встал рядом со мной. Лицо его было еще даже более бесстрастным, чем обычно, взгляд полон решимости.

— Ну все, — объявил он. — Я готов.

Бекки ничего не ответила — только пение ее стало громче, а клацанье теперь еще и перемежалось с каким-то скрежетом. Потом я понял, что это было: в левой руке у нее я заметил два небольших гладких камушка. Их-то она и терла друг об друга, а иногда и стукала ими в такт своей песне. И вдруг я почувствовал близость чего-то легкого, дрожащего...

Я рывком повернул голову налево, и у меня вырвался невольный вздох. Это был туман! Он вернулся на свое прежнее место между деревьями. Поначалу зыбкий и негустой, он на глазах набухал влагой и уплотнялся.

Только сейчас я заметил, что один из рисунков Бекки простирается как раз в сторону места, над которым висела теперь дымка — словно дорожка, ведущая в туман.

На меня снова упали дождевые капли, вокруг нас уже вовсю бушевал ветер, но этому туману было все напочем.

Наконец Бекки поднялась с земли и пошла по кругу, осторожно ступая между узорами. Нам она жестом велела идти за ней след в след.

Я пристроился за Бекки, а Барри — за мной. Мы двигались против часовой стрелки, петляя, словно в каком-то лабиринте. Все это время Бекки не переставала

скрежетать камушками и петь. Иногда ее пение тонуло в порывах ветра и шуме дождя, который теперь уже поливал вовсю. И вот мы сделали последний круг и оказались как раз напротив дорожки, ведущей в туман. Краем глаза я заметил справа от себя какое-то движение. Но уже через три шага напрочь забыл об этом.

Мы вошли в туман — сразу звуки грозы почти что стихли и перестал капать дождь. Ощущения были примерно те же, что и в прошлый раз. Мы шли и шли, и казалось, жалкое белое облачко, в которое мы забрели, не в состоянии вместить такие просторы. Земля под ногами стала мягкой, как трясина. Бекки продолжала петь, но каким-то другим, будто чужим голосом. Кроме ее песни, я ничего больше не слышал — даже собственного дыхания.

Вокруг нас плотной стеной стоял жемчужно-серый сумрак. Прямо перед собой я с трудом различал спину Бекки, а позади себя даже не слышал, а лишь смутно ощущал шаги Барри. И все-таки пробираться сквозь эту муть всем вместе было гораздо легче, чем шагать в ярком свете, но одному.

Наконец белая стена перед нами начала растворяться, а потом и вовсе исчезла. Теперь мы шли по лесу. Стояла глубокая ночь. Прошло еще какое-то время, прежде чем Бекки подняла руку и остановилась.

— Что там? — шепотом спросил я.

— Пришли, — сказала она.

Глава 11

Мы присели на землю, и Бекки тихонько развела руками листву, чтобы показать нам, куда именно мы пришли.

Прямо перед нами был военный лагерь. Тут и там стояли палатки, валялись на земле свернутые походные матрасы, горели костры и ходили дозором вооруженные охранники. Вдалеке, слева от нас, громоздилось еще какое-то строение — по всей видимости, партизанский объект. Должен сказать, что по виду он ничуть не напоминал электростанцию — во всяком случае я таких не видел. Это было гигантское сооружение, обнесенное забором из проволоки и состоящее из множества высоких, хрупких на вид башенок — каждую из них окружал ореол голубого света. Между ними располагались более приземистые постройки в форме кубов. Связывали же всю конструкцию воедино протянутые от одного здания к другому спиралевидные канаты. Кое-где были видны одинокие фигуры людей — видимо, охранников.

Я посмотрел направо — совсем вдалеке маячила горная гряда. На пологих склонах тоже наблюдались признаки жизни: горели костры, бродили патрульные. Скорее всего там обосновались повстанцы. Возможно, где-то среди них были и мои родители...

Бекки слегка пошевелилась и отвлекла нас с Барри от созерцания окружающего пейзажа. Я вопросительно взглянул на нее и обнаружил, что она внимательно

смотрит налево, куда-то вдаль. Я, конечно, тоже стал смотреть туда и поначалу не заметил ничего особенного.

Но затем, когда я несколько раз обшарил взглядом пространство, лежащее за лагерем, я увидел какие-то движущиеся черные точки.

— Наверное, это их дополнительные войска... — послышался шепот Барри. — Похоже, они решили подтянуть туда артиллерию.

Бекки снова пошевелилась.

— Надо срочно к ним внедряться, — сказала она.

— Скорее всего «черные» постараются поберечь патроны для дневного времени, — заметил Барри. — Гораздо удобнее, когда видишь, во что ты стреляешь.

— Даже если так, нам все равно некогда ждать. Мои чары лучше всего действуют ночью — да и повстанцам надо получить подмогу как можно быстрее. И потом, нужно еще время, чтобы перебросить войска и объяснить им, что к чему...

— Пожалуй, ты права, — согласился Барри. — Так что же делать?

— Сейчас мне понадобится полная тишина — минут на десять, — произнесла Бекки. — Я должна выставить защитное поле. Я скажу, когда все будет готово — и тогда сразу же идем в лагерь.

— А ты знаешь, в какой из палаток находится их машина? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Придется поискать.

— Мне кажется, надо смотреть в тех, которые стоят на более возвышенном месте, — высказал предположение Барри. — Может быть, вот в этой, большой, ближе к краю.

— Ну что ж, тогда с нее и начнем, — решила Бекки.

Мы встали с колен и, отойдя немного назад от своего наблюдательного пункта, вышли на небольшую полянку. Там Бекки снова уселась на землю. По виду можно было подумать, что она просто глубоко задумалась. Я расположился слева от нее, Барри — справа.

Некоторое время мы просто сидели и ждали — как вдруг я начал что-то чувствовать.

Лес как будто ожил вокруг нас. Теперь тень от деревьев окутывала наши тела словно тончайшей паутиной. Нет, эта штука была даже тоньше, чем обычная паутина. Она скорее напоминала легкий ветерок — если бы он вдруг стал просто тканью. По-настоящему, конечно, никакого ветра не было.

Тут Бекки встала:

— Возьмите меня за руки.

Мы так и сделали, и она повела нас между стволами. Я не ощущал на теле ничего реального, и в то же время зрение у меня явно изменилось. Теперь источники света — например костры — я видел размыто, нечетко, а неосвещенные места, наоборот, словно искрились лунным светом. Разумеется, никакой луны на небе не было.

Шли мы молча, и я слышал каждый удар собственного сердца. Чем ближе мы подходили к лагерю, тем чаще и громче становилось мое дыхание — мне даже приходилось сдерживать его. Когда мы пересекали границу, я мысленно приготовился к тому, что нас окликнут часовые... Но нет, благополучно. Так. Значит, когда мы подойдем к первой палатке... Сейчас кто-нибудь выйдет и...

Опять ничего.

Мы продолжали идти. Несколько раз мы останавливались и пропускали каких-то людей — кажется, никто из них нас не заметил.

Удивительно — я и не думал, что Бекки такой специалист своего дела. Я решил, что больше никогда не буду над ней подшучивать. Однако, как я понял, заклинание на маскировку не давало стопроцентной гарантии, и поэтому Бекки старалась вести нас всяческими окольными путями, избегая слишком больших скоплений людей. Один раз мы прошли мимо какого-то солдата, который, казалось, смотрел на нас во все глаза — но он только потряс головой и потер уши, провожая нас взглядом. Возможно, он обладал повышенной, по сравнению с другими, чувствительностью.

Мы постарались поскорее скрыться из поля его зрения.

Пока мы шли, я обдумывал наши дальнейшие действия. Если приемник окажется действительно в той палатке, которую мы выбрали, то, после того как мы разберемся с ним, нам лучше уходить в ту же сторону, в какую мы двигаемся сейчас — то есть в дальний конец лагеря. Тогда нам останется пересечь только небольшой открытый участок с левого фланга — и снова начнется лес.

Слева вдалеке прогремел взрыв. Следом за ним почти сразу грянул другой. Эхо последнего еще звенело в воздухе, а мы уже поняли, что это значит — хотя никто из нас не произнес ни слова. Обстреливали склон горы, причем стреляли с левой стороны, так что снаряды летели прямо над лагерем. Мы ускорили шаг. Надо как можно быстрее разыскать этот несчастный приемник!

Наконец мы дошли до заветной цели. Со стороны было очень похоже, что это именно та палатка, которую мы искали. На переднем острие крыши торчало нечто вроде антенны, а возле задней стенки стоял небольшой работающий генератор. Бекки остановила нас, чтобы немного осмотреться на месте.

Прозвучало еще несколько взрывов. Если те первые удары можно было считать пробными, то теперь огонь велся достаточно методично. Похоже, «черные» начали обстрел.

При таком шуме разговаривать шепотом никак не получалось, а кричать друг другу мы попросту боялись — таким образом мы могли привлечь к себе внимание даже невидимые.

Возле входа в палатку, опираясь на ружье, стоял часовой. Барри толкнул в плечо сначала меня, потом Бекки, а затем указал поочередно на часового и на свое самодельное оружие. Мы с Бекки переглянулись и одобрительно кивнули. Другого способа пройти через пост часового я, например, не видел. Если бы мы просто сбоку проделали в палатке дыру, это даже скорее привлекло бы всеобщее внимание. Бекки —

так же жестами — показала, что мы должны обязательно двигаться вместе, не расцепляя рук, иначе ее заклинание перестанет действовать. Барри кивнул, и мы пошли.

Артиллерийский огонь ни на минуту не прекращался, тут и там со склонов гор поднимались облачка серого дыма. Насколько он был разрушительным, я в точности не знал. Единственное, что я смог определить — по частоте ударов и источникам вспышек, — это что бой ведется сразу по трем направлениям.

Пока мы осторожно подкрадывались к полусонному часовому, я уже мысленно представлял себе, что сейчас будет. Я нисколько не сомневался, что Барри с легкостью его уложит — причем достаточно мягко, чтобы не причинить сильного вреда. Не напрасно же он всю жизнь тренировался. Но что нам делать с этим бедолагой, когда он упадет? Не можем же мы бросить его лежать у входа в качестве живой рекламы своего налета на палатку? Значит, его следует немедленно затащить внутрь. Придется действовать быстро. И еще: надо будет обязательно оставить кого-нибудь сторожить вход, на случай если в палатку войдет враг. Пусть даже для этого придется расцепить руки и стать снова видимыми. Да, если это не та палатка, то вся наша операция будет, по-видимому, сорвана... И даже если это окажется нужная палатка, мы все равно не знаем, сколько там внутри сидит народу...

Бекки остановилась и слегка обняла нас с Барри за плечи, чтобы мы остановились тоже. Затем подтолкнула друг к другу наши головы, и в результате ее губы оказались прямо возле наших ушей. После этого она заговорила, стараясь перекрыть голосом грохот орудий:

— Послушайте, что-то мне здесь не нравится! Что-то такое есть в этой палатке... что-то нехорошее.

— Но что? — осторожно спросил Барри.

— Не знаю, — ответила Бекки. — Палатка именно та, что нужно. Но там... понимаете, там вроде какая-то ловушка. Я прямо чувствую, как оттуда исходит опасность...

Мы с Барри переглянулись. Опасность? Но мы ведь заведомо шли на опасность, так что ничего нового она нам не сообщила. И потом...

— А разве у нас есть другой выбор? — спросил Барри.

Бекки помолчала, затем кивнула.

— И все-таки, там что-то странное... — добавила она.

— Думаю, в любом случае мы уже исчерпали все меры предосторожности, — сказал я.

Она снова кивнула, и мы решили действовать по плану.

Пока мы подкрадывались к часовому, я думал, что вот сейчас было бы как раз неплохо, если бы их дурацкая артиллерия громыхала подольше и посильнее — тогда наша операция потонет в шуме.

Когда мы подошли ближе, часовой забеспокоился и начал озабоченно смотреть по сторонам. Несколько раз его взгляд скользил прямо по нам, но так и не мог ни за что зацепиться. Мы подобрались еще ближе. И вдруг Барри сделал выпад. Он так быстро взмахнул своей штуковиной, что я не успел ничего сообразить. Получив удар в область за правым ухом, часовой стал медленно оседать на землю, тогда как Барри уже успел нырнуть в палатку.

Времени на раздумья не было. Барри сейчас на вряд ли потребуетсяся моя помощь, поэтому я решил действовать по плану — то есть прежде всего избавиться от свидетелей. Поэтому я подхватил часового под мышки и стал затаскивать его внутрь. Бекки тем временем подобрала ружье и протиснулась следом. Я еще не успел разогнуть спину и повернуться, как услышал звуки потасовки.

Быстро опустив часового на пол, я обернулся и окинул взглядом помещение. В глубине стоял стол, на котором я увидел некий прибор, отдаленно напоминающий тот транскомп, что был у нас дома. Судя по мигающим лампочкам, он работал. Перед ним на стуле сгорбился какой-то человек в коричневом костюме — видимо, оператор. Он был без сознания. Возле стола и шла потасовка — Барри дрался со вторым обитателем

палатки, который защищался от него лопатой. Оба кружились словно в танце, уворачиваясь от ударов друг друга. Внезапно Барри бросился на пол и резко подхватил противника под колени — это был один из его излюбленных приемчиков. Когда тот упал, Барри нанес ему серию ударов по шее и по животу. После этого противник затих.

— Браво, — раздался вдруг голос откуда-то из дальнего угла палатки. — Такой молодой — кто б мог подумать...

Бекки только что положила на пол ружье и уже направилась к транскумпу, но этот уверенный насмешливый голос заставил нас обоих застыть на месте и обернуться. Вскоре мы увидели и его обладателя — он пружинисто поднялся с походной кровати, которой мы раньше не заметили.

Босой, в черных брюках и того же цвета рубашке с расстегнутым воротом. На открытой волосатой груди я заметил какой-то медальон. Я бы не сказал, что такой уж атлет — скорее незнакомец был даже хрупкого телосложения. Ростом, может, чуть повыше, чем Барри. Длинные черные волосы сзади собраны в хвостик, в левом ухе поблескивала серебряная сережка. У него были очень темные, почти черные глаза, а когда он поднял руки, я увидел, что пальцы у него унизаны перстнями.

Когда Барри сделал к нему шаг, при этом воинственно помахивая своей палкой, у Бекки вырвался сдавленный крик.

— Это он... — явственно прозвучал в тишине ее голос, и я вдруг осознал, что артиллерийский огонь почти смолк.

— Кто? — спросил я.

— Тот, кого я видела...

Вслед за этим раздался какой-то хруст и треск — и на наших глазах оружие распалось надвое прямо в руках у Барри. Мужчина двинулся на Барри, и тот с размаху швырнул в него два обломка, которые остались у него в руках. Однако незнакомец отмахнулся

от них, как будто это были назойливые мухи, и продолжал спокойно надвигаться на Барри.

Только сейчас до меня дошло, о ком говорила Бекки. Это и был тот самый завербованный «черными» волшебник, которого, как утверждала сестренка, немедленно испепелят мамины чары, стоит только отвлечь его внимание от поединка с ней. Однако сейчас его внимание было явно сосредоточено на Барри, тем не менее он чувствовал себя при этом прекрасно. Неужели ему удалось победить маму, неужели он убил ее?

От этой мысли у меня сами собой сжалась кулаки, и мне захотелось самому броситься на этого гада. Однако Барри опередил меня.

Он сделал стремительный выпад, который он, кажется, называл при мне «удар с разворотом». Но еще когда он был в воздухе, чародей спокойно отступил в сторону — словно прочитал его мысли. Более того, он успел поднять руку и слегка дотронуться до вытянутой ноги Барри — даже не ударить, а только коснуться. После этого Барри рухнул на спину и больше не шевелился.

Мужчина улыбнулся и поднял голову. Посмотрел на Бекки. Потом на меня.

— …А зовут его Ворон! — сказала Бекки. — Разбивай машину! — крикнула она мне.

Пока сестренка произносила все это, она успела поднять руки и теперь держала их перед собой. Мужчина снова перевел на нее взгляд.

— Какие мы быстрые, — сказал он и тоже поднял руки.

— Что с Агатой? — спросила Бекки.

Некоторое время он молча сверлил ее взглядом, как будто взвешивал про себя, не будет ли слишком опрометчиво сказать ей правду. Затем ответил:

— Не знаю. Наш контакт оборвался, как только начали обстрел. Может, ее ранило. А может, и убило. Во всяком случае я ее больше не чувствую.

И тут я почти физически ощутил, как между ними повисло в воздухе страшное напряжение, как будто они сцепились в поединке по армрестлингу. Только при

этом они стояли на приличном расстоянии друг от друга и состязались обеими руками.

Я начал потихоньку продвигаться поближе к транс-компу. Мужчина — теперь я знал, что его зовут Ворон; — бросил на меня взгляд, в котором читалось явное намерение мне помешать. Однако почти сразу он сморщился и снова повернул голову к Бекки. Я сделал еще один шаг, смутно осознавая, что только что избежал чего-то поистине ужасного. Тем не менее каждое движение давалось мне с трудом.

— А ты сильная, детка, — заметил мужчина. — Бекки, да? Но ты уже подустала — заметно подустала...

— Так же как и вы! — заявила Бекки.

— Но я ведь все равно сильнее, да и знаю побольше твоего.

Он сделал шаг вперед. Бекки отступила. С обоих ручьями лил пот.

Я поискал глазами какой-нибудь предмет, подходящий для того, чтобы разбить транскумп. Вон там есть лопата — но она лежит слишком близко к Ворону... И тогда я решил, что единственным верным решением будет просто скинуть машину со стола. Я уперся в нее обеими руками и подтолкнул. Машина не сдвинулась с места. Она была жутко тяжелая...

Ну хорошо же. Бекки снова отступила — Ворон продолжал на нее надвигаться. В это время я ухватился за край стола и попытался приподнять его. Он приподнялся лишь чуть-чуть, самую малость. Барри пошевелился и застонал.

Тогда я повернулся к столу спиной и снова ухватился за край. Затем согнул колени, слегка присел и изо всех сил попытался разогнуть ноги.

Бекки опять отступила — на этот раз к самой стене. Прижавшись к ней, она подняла руки к лицу и стала тихо всхлипывать. Ворон засмеялся.

— Неплохо, детка, неплохо, — сказал он и вышел вперед, — но и недостаточно хорошо...

Мне казалось, что руки у меня выскочат из суставов — но ножки стола начали наконец отделяться от земли. Ворон, кажется, заметил это, потому что он тут

же отвернулся от Бекки и вперил свой взгляд в меня. Я сразу почувствовал тогда, что он хочет меня убить, поэтому налег на стол еще сильнее. Где-то на полу снова зашевелился Барри — кажется, он пытался встать, но был еще слишком слаб, чтобы прийти мне на помощь.

И вдруг... Полог палатки откинулся, и внутрь одним прыжком влетел здоровенный серый волчище.

Я сделал последнее отчаянное усилие. Стол наконец поддался, и транскомп с грохотом рухнул на пол. В это время Ворон уже лежал лицом вниз, а возле его шеи клацали огромные клыки и раздавалось глухое рычание дяди Джорджа.

Глава 12

Насколько я понял, в ту ночь мы все погибли, а потом нас там же и похоронили. Но я отлично помню, как убегал через дыру, которую прогрыз дядя Джордж в дальнем конце палатки; на одной руке у меня висел Барри, на другой — Бекки. В это время как раз начался очередной артиллерийский обстрел. Сначала мы кое-как добрались до деревьев, где можно было немного укрыться, а потом перебежками рванули в сторону гор.

Почти до самого рассвета мы ползли вверх по склону. Затем свернули направо и двинулись к расположению партизан. А когда уже совсем утром мы все-таки дошли до них — началось наступление на лагерь «черных».

Мы стояли и смотрели, как длинными шеренгами по склонам спускаются тысячи и тысячи воинов, которые, видимо, собирались сюда со всех белых зон. Вскоре обстрел прекратился, зато теперь до нас с поразительной ясностью доносились все звуки боя.

Не знаю, сколько мы такостояли, но в конце концов лагерь «черных» был взят. После этого наши войска сразу же двинулись к энергетическому объекту. Вид у станции был совершенно не жилой — будто ее населяли гномы, которые прячутся от дневного света. Впрочем, и сдали объект почти без борьбы. Видимо, все это время защитники станции наблюдали за ходом сражения и решили, что положение их безвыходно.

Только сейчас, когда исход битвы был уже ясен, я почувствовал, насколько мне жарко — на небе уже вовсю светило солнце. По высоте его я понял, что мы проторчали на склоне несколько часов, хотя для нас они пролетели, как одно мгновение.

Мы немного не дошли до расположения партизан — вернее, до места, где еще вчера они располагались, поэтому теперь снова зашагали по склону горы. Чем ближе мы подходили к лагерю повстанцев, тем чаще нам попадались на пути воронки от снарядов и груды развороченных камней. Дядя Джордж уже принял свой обычный человеческий облик и оделся в какую-то одежду, которую нашел в разрушенной палатке.

Запах моих родителей мы с ним учудили одновременно. Оба рванули вперед и обогнули каменный выступ... Там прямо на земле, прислонившись спиной к большому валуну, сидел мой папа — на голове его белели бинты. Рядом, завернутая в одеяло, спала мама.

Мы с Бекки скорее бросились к ним и почти свалились в их объятия. Барри чуть отстал, но на лице его была счастливая улыбка.

Дядя Джордж прищурился на маму, затем на отца.

— Хлопотная выдалась почка... — сказал он.

Ни Барри, ни Бекки сильно не пострадали от поединка с Вороном. Даже моя мама с честью вынесла дузель с чародеем, хотя и сильно устала. Впрочем, поводов для усталости у нее было предостаточно и без него.

Мне она шепнула очень тихо, что решилась на обман, потому что думала — так для меня будет лучше. На это я возразил ей — я достаточно большой, чтобы разобраться в любой ситуации.

В ответ она лишь согласно кивнула. Дядя Джордж уже успел рассказать ей про все, что мы сделали.

— Больше — никаких секретов, — заверила меня она. — Обещаю.

Ну что я мог ей сказать? Что я доволен? Для меня это был просто урок взросления — больше ничего.

— Главное, теперь ты в безопасности, — улыбнулся я.

Наконец-то мы могли поговорить с дядей Джорджем. Оказалось, что еще во время нашего урока обортневедения он заподозрил неладное. А уж когда мы не явились на призывы к обеду, он и вовсе решил, что пора обследовать окрестности. Приняв самый что ни на есть незаметный облик, он нашел нас и стал вести наблюдение. Стоило ему увидеть среди нас Бекки, как он сразу понял, что мы собирались делать. Поэтому когда дело пошло к перемещению, он просто прокрался следом за нами — сначала по узорам на земле, потом по туману.

Папа попросил Бекки рассказать ему всю историю с самого начала. Я-то думал, он расстроится из-за того, что тому «черному» все-таки удалось уйти, но он почему-то больше всего забеспокоился, когда сестренка упомянула про доктора Вейда.

— Доктор действительно говорил, что у него в папке появился какой-то новый материал?

— Да, — ответил я. — Он прямо весь дрожал — так ему хотелось поскорее его просмотреть.

Папа поднял глаза к небу и что-то замычал себе под нос, как делал обычно, когда пытался прикинуть что-то в уме. Затем перевел взгляд на маму:

— Значит, примерно утром он должен отбыть домой... Очень может быть, что он еще там — тем более если поздно лег спать.

Она кивнула:

— Понятно. Я готова.

Они оба встали.

— Пошли. Надо спешить.

Они бросились к транскому, и дядя Джордж согласился побывать немного в роли оператора, а заодно посмотреть, не прибывают ли еще наши. Проверив несколько частот, он сказал, что приток сил продолжается. Перед тем как я переместился, дядя стиснул мне плечо.

— На днях надо встретиться — хочу дать тебе еще несколько уроков, — произнес он.

— Ну конечно, — ответил я. — Спасибо тебе за все.

И дядя Джордж улыбнулся — первый раз в жизни я увидел, как он улыбается.

Можно было и не торопиться. Когда мы вернулись домой, доктор Вейд еще спал. Таким образом, у нас как раз оставалось время, чтобы помыться (а некоторым и побритьсь) и приступить к приготовлению плотного завтрака.

Все получилось так, как мы рассчитывали. Доктор проснулся, когда все было уже почти готово. Меня послали к нему на другую половину, чтобы я пригласил его к завтраку. Доктор охотно согласился. Кажется, он пребывал в прекрасном расположении духа.

— Получилась необычайно плодотворная поездка, — сказал он.

— Да что вы говорите! Рад слышать. Встретимся внизу, — ответил я.

Во время завтрака доктор просто сиял от счастья. Торопливо и без интереса выслушав папины объяснения — включая рассказ о неприятном инциденте, произшедшем с его шевелюрой и приведшем к частичному ее упразднению, — доктор тут же принялся обсуждать с ним некие уравнения, которые он случайно откопал вчера у себя в папке и которые, по его словам, объясняли некий феномен под названием «мозаика частиц». Я, честно говоря, не понял, что он имел в виду: то ли он говорил чисто о теоретической концепции энергетических уровней в физике частиц, то ли о способе использования ее в производстве оружия или для добычи чистой энергии. Бекки, Барри и я быстремько управились с завтраком и смылись, оставив доктора пить кофе с родителями.

Потом, когда я случайно проходил мимо двери — ну хорошо, не случайно, меня просто заело любопытство, — я видел, как доктор Вейд сидел, откинувшись, на стуле, глаза его были закрыты, а мама что-то тихо и настойчиво шептала ему на ухо. А в это время папа выуживал из папки доктора новый материал.

До сих пор не могу забыть, как доктор бормотал, когда собирался уезжать:

— Никак не могу освободиться от ощущения, что я что-то забыл. Но вот что это... не помню.

— Ну, значит, ничего интересного, — утешал его папа.

Я правильно догадался — тот лазутчик прибыл из черной зоны, чтобы насадить нам одну очень важную физическую концепцию, до которой наша зона еще не дозрела и которая могла бы принести нам вред. Очередная попытка обмануть время. Может быть, все бы и обошлось, но в вопросах социального конструирования мы всегда придерживались того же правила, что и сами «черные» — своего рода «правила большого пальца», выведенного из опыта других зон.

Да, других зон... Таких же, как та, на которой мы погибли.

Дело в том, что параллельные миры возникают, когда развитие определенной зоны доходит до поворотной точки. Некоторые ученые даже уверены, что каждый такой момент порождает не два параллельных мира, а бесконечное множество. Другое дело, что не все из них мы можем уловить с помощью нашей аппаратуры. Иные отличаются друг от друга столь незначительно, что настроиться на их частоту почти невозможно. Так же невозможно определить, по какому принципу выбираются эти главные поворотные моменты истории. Совершенно темный лес.

Словом, мы попали как раз на такой перелом. Это был момент зарождения новой зоны.

Теперь появилась еще одна белая зона — в ней партизанам удалось захватить электростанцию и выиграть войну с «черными».

Но осталась и третья черная зона. Там, согласно сообщениям разведывательной службы, партизанский транскум был разрушен прямым попаданием снаряда и никакой помощи не последовало. Родители мои погибли во время взрыва. Бекки, Барри и меня смерть настигла во вражеском лагере — и вместе с нами дядю Джорджа. Было ли это делом рук Вороны или ему

кто-то помог — так и осталось тайной. Я лично думаю, что сам бы он не справился.

Интересное это ощущение — сознавать, что где-то есть мир, в котором ты умер. А если не умер? Тогда я бы точно отправился в спасательную экспедицию.

А если бы мне это удалось? Думаю, это было бы еще более странное ощущение — встретиться с самим собой. Интересно, что бы я себе сказал? И кому бы из нас принадлежали тогда мои стереозаписи?

А Бекки? Что бы мы стали делать с еще одной Бекки? Или Барри? Или если бы у нас было две мамы и два папы?

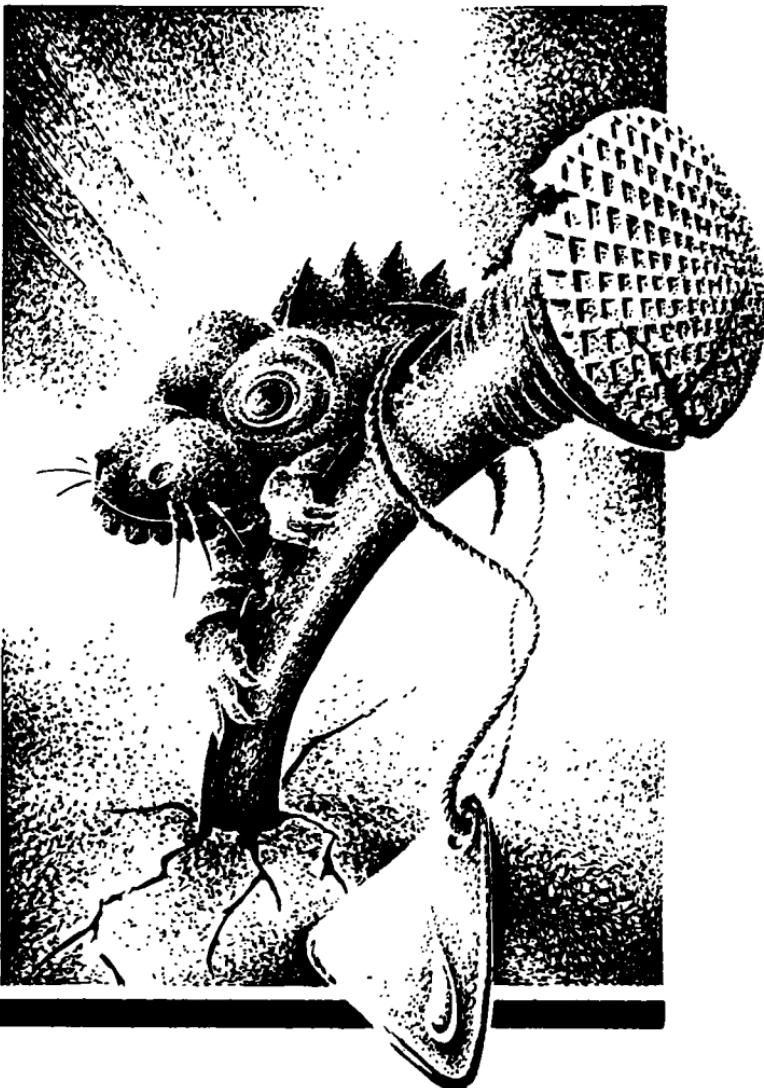
Насколько я знаю, в других известных зонах таких двойников нет. Все они разошлись в путях своего развития много-много лет назад. Ученые считают, что раньше, в самом начале, двойники существовали, но постепенно, спустя столетия, все совпадения сгладились.

Думаю, я не один такой в новой белой зоне — многие живут и знают, что в третьей черной зоне у них есть двойники. И если снова вспыхнет борьба за эту зону, я думаю, все они будут среди добровольцев. Сколько же неожиданных встреч и узнаваний произойдет, если это случится! Надеюсь, я и сам побываю там — когда там опять будет белая зона — и положу цветочки на свою могилу. Вернее, на наши могилы.

Можно долго философствовать о всемирном равновесии добра и зла и тому подобное. Только белых зон все равно больше, чем черных, а философские концепции — особенно те, которые содержат мораль... Чем дальше в них вникаешь, тем больше всяких неясностей. Я ведь уже говорил, я хочу стать ученым, а значит, работать в таких областях, где факты в конечном итоге побеждают догадки.

Кстати, пора бы и о конечном итоге...

Уже совсем стемнело — да и луна скоро выйдет.
Пойти, что ли, чуток повыть?

ПОВЕСТИ

ФУРИИ

В качестве завершающего штриха или подачки Природа иногда швыряет кость тем, кого уродует и делает изгоями. Частенько это какое-нибудь умение, обычно совершенно бесполезное, или проклятие высокоразвитого интеллекта.

Когда Сандору Сандору исполнилось четыре года, он мог назвать все обитаемые миры в Галактике — а их было сто сорок девять! Когда ему исполнилось пять, он рисовал на чистом глобусе все континенты всех планет. К семи годам ему были известны провинции, штаты, государства и главные города ста сорока девяти населенных миров Галактики. Он изучал землеграфию, историю, земледелие и популярные путеводители, когда не спал; а еще Сандора страшно занимали атласы и туристические видеопленки. Складывалось впечатление, что в голове у него имеется особое запоминающее устройство, потому что к тому моменту, когда он отпраздновал свой десятый день рождения, в Галактике не осталось ни одного города, о котором он не знал бы хоть что-нибудь.

И он продолжал свои занятия.

Furies

© 1966 by Roger Zelazny

Фурии

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1996

Его завораживали разные места. Сандор собрал великолепную библиотеку уличных путеводителей и карты дорог. Отлично разбирался в архитектурных стилях, ведущих отраслях промышленности и расах, мог рассказать про аборигенов, местную флору, достопримечательности, отели, рестораны, аэропорты и морские порты, космопорты, стили одежды и украшения, климатические условия, искусства и ремесла; кухню, виды спорта, религию, общественные учреждения и обычай.

Когда Сандор получал докторскую степень по землеографии — в четырнадцать лет, — устный экзамен вели по закрытому телеканалу, потому что он боялся выйти из дома. За всю жизнь Сандор делал это трижды и каждый раз переживал невыразимые страдания, поскольку никто из обитателей ста сорока девяти миров Галактики так и не сумел придумать лекарства от весьма редкой болезни, жертвой которой он стал — мышцы его тела были не в состоянии выполнять свои функции. Сандор не мог управлять даже самыми лучшими протезами более пяти минут — он мгновенно уставал и испытывал мучительную боль; а чтобы выйти из дома, ему нужно было воспользоваться сразу тремя такими протезами — двумя для ног и одним для правой руки, для конечностей, которых он не получил, когда развивался в утробе матери. Тело Сандора выдерживало силу тяжести только маленьких планет, таких, как Домбек.

Чтобы избежать страданий и не встречаться с чужими людьми — он привык общаться только со своей тетушкой Фэй и нянькой, мисс Барбарой, — Сандор сдавал устные экзамены по закрытому телеканалу.

Университет Брилла, на планете Домбек, располагался довольно далеко от того места, где жил Сандор, иначе профессора обязательно посетили бы столь талантливого исследователя, поскольку испытывали к нему истинное уважение. Его диссертация, написанная на 855 страницах и называвшаяся «Записки, посвященные теории гравитационной матрицы, управляющей

формированием сходных по структуре почв на разных планетарных телах», привлекла внимание даже ученых Межзвездного Университета на Земле.

Случилось так, что Межзвездное Правительство, которое все про всех знает, слушало устный экзамен Сандора, а потом и защиту диссертации.

Адъюнкт-профессор Бейнс был одним из немногочисленных друзей Сандора. Они встречались несколько раз в библиотеке Сандора; под предлогом, что хочет взять ту или иную книгу, Бейнс иногда заходил в гости и проводил у него весь вечер.

После экзамена профессор Бейнс в течение нескольких минут оставался с Сандором на связи и они немного поболтали — так, о всяких пустяках. Именно тогда-то Бейнс и заговорил — случайно — о совершенно бесполезном (в академическом смысле слова) таланте Сандора.

И именно тогда-то правительственный чиновник и навострил свои острые уши (он был ригелианином). Чиновник очень хотел получить повышение по службе и вспомнил весьма запутанную служебную записку...

Адъюнкт-профессору Бейнсу почему-то вздумалось поговорить о том, как однажды Сандору показали набор из тридцати подобранных случайным образом снимков разных мест цивилизованной галактики, а основные данные, снятые с этих фотографий, были введены в компьютер Отдела L-L. Сандор в каждом случае правильно назвал планету; в двадцати девяти определил характер местности; графство или район — в двадцати шести; и безошибочно обозначил само место в пределах пятидесяти квадратных миль в двадцати трех случаях. Компьютер узнал лишь планету — в двадцати семи случаях.

Впрочем, для компьютера это занятие не было делом и единственной любовью всей жизни.

Таким образом, стало ясно, что Сандор знает практически каждую улицу в Галактике.

Через десять лет он выучил их все до единой.

Однако через три года ригелианин ушел с работы, испытывая к ней невыносимое отвращение, и поступил на частное предприятие, где платили больше, а повышения по службе происходили чаще. Однако его служебная записка и пленка с записью разговора были внесены в файлы компьютера...

Бенедик* Бенедикт родился и вырос на водяном мире под названием Кьюм и обладал удивительной способностью заводить врага в лице каждого, с кем встречался.

Это происходило потому, что, в то время как одни люди получают высшее наслаждение от пьянства, обжорства, праздности, разврата или от занятий фрилом, Бенедик просто обожал сплетни — он был ужасным болтуном.

Сплетни были его хлебом насущным, религией и сексуальной жизнью. Тот, кто пожимал ему руку, совершал ошибку, часто трагическую. Как только Бенедик касался вашей руки и улыбался своей самой искренней из улыбок, его глаза наполнялись слезами, которые потоками стекали по пухлым щекам.

Впрочем, он вовсе не горевал, когда знакомился с вами. Ничего подобного. Слезы были соматическим следствием его паранормальной реакции — Бенедику открывалась вся ваша прошлая жизнь.

Надо сказать, что он был исключительно разборчив и всегда видел только то, что искал. А искал он скандалы и ненависть и, что еще хуже — любовь; его интересовали всевозможные нарушения законов, воспоминания о неприятных событиях, боль, слабость, тщетные попытки чего-либо добиться. Он узнавал то, о чем человек хотел бы забыть. И болтал об этом.

Если вам повезет, он не станет обсуждать с вами вашу собственную жизнь. Но если у вас есть общие

* Новобрачный, изменивший своему намерению никогда не жениться (по имени героя комедии Шекспира «Много шума из ничего»). (Здесь и далее примеч. пер.)

знакомые и Бенедику становится об этом известно, он начинает сплетничать о них. Он выложит вам все самые сокровенные тайны этого мужчины или женщины, потому что получает от такой формы общения даже больше удовольствия, чем от вашего возмущения и негодования. Его глаза, голос и рука вцепятся в вашу душу мертвой хваткой, он заворожит вас своими историями; вы выслушаете все до самого конца и испытаете страшное потрясение.

А потом он уйдет, чтобы рассказывать о вас другим.

Вот каким человеком был Бенедик Бенедикт. Он, вероятно, не имел ни малейшего представления о том, как сильно его ненавидели, потому что это чувство появлялось много позже, через несколько часов после того, как он прощался с вами. Выслушаешь его — и возникает ощущение, что ты стал жертвой насилия, а потом страх, стыд или отвращение заставляет тебя гнать прочь воспоминания об этой встрече.

Иные ненавидели Бенедика тайно, потому что он был опасен. А проще говоря, знался с весьма влиятельными людьми.

Бенедик был крайне контактным животным: обожал внимание; хотел, чтобы им восхищались; страстно желал иметь как можно больше знакомых.

И ему всегда удавалось найти благодарную аудиторию. Ему было открыто так много тайн, что в обмен на возможность их узнать его терпели в самых высших кругах. Кроме того, он был богат — но об этом чуть позже.

Время шло, и Бенедику становилось все труднее и труднее встречаться с новыми людьми. Чем больше он болтал, тем известнее становился, и даже те, кто с удовольствием выслушивал его истории, старались садиться в дальнем конце комнаты возле двери и поглощали невероятные количества алкоголя — частично для того, чтобы задушить собственные воспоминания.

Бенедик был богат, потому что его способности распространялись и на неодушевленные предметы. На Кьюме, водном мире, полезные ископаемые — страшная

редкость. Если Бенедику приносили какой-нибудь образец, он брал его в руки, начинал горько плакать, а потом говорил, где нужно копать, чтобы напасть на жилю.

Прикоснувшись к рыбе, пойманной в бескрайних морях Кьюма, он мог начертить маршрут передвижения целого косяка.

Со слезами на глазах он держал в ладонях ожерелье из местного жемчуга и рассказывал, в каком районе находится месторождение.

Страховые ассоциации и кредитные учреждения заводили специальные архивы Бенедика — ручку, которой клиент подписывал контракт, окурок сигареты, бумажный платок, какой-нибудь предмет, оставленный на хранение, анализы крови или результаты биопсии, — чтобы Бенедик мог применить свой дар против тех, кто намеревается причинить компании вред, а потом сбежать, и против тех, кто собирается нарушить закон.

Впрочем, сам Бенедик не впадал в экстаз от своих умений. Он просто получал от них удовольствие. Поскольку был одним из девятнадцати людей в ста сорока девяти обитаемых мирах Галактики, обладающих паранормальными способностями. Он просто не мог иначе.

Время от времени Бенедик оказывал помощь гражданским властям — когда считал, что они стремятся к справедливости. Если же ему казалось, что дело обстоит иначе, его дар неожиданно куда-то исчезал и возвращался только тогда, когда необходимость в нем отпадала.

Бенедику Бенедику хорошо платили, его изучали в лабораториях, о нем писали в научных журналах. Ко всему прочему он обладал способностью к психометрии и мог улавливать мысли, возникающие за пределами его собственного мозга...

Рысь Рыс походил на волейбольный мяч с бородой. Толстый старик с повязкой на глазу, он обожал

хорошо поесть и выпить, носил незамысловатую одежду и предпочитал общаться с простыми людьми; Рысь часто улыбался, у него был мягкий, мелодичный голос.

В прежние годы Рысь побил все самые значительные рекорды убийств, совершенных агентами Межзвездной Службы Безопасности. Сорок восемь человек и семнадцать злобных, уродливых инопланетян пали от руки Рыси за пятьдесят лет его службы. Он был одним из трех человек в Галактике, которым удалось проработать в Службе Безопасности полвека. Он с удовольствием жил на свою правительенную пенсию, несмотря на трех жен и орды внуков; время от времени его призывали на консультации; иногда он занимался миссионерской деятельностью на стороне. Рысь считал, что все люди братья и что любовь, а не страх и ненависть должна управлять их делами. Рысь Рыс и убивал с любовью, так он сам говорил во время Мирных Заседаний, уважая и почитая душу человека, которому был вынесен смертный приговор.

Это история о том, как его призвали покинуть Осанну, Мир Великого и Славного Пламени Божественной Жизни, и он встретился с Сандром Сандром и Бенедиктом Бенедиктом, для того чтобы начать охоту на Виктора Корго, человека без сердца.

Виктор Корго был капитаном «Скитальца». Виктор Корго был главным астронавигатором, первым помощником и главным инженером «Скитальца». Виктор Корго был «Скитальцем».

Когда-то гордый «Скиталец» был военным кораблем; эбеновая поганка, утыканная похожими на самоцветы бородавками — огнеметами быстрого действия. Когда-то гордый «Скиталец» дефилировал вдоль пограничных миров Межзвездного Сообщества, насаждая законы Всеобщего Галактического Кодекса там, где вообще никаких законов в помине не было. Когда-то этот гордый «Скиталец», которым командовал капитан Виктор Корго из Гвардии, бороздил просторы глубокого космоса и стал легендой в легендарных небесах.

Он наводил ужас на разбойников и злобных, уродливых инопланетян, представляя серьезную угрозу для нарушителей Кодекса, был занозой в заднице для всех, кто замышлял недоброе, где бы они ни находились. В общем, Виктор Корго и его сияющий гриб (который мог в течение целого дня поливать огнем целый континент, находящийся под водой) были гордостью Гвардии, лучшими из лучших, сливками Вооруженных Сил.

К сожалению, Корго продался.

Оказался подлецом.

Предателем.

Герой, который перестал быть героем...

После сорока пяти лет в Гвардии, когда до пенсии оставалась половина десятилетия, Виктор Корго потерял всю свою команду в неудачном рейде на пиратскую крепость, находившуюся на планете Килш, которая могла стать сто пятидесятым обитаемым миром Межзвездного Сообщества.

Едва живой, он ползком добрался до середины громадного заснеженного поля Брилда, расположенного на главном континенте Килша. В тот самый момент, когда за Виктором Корго — с подобающим звуковым сопровождением — пришла Смерть, ему повезло. Его, как говорится, вырвали из ее лап дриллены — кочующее племя уродливых разумных четвероногих существ, которые принесли Корго в свой лагерь, вылечили, накормили и согрели. Позднее при помощи дрилленов он достал «Скиальца» и все вооружение корабля из-под ста футов льда, куда тот провалился.

У Корго не было команды, поэтому он обучил дрилленов.

Капитан со своей новой командой на борту «Скиальца» напал на пиратов.

И одержал победу.

Но не остановился на этом.

Когда Корго узнал, что Всеобщий Кодекс вынес дрилленам приговор и они должны умереть, он предал собственную расу. Дриллены отказались переселиться

в Резервацию. Они ответили, что желают жить на своей родной планете, которая должна была стать сто пятидесятым обитаемым миром Галактики (иными словами, Межзвездного Сообщества).

Поэтому был отдан приказ об их уничтожении.

Капитан Корго протестовал. Было объявлено, что он не в своем уме.

Капитан Корго угрожал. Ему угрожали в ответ.

Капитан Корго сражался, потерпел поражение, умер, был возрожден, сбежал из заключения, стал человеком вне закона.

Он присвоил «Скитальца». Во времена своего горделивого прошлого корабль назывался «Счастливый скиталец». Теперь же он стал просто «Скиталец».

Когда его обнаружили локаторы и эбеновый корпус начал отчаянно выбиривать от силовых лучей, а тело Корго пронзила нестерпимая боль, он собрал шестерых дрилленов и, поглаживая рукой шелковистый мех Малы, своей любимицы, открыл было рот, чтобы что-то сказать — но умер.

— Мне очень жаль... — успел произнести он.

Однако ему дали новое сердце. Старое разорвалось на мелкие кусочки, и его уже нельзя было починить. То, что осталось от сердца, положили в банку, а Корго дали блестящее, антисептическое яйцо из пульсирующего металла, которое сокращалось в зависимости от показаний крошечных — размером с зерно — компьютеров, имплантированных в его тело; они контролировали дыхание, уровень сахара в крови и работу различных желез. В этих зернах и яйце содержалась жизнь Корго.

Когда врачи убедились, что он будет жить дальше, Корго сообщили о процедуре военного трибунала.

Впрочем, он не стал дожидаться суда и, нарушив собственное слово офицера, сбежал, прихватив с собой Малу, которая осталась единственным в Галактике дрилленом. Ее пять товарищей стали жертвой научных опытов, направленных на изучение их внутреннего строения. Остальные представители ее народа,

естественно, отказались покинуть свой родной мир — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И тогда человек без сердца объявил человечеству войну.

Изнасилование планеты требует огромных капиталовложений. Необходимы исполинские бластеры, резатели и уничтожители для того, чтобы привести мир в состояние почти первобытного хаоса, а затем извлечь из недр основные ингредиенты (иными словами, все то, что можно продать). Книги по истории могут поведать вам о варварской добыче ископаемых на нашей родной планете в стародавние времена. Грубые технологии, используемые тогда, по результатам и выразительности ничем не отличались от того, что происходит сейчас, только размах у них был совсем не такой, как в наше время.

Представьте себе, что за одну ночь вдруг возникает Гранд-Каньон; представьте себе, что в одно короткое мгновение происходит полное изменение тысяч земледельческих слоев; представьте себе все ледниковые периоды Земли, сжатые до одного-единственного времени года. И тогда вы поймете, за какой период можно добиться самых невероятных результатов.

А теперь представьте себе количество наемных рабочих, которые бурят, взрывают, режут и отводят воду для громадных горнодобывающих концернов; эти люди получили какое-то образование; готовы рисковать — пусть всего в течение одного года, — потому что им платят большие деньги; а кое-кто надеется сделать карьеру — опять же потому, что им платят большие деньги. За год они успевают побывать на трех планетах, куда их доставляют огромные, прекрасно оборудованные корабли. Эти люди набраны со всех обитаемых миров Галактики, они великолепно управляются с самыми разнообразными инструментами, их чело украшает знак Солнечного Феникса, а в глазах их — мрак и холод космического пространства. Они умеют возводить храмы в честь атома и заставляют его

служить собственным целям; отлично знают, как защищить от атмосферного вихря грузовое судно, находящееся за многие мили от базы. Они делают это ловко и старательно, с определенным шиком, народными песнями и смехом — потому что являются рабочими лошадками, сражаются со временем (которое — деньги), стараются добыть как можно больше полезных ископаемых (которые — тоже деньги) в борьбе с конкурентами (что очень важно, поскольку, победив в этой войне, можно получить контроль над рынком на многие месяцы вперед). Эти люди в одной руке держат факел, а в другой — ураган, привозят с собой свои семьи и все, чем владеют, создают временную метрополию, творят чудеса, а потом, словно по мановению волшебной палочки, исчезают навсегда.

Теперь, когда вы представляете себе, как обстоят дела и кто принимает участие в нашей истории, вам, вероятно, станет ясна суть возникшей проблемы: изнасилование планеты требует огромных капиталовложений.

Любому ясно, что прибыли покрывают все расходы — даже больше чем покрывают. Однако они могут быть еще выше...

Каким образом?

Ну... Во-первых, тяжелое оборудование вполне заменимо. Перевозить исполинские машины и механизмы дорого. Оставить — нет. С точки зрения материала и труда дешевле сделать новые, чем таскать с места на место старые — в среднем в 2,6 раза.

Горнодобывающие концерны не производят никакого оборудования (и не намерены); концерны, занимающиеся поставками механизмов для горнодобывающей отрасли, с таким же удовольствием делают новые машины, с каким горнодобывающие концерны теряют старые.

Естественно, все необходимое берется напрокат или покупается в рассрочку с равномерными выплатами финансовым ассоциациям, потому что в таком случае, когда приходит пора представлять Межзвезд-

ному департаменту государственных сборов отчет за очередной финансовый год, возникает гораздо меньше проблем.

Бросать машины — преступление, нарушение договора об аренде, а заодно и Межзвездного Коммерческого Кодекса.

Но всякое случается...

Иногда даже слишком часто, с точки зрения статистики...

В особенности на дальних границах.

И тогда солидные страховые компании начинают расследование, в конце концов тяжело вздыхают и возмещают убытки.

...А грузовые суда добираются до рынка раньше запланированного расписанием срока, потому что им приходится меньше демонтировать оборудования, меньше грузить и транспортировать.

Экономится время, заказы выполняются быстрее, появляется возможность получить более высокую цену, а следовательно, и преимущество, когда речь идет о разворачивании новой кампании по освоению какой-нибудь дикой планеты.

Все это очень хорошо.

Но не с точки зрения ассоциаций страховых обществ.

А что может произойти с огромным транзитным кораблем, нагруженным под завязку самым разнообразным оборудованием?

Кое-кто называет это саботажем.

...Некоторые — массовым убийством.

...Тайной войной.

...Молнией Корго.

Где-то написано, что если тебе нужен свет, то лучше сжечь город, чем проклинаять мрак.

Корго мрак не проклинал.

...Множество раз.

Когда они встретились на планете Домбек, Бенедик протянул руку, улыбнулся, сказал:

— Мистер Сандр...

После рукопожатия его улыбка стала немногим кривой, а потом и вовсе исчезла с лица. Потому что он коснулся искусственной руки.

Сандор кивнул, опустил глаза.

Бенедик повернулся к могучему мужчине с повязкой на глазу.

— ...А вы Рысь Рыс?

— Верно, брат. Не обижайся, но я не подаю руки. Вероисповедание не позволяет. Я считаю, что уникальность жизни не нуждается ни в каких дополнительных подтверждениях.

— Конечно, — согласился Бенедик. — Когда-то я знал одного человека, он жил на Домбеке и занимался контрабандой гнила. Его звали Вортен Вортан...

— Отправился в Великое Пламя, — перебил его Рысь. — Иными словами, мертв. Служба Безопасности взяла его два года назад. Он пытался избежать ареста.

— Правда? — спросил Бенедик. — Было время, когда он и сам баловался гнилом...

— Знаю. Читал его досье в связи с другим делом.

— На Домбеке полно контрабандистов гнила, — сказал Сандр.

— Да? Ладно, давайте поговорим об этом Корго.

— Давайте, — кивнул Рысь.

— Давайте, — согласился Сандр.

— По словам представителя Службы Безопасности, многие страховые ассоциации заявили протест представителям Межзвездного Правительства.

— Верно. — Рысь.

— Да. — Сандр, который прикусил губу. — Джентльмены, вы не возражаете, если я сниму ноги?

— Нисколько. — Рысь. — Мы же коллеги, наши встречи должны носить неформальный характер.

— Пожалуйста, — сказал Бенедик.

Сандор наклонился вперед в своем кресле и нажал на несколько кнопок. Из-под его рабочего стола донеслось два глухих удара. После этого он

откинулся на спинку и принялся разглядывать полки с глобусами.

— Они причиняют вам боль? — спросил Бенедик.

— Да.

— Катастрофа?

— Врожденное, — ответил Сандор.

Рысь поднес графин с коричневатой жидкостью к свету. Стал разглядывать.

— Местное бренди. — Сандор. — Вполне приличное. Немного похоже на ксимили из Бандлы, только не вызывает привычки. Попробуйте.

Что Рысь и сделал, а потом весь вечер не выпускал графин из поля зрения.

— Корго уничтожает частную собственность, — заявил Бенедик.

Сандор кивнул.

— ...А еще обманывает страховые компании, портит планетарные тела и ко всему прочему дезертировал из Гвардии...

— Убийца, — добавил Сандор.

— ...И зоофил, — закончил Бенедик.

— Ой-ой-ой. — Рысь облизнул губы.

— Он наносит серьезный вред общественному спокойствию, поэтому его необходимо разыскать.

— ...И подвергнуть ритуалу очищения Пламенем — для дальнейшего возрождения.

— Итак, мы должны найти его и прикончить, — подвел итог Бенедик.

— Два необходимых нам предмета... здесь? — поинтересовался Рысь.

— Да, приемник фазовых волн находится в соседней комнате.

— А?.. — молвил Бенедик.

— Другая вещь лежит в нижнем ящике моего стола, справа.

— В таком случае почему бы не начать немедленно?

— Действительно, почему бы?

— Отлично. — Сандро. — Кому-то из вас придется открыть ящик. Оно в банке из коричневого стекла, у стенки.

— Я достану, — вызвался Бенедик.

Прошло совсем немного времени, и из груди Бенедика вырвалось рыдание: за спиной у него толпились миры, в руках он крепко сжимал сердце Корго, а по щекам струились слезы.

— Холод и мрак...

— Где? — Рысь.

— Какое-то маленькое место... Комната? Каюта? Панель управления... Что-то гудит... Холодно, повсюду какие-то сумасшедшие углы... Вибрация... Боль!

— Что он делает? — Сандро.

— ...Сидит, нет, полулежит на кушетке, которая, словно паутина, спеленала его тело. Мокнатый рядом с ним, спит. Искажено... углы... все... неверно... Боль!

— «Скиталец» в прыжке. — Рысь.

— Куда он направляется? — Сандро.

— БОЛЬ! — заорал Бенедик и опустил сердце на колени.

Его тряслось. Он вытер глаза тыльной стороной руки.

— У меня голова разболелась.

— Выпейте немного. — Рысь.

Бенедик залпом проглотил содержимое одного бокала, маленькими глотками принялся потягивать второй.

— Где я был?

Рысь чуть приподнял плечи, опустил их.

— «Скиталец» совершает прыжок — куда-то. Корго погружен в фазовый сон. Когда находишься в сознании, прыжок — вещь неприятная. Расстояние и время искажаются. Вы нашли его в неудачное время — он под воздействием транквилизаторов и континуума. Возможно, завтра нам повезет больше.

— Надеюсь.

— Да, завтра. — Сандро.

— Завтра... Да.

— Я заметил кое-что в его сознании, — проговорил Бенедик. — Солнце там, где раньше ничего не было...

— Взрыв? — Рысь.

— Да.

— Воспоминание? — Сандор.

— Нет. Он собирается это сделать.

Рысь поднялся на ноги:

— Пойду свяжусь со Службой Безопасности и расскажу, что мы узнали. Они проверят, на каких мирах в данный момент ведутся разработки. Вы не знаете, когда это произойдет?

— Нет, не могу сказать.

— А как выглядело то место? Можете его описать? — Сандор.

— Мысль была не четкой. Сознание скользило, переполненное ненавистью.

— Ладно, попытаемся еще раз?..

— Завтра. Я устал.

— В таком случае отправляйтесь в постель. Отдохните.

— С удовольствием.

— Спокойной ночи, мистер Бенедикт.

— Спокойной ночи...

— Желаю вам погрузиться в самое сердце Вечного Пламени.

— Надеюсь, этого не произойдет...

Мала захныкала и придвинулась к Корго, потому что ей приснился страшный сон: они снова оказались на заснеженном поле Брилда, и она пыталась помочь своему Корго — идти, двигаться вперед. А он постоянно падал и каждый раз лежал на земле все дольше и дольше, потом с огромным трудом поднимался, шел вперед все медленнее и медленнее. Он попробовал развести костер, но налетели снежные дьяволы, с семи лун в огонь посыпались льдинки, и пляшущие зеленые языки почти сразу умирали.

Наконец она увидела их на вершине снежной горы.

Тroe...

Окутанные с головы до ног пламенем, они вертели по сторонам окружеными ослепительным сиянием головами; а потом один наклонился, понюхал землю, выпрямился и показал — как раз туда, где остановились Мала с Корго. И тогда эти трое бросились бегом вниз по склону, а за ними неслись огненные потоки, которые растопили снег. Троица перепрыгивала через оползни и ледяные уступы; они спешили, вытянув перед собой руки. Без единого звука, приближаясь молча, останавливаясь только затем, чтобы один из них мог понюхать воздух и землю...

И вот она уже слышит их дыхание, чувствует тепло тел...

Они настигнут свою жертву через несколько секунд...

Мала захныкала и придвинулась к Корго.

Целых три дня Бенедик пытался отыскать Корго — он сжимал в руках его сердце, словно цыганка — карты, поливал его слезами, будто надеялся оживить. После этих сеансов у него раскалывалась голова — ведь он приходил в столкновение с континуумом. Часы напролет Бенедик рыдал, не в силах остановиться, даже когда просто сидел в комнате — что было весьма для него необычно. Раньше ему всегда удавалось заглушить боль, как только контакт прерывался.

Каждый раз, когда Бенедик дотрагивался до сердца Корго и его собственное сознание стремительно мчалось вперед по небесной подземке, он испытывал невыразимую муку; за три дня он одиннадцать раз предпринимал попытку найти Корго. И в конце концов его сила иссякла.

Застыв, как капля металла, на корпусе «Скитальца», он не сводил глаз с ослепительного очага в шестистах милях отсюда, который разжег и довел до температуры плавления стали. И он ощущал себя куском металла, лежащим на наковальне и ожидающим мгновения, когда молот опустится и станет снова и снова

наносить удары, и тогда он сделается еще крепче и непреклоннее, а тот, что прячется у него внутри и знает боль, угрызения совести и жалость, умрет; новый удар, еще и еще, и снова — так, чтобы осталась только жесткая, жестокая ненависть, которая, как железные колодки, должна сковать душу.

Корго наблюдал, улыбался, фотографировал.

Когда один из девятнадцати обладателей паранормальных способностей, живущих на ста сорока девяти обитаемых мирах Галактики, вдруг лишается своего дара, причем в самый критический момент, сразу вспоминаются древние сказки о Принцессе, которая неожиданно заболевает какой-то никому не известной болезнью, и Король, ее отец, призывает к себе мудрецов и лучших лекарей королевства.

Добрый Папочка — Служба Безопасности — поступил точно так же. Со всей Галактики были собраны мудрецы и советники, представители различных Мозгоматов и клиник, занимающихся восстановлением мыслительных функций, включая Межзвездный Университет с самой Земли. Увы! Поставить диагноз они сумели, но ни один не смог предложить курс лечения, который все заинтересованные лица посчитали бы приемлемым:

— Бомбардировка зрительного бугра бета-частичками...

— Гипнорегрессия до внутриутробного состояния и последующее восстановление до предтравматического периода жизни...

— Еще одно столкновение с континуумом...

— Шесть недель на прогулочном спутнике, всевозможные развлечения и две таблетки аспирина каждые четыре часа...

— Операция, известная в древние времена под названием лоботомия...

— Как можно больше жидкости и зеленые овощи с листьями...

— Найдите другого специалиста с паранормальными способностями.

По той или иной причине начальство не устроило ни одно из этих предложений, а уж последнее и вовсе было неосуществимо — в данный момент. В конце концов проблему решила нянька Сандора, мисс Барбара, которая однажды вечером совершенно случайно оказалась на веранде, где Бенедик сидел, обмахивался веером и потягивал ксимили.

— Ой, мистер Бенедик! — воскликнула она, плюхнулась в кресло напротив и разбавила свой редонад ксимили — на три пальца. — Как здорово встретить вас здесь! Я думала, вы в библиотеке с ребятами, занимаетесь вашим сверхсекретным, не подлежащим разглашению суперважным проектом, который называется «Жаркое из Скитальца» или что-то в этом же духе.

— Как видите, нет, — проговорил Бенедик и усталился на свои колени.

— Ну, побездельничать тоже иногда полезно. Посидеть, расслабиться. Отдохнуть от охоты на Виктора Корго...

— Послушайте, предполагается, что вам про это дело ничего не известно. Оно страшно секретное и важное...

— И не подлежит разглашению, знаю-знаю. Дорогуша Сандор частенько разговаривает во сне — если честно, то каждую ночь. Видите ли, я укладываю его спать, а потом сижу, пока он не отправится в страну сновидений, бедняжечка.

— Ах да. Однако я вас попрошу никому ничего про наше задание не рассказывать.

— Почему? Разве у вас возникли проблемы?

— Да!

— А что случилось?

— Все из-за меня, если уж вам так хочется это знать! Возник какой-то блок. Я призываю на помощь свои способности, а они не являются.

— Ой, как неприятно! Вы хотите сказать, что больше не можете заглядывать в головы других людей?

— Точно.

— Боже мой! Ну, тогда давайте поговорим о чем-нибудь другом. Я вам рассказывала, что когда-то была самой дорогой куртизанкой на Сордио-В?

Бенедик медленно повернул к ней голову.

— Не-е... — протянул он. — На том самом Сордио?

— Конечно. Меня называли Ослепительная Гибельная Барби, а еще Крошка-Толстушка. Знаете, про меня до сих пор поют баллады.

— Да, я слышал. Множество стихов...

— Выпейте еще. А однажды в мою честь была выпущена монета. Естественно, она стала нумизматической редкостью, мечтой любого коллекционера. Я там изображена в полный рост, натуральные цвета. Вот смотрите, я ношу ее на шее... Наклонитесь поближе, цепочка короткая.

— Очень... интересно. Расскажите ее историю.

— Все началось со старины Прурии ван Тесте, банкира из компании «Импорт-экспорт Тесте». Знаете, он много лет имел дело с синтоженщинами, а потом вдруг подумал, что, видимо, лишает себя чего-то необыкновенного. Поэтому в один прекрасный день он послал мне десять дюжин хравианских орхидей, бриллиантовые подвязки и приглашение с ним отужинать...

— Вы, естественно, приглашение приняли?

— Естественно, нет. По крайней мере в первый раз. Я же понимала, что он сгорает от нетерпения.

— Ну, и что было дальше?

— Подождите, я сделаю себе еще один бокал ред-лонада...

Несколько позже Рысь, который находился в состоянии глубокой задумчивости — он медитировал, — случайно вышел на веранду. И увидел там мисс Барбару, рядом с которой сидел плачущий Бенедик.

— Что нарушило твой покой, брат? — поинтересовался он.

— Ничего! Совсем ничего! Все так прекрасно, все замечательно! Мои способности вернулись — я это чувствую! — Бенедик вытер слезы рукавом.

— Будь благословенна, милая крошка! — проговорил Рысь, схватив мисс Барбару за руку. — Твой немудреный опыт помог излечить моего брата, в то время как высокооплачиваемые ученые мужи, доставленные сюда с разных концов Галактики, оказались бессильны. Твои простые слова исполнены добродетели, и ты любима Пламенем.

— Большое спасибо.

— Идем, брат, займемся делом!

— Да, скорей! О, благодарю тебя, Ослепительная Барби!

— Не стоит благодарности.

Как только Бенедик взял в руки разорвавшееся сердце Корго, глаза у него мгновенно затуманились. Он откинулся на спинку стула, на носу выступили капли пота, распухли, словно откормленные амебы, начали делиться, а потом устремились исследовать территорию над верхней губой.

Он сделал глубокий вдох.

— Я на месте.

Бенедик заморгал, облизнулся.

— ...Ночь. Глубокая. Какое-то примитивное жилище. Обмазано чем-то похожим на грязь с кусочками соломы... Весь свет погашен, только машина — луч...

— Машина? — Рысь.

— ...Проектор. На стене картины... какой-то мир — большой, заполняет всю стену. Пожар, наверху. Три района...

— Бхейв-VII! — Рысь. — Шесть дней назад!

— Справа береговая линия, проходит вот так... а слева — так...

Правым указательным пальцем Бенедик начертил в воздухе картинку.

— Бхейв-VII. — Сандор.

— Счастлив и несчастлив одновременно — трудно отделить одно от другого. Угрызения совести — и тут же удовольствие от содеянного. Месть... Ненависть к людям, гуманоидам... Ну-ка наведем резкость, вот здесь, где горит особенно ярко... Ярко! Как хорошо! Отлично! Это будет для них уроком! Научит не трогать чужое... Убить целый народ!.. Генератор гудит. Он очень старый, воняет... На ноге у нас лежит пес. Нога затекла, но мы не хотим беспокоить пса, потому что он любимец Малы, единственная игрушка, друг, живая кукла... Она почесывает верхней конечностью пса за ухом, пес любит Малу. На них падает свет... Видно очень четко. Теплый ветерок, вообще очень тепло, именно поэтому мы без рубашки. Ветерок шевелит кисточками занавески... никакого силового поля или оконной рамы... возле проектора выются, жужжат насекомые — древние как мир силуэты на фоне горящей планеты...

— Какие насекомые? — Рысь.

— А что за окном? — Сандор.

...Снаружи невысокие деревья — всего лишь очертания. Приземистые. Не могу сказать, где начинаются стволы... листья слишком толстые, растут очень плотно. Темно. Где-то вдалеке крошечная луна... Что-то наподобие этого на холме... — Бенедик изобразил в воздухе луковицу, нанизанную на обелиск. — Не могу определить расстояние и размер, и цвет, и из чего сделано...

— В голове Корго нет названия этого места? — Рысь.

— Если бы я мог дотронуться до него рукой, я бы знал, я бы знал все. А таким способом можно получить только образы — поверхностные мысли. Он не думает о том, где находится сейчас... Собака перевернулась на спину и слезла с нашей ноги — наконец-то! Мала почесывает псу брюхо, моя любимая смуглянка... Собака — это щенок — дергает задними лапами, словно ее кусают блохи, машет хвостом. Щенка зовут Дилк. Так она придумала, очень к нему привязана... Он похож на ее сородичей, которые все погибли. Мала ненавидит людей-гуманоидов. Она — человек. Даже

лучше... Ее народ не убивал живые существа ради собственной эгоистичной выгоды, ради Межзвездного Сообщества. Лучше людей, мой дружок, гораздо лучше... Насекомое садится на нос Дилку. Она прогоняет его. Тело насекомого состоит из сегментов, две пары крыльев примерно пяти миллиметров длиной, спереди розовый шарик, выпуклый, жужжит — насекомое... вы же спрашивали...

— Сколько в доме входов? — Рысь.

— Два. По одной двери почти напротив друг друга.

— Сколько окон?

— Два. На противоположных стенах — где нет дверей. Сквозь другое окно ничего не видно — слишком темно.

— Что-нибудь еще?

— На стене меч — длинная рукоять, очень длинная, двуручный... Может быть, три, четыре лезвия, однако короткие. Рукоять посередине, клинки прямые, обаюдо-острые... Рядом маска из... цветов? Слишком темно, не вижу. Клинки сияют; маска тусклая. Впрочем, похоже на цветы. Много маленьких цветов... В форме воздушного змея, большая сторона смотрит вниз. Черты разглядеть не могу. Мала не спокойна. Может быть, ей не нравятся картинки — а может быть, она просто их не видит и ей скучно; глаза у нее устроены по-другому. Вот она тычется носом нам в плечо. Мы наливаем ей что-то в блюдечко. И пьем сами. Она не хочет пить. Мы смотрим на нее. Она опускает голову и подчиняется. Под ногами у нас утогтанная земля, твердая. Много крошечных белых — камешков? — внутри, как пудра. Стол сделан из дерева, настоящего... Генератор неожиданно шипит, картинка меркнет, снова становится четкой. Мы потираем подбородок. Нужно побриться... а, провались оно все пропадом! Кто на нас смотрит?.. Пьем — раз, два, — готово! Еще!

Сандор вставил пленку в проектор и принял ее прокручивать, снова и снова, останавливая в самых разных местах, и опять прокручивать и останавливать,

и прокручивать, и останавливать, и прокручивать и останавливать. Он проверял свой каталог миров.

— Луна снаружи движется вверх, вниз или по небу?

— По небу.

— Справа налево или слева направо?

— Справа налево. Такое впечатление, что прошла четверть пути от зенита.

— Какого она цвета?

— Оранжевая с тремя черными полосами. Одна начинается примерно в районе одиннадцати часов, пересекает четверть поверхности, резко опускается вниз, снова появляется в районе семи. Другая возникает примерно около двух часов, идет до шести. Они не пересекаются. Третья представляет собой маленькую перевернутую букву «с» — в нижней правой четверти... Луна не большая, но ясная. Туч не видно.

— А какие-нибудь созвездия можете разглядеть? — Рысь.

— ...Голова повернута в другую сторону, и до этого долго не смотрел в окно... Возник какой-то шум... Пронзительный стрекот, почти металлический. Животное. Вот оно возникает перед мысленным взором Корго: шесть ног, живет на деревьях, в половину человеческого роста, редкая красновато-коричневая шерсть... По земле может передвигаться на двух, четырех или шести конечностях. Спускается вниз не часто. Гнездо вьет высоко. Откладывает яйца. Много зубов. Хищник. Два маленьких черных глаза. Большие ноздри. Разносит инфекцию. Но для человека не опасен. Очень пуглив.

— Корго на Дистене, пятой планете системы Блейка, — сказал Сандор. — Ночное время означает, что он находится на континенте Диденлан. Луна Бабри прошла зенит — следовательно, он на востоке. Мелларская мечеть указывает на мелла-мусульманское поселение. Меч и маска, похоже, гортанианские; уверен, что они прибыли сюда из другого района страны, расположенного в глубине континента. Меловые вкрап-

ления под ногами говорят о том, что это район Ландеар, который действительно является мелла-мусульманским. На северном берегу реки Диста. Вокруг джунгли. Даже тот, кто жаждет уединения, не заходит дальше чем на восемь миль от центра города — население сто пятьдесят три тысячи, — меньше всего заселенного к северо-западу из-за холмов, скал и...

— Отлично! Значит, он там! — Рысь. — А теперь вот что мы сделаем. Его, естественно, приговорили к смерти. Мне кажется — нет, я знаю! — на второй планете — не помню, как она называется — этой системы есть офицер, агент Службы Безопасности...

— Нирер... — Сандр.

— Да, хм-м, дайте-ка подумать... два агента получат приказ привести приговор в исполнение. Они посадят свой корабль к северу от Ландеара, войдут в город, выяснят, где остановился прибывший дней шесть назад человек с весьма необычным четвероногим питомцем. А потом один агент войдет в хижину, чтобы убедиться в том, что Корго внутри. И немедленно уберется восвояси; если Корго там, агент подаст сигнал своему напарнику, который спрячется за деревьями или каким-то иным укрытием. Второй агент затем выпустит очередь в окно и быстро встанет за северо-восточным углом, чтобы иметь возможность с безопасного расстояния видеть окно и одну из дверей: другой подберется с юго-запада и сделает то же самое. У каждого будет двухсотканальный лазерный автомат с вибрирующей головкой. Отлично. Пойду, сообщу Центральной. Он у нас в руках!

Рысь поспешил из комнаты.

Бенедик все еще держал в руках сердце Корго, его рубашка пропиталась потом. Он продолжал:

— Не бойтесь, моя смуглая леди. Он ведь щенок и просто воет на луну...

Тридцать один час и двадцать минут спустя Рысь Рыс получил и расшифровал сообщение из двух коротких фраз:

АГЕНТЫ-ИСПОЛНИТЕЛИ НА ПУТИ В ЛУЧШИЙ МИР. «СКИТАЛЕЦ» СНОВА СОВЕРШИЛ ПРЫЖОК.

Он облизнул губы. Его товарищи ждали новостей, они успешно справились со своим заданием — они умело и старательно выполнили приказ. Именно Рысь виноват в том, что жертве удалось уйти.

Он сотворил знак Пламени и вошел в библиотеку.

Бенедик все понял — ему это было легко. Он держал в руках палку, на которую иногда опирался Рысь, больше ему ничего и не требовалось.

Рысь опустил голову.

— Начинаем все сначала, — сказал он.

Способности Бенедика — ставшие в десять раз сильнее, чем прежде, — выдержали семь столкновений с континуумом. А потом он описал другой мир: большой, многолюдный, яркий, под сине-белым солнцем; повсюду желтый кирпич, неоденебианская архитектура, в окнах стёкла зеленого цвета, неподалеку багровое море...

Сандор без проблем определил местонахождение Корго.

— Мир Филиппса, — назвал он, а потом сообщил, о каком городе идет речь: — Деллес.

— На этот раз мы его спалим, — заявил Рысь и выскоцил из комнаты.

— Христианский последователь Заратуштры*, — вздохнул Бенедик после того, как тот ушел. — Полагаю, страдает комплексом Пламени.

Сандор раскрутил глобус левой рукой и наблюдал за тем, как тот вращается.

— Я не предсказатель, — молвил Бенедик, — но могу побиться об заклад, что Корго опять сбежит.

— Почему?

* Заратуштра (*иран.*) — Зороастр (*греч.*) — пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зороастризм (между X и 1-й пол. VI в. до н. э.).

— Покинув человечество, он превратился в нечто меньшее чем человек, но в каком-то смысле — и большее. Он не готов умереть.

— То есть?

— Я держал в руках его сердце. Корго отказался от него, во всех отношениях. Теперь он неуязвим. Но наступит день, когда он захочет получить его назад. И тогда он умрет.

— Откуда вы это знаете?

— ...Ощущение. Существует множество врачей специалистов, и среди них патологи. Они не хуже других, только им дано постигнуть мрак. Я знаю людей, был знаком со многими. Я не делаю вид, что мне известно о человечестве все. Но слабости — да, их я изучил досконально.

Сандор вертел глобус и ничего не говорил.

Службе Безопасности все-таки удалось поджечь «Скитальца» и нанести ему серьезные повреждения.

Но Корго остался в живых.

Он был жив и проклинал все на свете.

Он лежал в канаве, мир вокруг него полыхал пламенем, повсюду раздавались взрывы, вокруг дождем падали обломки. Он проклинал этот мир и все остальные, и всех, живущих в них.

А потом раздался еще один взрыв.

И пришла тьма.

Обоюдоострым гортанианским мечом Виктор Корго отрубил голову первому агенту Службы Безопасности, прибывшему, чтобы привести приговор в исполнение, в тот самый момент, когда он возник на пороге хижины. Мала почувствовала их приближение — окно было открыто, и ветерок донес чужой запах.

Второй упал прежде, чем успел хоть что-нибудь предпринять. У Корго тоже был лазерный автомат — такими снабжали гвардейцев, и он разрезал второго

агента на две части, выстрелив сквозь стену в направлении деревьев, где, по словам Малы, он прятался.

А потом «Скиталец» покинул Дистен.

Однако Корго забеспокоился. Как агентам Службы Безопасности удалось так быстро его обнаружить? Он частенько уходил у них прямо из-под носа и раньше, но был осторожен и не представлял себе, где совершил ошибку на этот раз; он не понимал, каким образом его нашли. Даже последний работодатель не знал, куда он направляется.

Он покачал головой и фазировал корабль на мир Филлипса.

Умереть — значит заснуть без сновидений, а Корго этого не хотел. Он старательно заметал следы, промчался по галактике, выбирая случайные направления; подарил Мале золотой ошейник с приемопередаточным устройством, встроенным в замочек (анalogичное устройство он сам носил в кольце смерти на пальце); конвертировал достаточное количество валюты, оставил «Скитальца» у надежного контрабандиста на Независимой Территории и направился в Деллес-у-Моря, на самом краю мира Филлипса. Корго любил ходить под парусом, и ему нравились багровые воды этого моря. Он снял большую виллу неподалеку от Деллес-Дайвз; с одной стороны находились трущобы, с другой — Ривьера. Он радовался. Потому что ему снились сны. Значит, он все еще не умер.

Во сне он услышал какой-то звук. А в следующее мгновение уже сидел на кровати, готовый отразить любую атаку.

— Мала?

Она ушла. Звук, который Корго услышал, был скрипом закрываемой двери.

Он включил приемник.

— В чем дело? — потребовал он ответа.

— У меня ощущение, что за нами снова наблюдают, — донесся ответ Малы из его кольца. — Всего лишь ощущение.

Голос ее был едва слышен.

— Почему ты ничего мне не сказала? Возвращайся немедленно!

— Нет. Ночью меня не видно, и я могу двигаться бесшумно. Пойду посмотрю. Там что-то есть. Если бы я боялась... Приготовься, возьми оружие!

Корго последовал ее совету, подошел к двери — как раз в этот момент они и нанесли удар. Он побежал. Когда он выскочил на улицу, они атаковали еще раз, а потом снова. За спиной у него разверзлись врата ада — сыпалась штукатурка, метался искореженный металл, осколки стекла и обломки дерева. И вот уже Корго оказался в самом центре полыхающей приступней.

Они находились над ним. На этот раз Служба Безопасности проявила осторожность, ее агенты не стали приближаться, решив нанести удар с расстояния. Они висели в окруженному защитным полем шаре и поливали дом Корго раскаленными потоками смерти.

Что-то ударило его в голову и плечо. Он повернулся, упал. Получил еще один удар в грудь и живот. Закрыл лицо руками, покатился, попытался встать — не смог. Корго заблудился в огнедышащем лесу. Тогда он побежал, снова упал, опять поднялся, бросился вперед и еще раз упал, пополз, упал.

Он лежал в канаве, а мир вокруг него полыхал пламенем. Повсюду раздавались взрывы, вокруг дождем падали обломки... Он проклинал этот мир и все остальные, и всех, живущих в них.

А потом раздался еще один взрыв.
И опустилась тьма.

Они думали, что с ним расправились, и радость врагов Корго была велика.

— Ничего не улавливаю, — улыбаясь сквозь слезы, проговорил Бенедик.

Тогда охотники устроили праздник, который продолжался и на следующий день.

Однако тело Корго никто не нашел.

Впрочем, в пылу сражения был уничтожен целый квартал, в результате пропало одиннадцать человек, поэтому представители Службы Безопасности решили, что приговор приведен в исполнение и операция прошла успешно. Тем не менее талантливую троицу попросили остаться вместе еще десять дней — пока проводится дополнительное расследование.

Бенедик рассмеялся.

— Ничего, — повторил он. — Ничего.

Надо сказать, что человек без сердца — штука весьма необычная. Его тело живет не по тем правилам, по которым существуют все остальные. Нет. Яйцо в груди Корго было умнее обычного сердца, к тому же оно являлось средоточием сложной коммуникационной системы. И хотя само по себе оно не живое существо, но прекрасно ориентируется в том, что происходит в окружающем мире; искусственное сердце не всесильно, однако оно обладает ресурсами, которых нет у настоящего.

Когда на теле Корго появились ожоги и раны, его необыкновенное сердце занялось делом: переключилось на функции, предусмотренные для экстренных случаев; превратилось в маяк, зажженный в самом центре бушующей стихии. Железы мгновенно отреагировали на его призыв и наполнили тело Корго энергией; мышцы были приведены в действие, словно электрическим зарядом.

Корго не очень понимал, что промчался почти на нечеловеческой скорости сквозь обжигающую бурю и град обломков. Он не чувствовал боли. Не имеющие в данный момент существенного значения реакции нервной системы были блокированы. Он добрался до улицы и свалился в тени, на обочине дороги.

Яйцо, взяв на себя право оценивать, сколь ситуация опасна, посчитало, что заплаченная цена слишком высока, и приняло немедленные меры, для того чтобы привести функции в норму.

Все дальше, дальше уносило оно Корго — в почти коматозное состояние. Обычный человек не способен

просто взять и решить, что он хочет впасть в спячку, а потом лечь и заснуть. Врачи, конечно, в состоянии погрузить человека в *dauerschlaff** при помощи комбинаций наркотических средств и сложной аппаратуры.

Но Корго в подобных вещах не нуждался. У него в теле была аптечка, обладающая собственным сознанием; и она пришла к выводу, что состояние комы, которое выдерживает обычное сердце, для Корго недостаточно эффективно и что его следует отправить на невиданные для человеческого организма глубины. Поэтому, продолжая функционировать как полагается, яйцо в груди Корго делало то, на что не способно обычное сердце.

Оно швырнуло его в сумрак сна без сновидений, унесло в места, где сознание бессильно. Только подведя его к границе со смертью, оно могло сохранить ему жизнь, сделать его сильнее.

Поэтому мертвый Корго лежал в канаве.

Люди, естественно, всегда собираются на месте происшествия.

Жители Ривьеры в таких случаях надевают свои лучшие наряды. Те же, кто обитает в трущобах, не тратят на это время только потому, что у них не столь обширный гардероб.

Впрочем, один представитель этого слоя общества был уже одет и проходил мимо. Его звали Зим — по очевидным причинам. Когда-то у него было другое имя — давно забытое.

Зим, спотыкаясь, брел домой после того, как присидел весь вечер в зимлаковом баре, где с удовольствием тратил свою пенсию, полученную за этот месячный цикл.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить: произошел взрыв. Бормоча себе под нос, он

* Долгий сон (нем.).

замер на месте и медленно повернулся в ту сторону, откуда доносился шум. Увидел языки пламени. Поднял голову, заметил повисший шар. В голове у него возникло воспоминание, он поморщился и продолжал наблюдать за происходящим.

Через некоторое время какой-то человек промчался сквозь ад на безумной скорости. Потом упал. Возникли новые вспышки, и вскоре шар отправился вовсюяси.

Прошла пара минут, прежде чем Зим сообразил, что случилось — сработал рефлекс, — и приблизился к человеку на земле.

Правила, вбитые в память давным-давно, постепенно возникли на поверхности сознания — страница за страницей, словно он перелистывал учебник по «Оказанию первой медицинской помощи на поле боя», разработанный специально для гвардейцев Службы Безопасности. Зим опустился на колени рядом с телом, багровым от ожогов, покрытым кровью и освещенным отблесками пламени.

— ...Капитан, — пробормотал он, вглядываясь в сырое лицо с закрытыми глазами. — Капитан...

Потом поднес руки к лицу, а когда опустил их, они были мокрыми от слез.

— Соседи. Здесь. Мы с вами. Я не знал... — Он приложил ухо к сердцу, но не услышал ничего утешительного. — Пал... На палубе лежит мой капитан... уже остыл... он умер. Мы с ним. Соседи, даже... — Зим как-то неуверенно всхлипнул, а потом начал икать; через некоторое время справился с собой и приподнял веко мертвеца.

Корго дернулся головой чуть влево, чтобы спрятаться от ослепительно ярких вспышек.

Зим с облегчением рассмеялся:

— Вы живы, кэп! Вы все еще живы!

То, что носило имя Корго, ничего не сказало ему в ответ. Тогда Зим наклонился и с трудом поднял тело.

— «Не следует сдвигать жертву с места» — так говорится в учебнике. Только вы пойдете со мной, кэп.

Теперь я вспомнил... Все. Я помню; точно... да. Они убьют вас в следующий раз — если вы, конечно, выживете... Они это непременно сделают. Уж я-то их знаю. Поэтому мне придется сдвинуть жертву с места. Я вынужден... Жаль только, что я так набрался... извините, кэп. Вы всегда хорошо обращались с командой, и со мной тоже. Порядок у нас был строгий на «Скитальце», но вы отличный человек... Старина «Скиталец», счастливчик... Да. Убийца, мы уходим! Валим отсюда, и как можно быстрее. Прежде чем прибудут гиены. Да. Я помню... вас. Хороший человек кэп. Да.

Итак, «Скиталец» совершил свой последний прыжок — так сообщалось в отчете Службы Безопасности. Однако Корго все еще находился на границе смерти, в стране, где нет сновидений, и крошечные семена-компьютеры вместе с яйцом в груди оберегали его жизнь.

Когда прошло десять дней, Рысь и Бенедик не уехали от Сандора, который совсем не хотел с ними расставаться. Раньше ему не приходилось работать; ему нравилось ощущение, что рядом с ним коллеги, люди, с которыми его связывают общие воспоминания. Бенедик не мог и помыслить о том, что ему придется рас прощаться с мисс Барбарой, единственным человеком, который с удовольствием с ним разговаривал. Рыси нравились еда и климат, и он решил, что дети и внуки спокойно без него проживут.

Поэтому оба остались в доме Сандора.

Возвращение к жизни — дело медленное и непростое. Реальность исполняет причудливые танцы с покрывалами. И проходит довольно много времени, прежде чем вы понимаете, что под ними прячется (если вообще когда-нибудь понимаете).

Как только Корго смог сформулировать свою первую мысль, он крикнул:

— Мала!

...Мрак.

А потом он увидел лицо из далекого прошлого.

— Сержант Эмил?..

— Да, сэр. К вашим услугам, капитан.

— Где я?

— В моей хижине, сэр. Ваша сгорела.

— Как?

— Ее сожгли лучом из шара.

— А мой... питомец? Дриллен...

— Я нашел только вас, сэр, больше никого — и ничего. Это произошло почти месячный цикл назад...

Корго хотел было сесть, у него ничего не получилось, он предпринял новую попытку, чуть приподнялся, опираясь на локти.

— А что со мной?

— У вас было несколько переломов, ожоги, ранения, внутренние повреждения... Но теперь все будет в порядке.

— Интересно, каким образом они меня снова нашли — так быстро?..

— Не знаю, сэр. Может, хотите немного бульона?

— Чуть позже.

— Он уже готов и ждет вас — горяченький.

— Ладно, Эмил, давай неси. Конечно, неси.

Корго снова лег и принялся раздумывать.

И услышал ее голос. Он дремал весь день, и она была частью сна.

— Корго, где ты? Корго, где ты? Корго...

— Рука! Кольцо!

— Да! Это я! Корго! — Он включил приемник. — Мала! Где ты?

— В пещере у моря. Я каждый день звала тебя. Ты жив или отвечаешь мне из Иной Страны?

— Я жив. В твоем ошейнике нет никакого волшебства. Как тебе удалось выжить?

— Я выхожу ночью. Ворую еду в больших домах, где зеленые окна похожи на двери — для Дилка и себя.

— Твой щенок? Он тоже жив?

— Да. Той ночью он сидел в будке во дворе... Где ты?

— Не знаю точно... Неподалеку от нашего бывшего дома. Я со старым другом...

— Хочу тебя увидеть.

— Подожди до наступления темноты. Я расскажу, куда нужно идти. Нет, я за тобой пришлю, подружка... Где находится твоя пещера?

— На пляже... нужно пройти мимо красного дома, про который ты сказал, что он ужасно уродливый. Три скалы с острыми вершинами. Дальше — узкая тропинка, ее иногда заливает вода, потом завернуть за угол, сделать тридцать один мой шаг, и увидишь нависшую скалу. Там есть трещина, достаточно маленькая сначала, но я могу протиснуться, а потом она расширяется. Вот тут мы и прячемся.

— Мой друг придет за вами после наступления темноты.

— Ты ранен?

— Был. Но теперь мне лучше. Увидимся позже и поговорим.

— Хорошо...

Корго быстро поправлялся. Он играл с Эмилом в шахматы, и они вспоминали времена, проведенные в Гвардии. Впервые за много лет он смеялся, когда Эмил рассказал ему историю про парик командора и что с ним стало во время серьезной потасовки на Сордио-Ш, около тридцати лет назад...

Мала держалась в сторонке, играла только с Дилком. Иногда Корго чувствовал, что она за ним наблюдает. Но каждый раз, когда он поворачивался, оказалось, что она смотрит в противоположную сторону. Неожиданно он сообразил, что она никогда не видела,

чтобы он дружелюбно вел себя с кем-нибудь, кроме нее. Ее это озадачивало.

Он частенько пропускал вместе с Эмилом стаканчик зимлака, иногда они принимались распевать баллады — получалось довольно-таки фальшиво.

А потом до него вдруг дошло...

— Эмил, а на что ты живешь?

— Пенсия, кэп.

— О священное Пламя! Мы же тебя объедаем!

Продукты и лекарства, и все остальное...

— У меня было кое-что отложено — на черный день, кэп.

— Отлично. Но тебе не следовало растрачивать это на нас. В моих ботинках припрятано достаточно денег. Вот. Минутку... Смотри! Возьми!

— Я не могу, кэп...

— Еще как можешь! Бери деньги, это приказ!

— Хорошо, сэр. Только вам не нужно...

— Эмил, за мою голову назначена награда — ты это знаешь?

— Знаю.

— Очень солидная.

— Да.

— Она твоя по праву.

— Я не мог сдать вас, сэр.

— И тем не менее награда твоя. Только тебе причитается в два раза больше. Я пришлю — через несколько недель после того, как уеду отсюда.

— Я не могу принять ваши деньги, сэр.

— Чушь, ты их возьмешь!

— Нет, сэр. Я этого не сделаю.

— Почему?

— Я не могу принять эти деньги.

— Почему? Чем они тебе не подходят?

— Ну, ничего такого... только я не хочу к ним прикасаться. То, что вы даете за еду и все остальное — да. Но не больше. И не нужно меня уговаривать.

— О... ладно, Эмил. Я не собирался тебя заставлять...

— Знаю, кэп.

— Еще сыграем? На этот раз я дам тебе фору слона и три пешки.

— Отлично, сэр.

— Хорошие были времена, верно?

— Да уж точно, кэп. Тау Кита — отпуск три месяца. Помните долину Красной реки — и семью местных жизненных форм?

— Ха! А Лебедь-VII — багряный мир, где живут радужные женщины?

— У меня три недели ушло на то, чтобы отмыться от их краски. Я сначала решил, что это какая-то новая болезнь... Хотелось бы мне снова взойти на борт корабля!

Рука Корго замерла в воздухе.

— Хм-м... Знаешь, Эмил... Не исключено.

— Каким образом?

Корго сделал ход.

— На борт «Скитальца». Он спрятан на Независимой Территории, дожидается меня. Сейчас я там капитан, а заодно и команда, все я сам. Мала делает, что может, но — если честно — мне не помешал бы первый помощник. Вспомним старые добрые времена.

Эмил поставил коня, которого было поднял, посмотрел на Корго, снова опустил глаза.

— Я... я не знаю, что сказать, кэп. Я и представить себе не мог, что вы предложите...

— А почему нет? Мне хороший человек не помешает. Активная жизнь, совсем как прежде. Много денег. Никаких забот. Захотим устроить себе трехмесячный отпуск на тау Кита — пожалуйста, мы же сами себе хозяева!

— Я... и правда не прочь снова попасть в космос, кэп... Но — нет, я не могу...

— Почему, Эмил? Почему нет? Все будет совсем как раньше!

— Не знаю, как это лучше сказать, кэп... Но когда мы... сжигали разные места, раньше... ну, мы сражались

лись с преступниками — пиратами, нарушителями Кодекса... понимаете? А теперь... теперь, я слышал, вы простых людей убиваете. Ну... совсем не нарушителей Кодекса. Самых обычных, гражданских. Ну... я не могу.

Корго ничего ему не ответил, и Эмил поставил коня на доску.

— Я их ненавижу, Эмил, — произнес Корго через некоторое время. — Каждого, всех до одного... Ненавижу. Ты знаешь, что они сотворили на Брилде? С дрилленами?

— Да, сэр. Только это были не гражданские, не рабочие рудников. Не каждый из них. Виноваты в этом не все, сэр... Я не могу. Не сердитесь.

— Я не сержусь, Эмил.

— Конечно, и я не прочь пожечь мерзавцев — и наплевать на то, нарушают они Кодекс или нет. Но только совсем не так, как вы это делаете, сэр. И деньги за такую работу я брать не стану.

— Ха!

Корго передвинул своего единственного слона.

— Поэтому мои деньги тебе не нужны?

— Нет, сэр. Дело вовсе не в этом, сэр. Ну, может быть, немного и в этом... но только немного. Я просто не могу брать деньги за то, что помог человеку, которого я уважал и которым восхищался.

— Ты употребил прошедшее время.

— Да, сэр. Я все равно продолжаю считать, что они ведут себя с вами нечестно, а с дрилленами поступали плохо, несправедливо, жестоко — но нельзя ненавидеть за это всех, сэр, ведь виноваты не все.

— Они не возражали, Эмил, а это такое же преступление. Я ненавижу их только за то, что они промолчали. Да и люди все одинаковые, разве нет? Теперь я сжигаю их без разбора, потому что на самом деле не имеет никакого значения, кого убивать. Вина распределяется равномерно. Все человечество преступно и заслуживает наказания.

— Нет, сэр, прошу прощения, но в громадной системе, вроде Межзвездного Сообщества, далеко не все знают, кто что собирается делать. Некоторые думают так, как вы, а есть такие, кому наплевать. Многие просто не имеют ни малейшего представления о том, что происходит, а если бы знали, наверняка что-нибудь сделали бы по этому поводу.

— Твой ход, Эмил.

— Да, сэр.

— Жаль, что ты не принял моего предложения, Эмил. Из тебя вышел бы хороший офицер.

— Нет, сэр, не вышел бы хороший офицер. У меня неподходящий характер — я слишком добродушный. Мне бы на шею сели все, кому не лень.

— Печально. Так всегда получается. Хорошие люди либо слишком добродушны, либо слабаки. Почему?

— Откуда мне знать, сэр?

Они сделали по несколько ходов.

— Знаешь, если бы я перестал... жечь их, я имею в виду, и занялся на «Скитальце» обычной честной контрабандой, меня бы это вполне устроило. Устроило бы. Сейчас. Я устал. Я так страшно устал, что с удовольствием уснул бы — на четыре, пять, шесть лет... Предположим, я просто возил бы всякую всячину туда-сюда... тогда ты бы присоединился ко мне?

— Мне нужно подумать, кэп.

— Хорошо, подумай. Пожалуйста. Мне очень хотелось бы заполучить тебя в напарники.

— Да, сэр. Ваш ход, сэр.

Этого никогда бы не случилось и его никогда бы не обнаружили, потому что он и в самом деле перестал сжигать все подряд; этого бы не случилось — потому что в отчетах Межзвездной Службы Безопасности он числился мертвым и его никто больше не разыскивал. Однако это все-таки произошло — ах, если бы не избыток ксимили и рвение со стороны охотников!

Они уже собирались разъехаться по домам. Их сотрудничество подошло к концу, и ностальгия сменила хорошее настроение.

У Бенедика раньше никогда не было друзей — надеюсь, вы этого не забыли. А теперь появилось сразу трое, и ему предстояло с ними расстаться.

Рысь поглотил изрядное количество хорошей пищи и напитков, его развлекло приятное общество простых инвалидов, чьи неврозы не испорчены разными изощренными глупостями — он получал настояще удовольствие, находясь рядом с ними.

Сфера человеческих отношений для Сандора расширилась сразу в три раза, и он постепенно начал считать себя почетным представителем огромного сообщества, которое раньше называл человечеством, или Другими.

Поэтому, сидя в библиотеке, они выпивали, закусывали и разговаривали — и вернулись к охоте. Мертвые типы всегда лучше живых.

Ну и конечно, в один прекрасный момент Бенедик снова взял в руки сердце, держа его аккуратно и бережно; так знаток любуется произведением искусства — с благоговением и любовью.

Они сидели в библиотеке, а в толстеньком животике Бенедика возникло необычное ощущение, начало медленно набирать силу, пока глаза у него не загорелись диким огнем.

— Я... я чувствую.

— Безусловно. — Рысь.

— Да. — Сандор.

— На самом деле!

— Естественно. — Рысь. — Он на Дистене, пятой планете системы Блейка, в хижине неподалеку от Ландеара...

— Нет. — Сандор. — Он на мире Филипса, в Деллесе-у-Моря.

Они рассмеялись; Рысь рокотал, а Сандор хихикал и задыхался.

— Нет, — сказал Бенедик. — Он находится на борту «Скитальца». Только что совершил прыжок, и его сознание еще дремлет. Он везет серую амбуру в систему тау Кита, пятая планета — Толмен. После этого планирует провести отпуск в долине Красной реки на третьей планете — Кардифф. Вместе с дрилленом и щенком, а еще появился новый член команды. Ничего не могу про него сказать — знаю лишь, что он гвардеец в отставке.

— О, святой Огонь Великого и Славного Пламени!

— Нам же известно, что корабль так и не нашли...

— ...И тело тоже. А ты не можешь ошибаться, Бенедик? Не уловил ли ты чье-то чужое присутствие? Вдруг это кто-то другой?

— Нет.

— Что будем делать, Рысь? — Сандор.

— Человек, лишенный принципов, был бы склонен проигнорировать наше открытие. Дело закрыто. Нам заплатили и разрешили отправиться по домам.

— Верно.

— Но ведь он может снова нанести удар...

— ...И в этом будем виноваты мы, наша неспособность выполнить порученное дело.

— Да.

— ...И многие погибнут.

— ...А машины будут уничтожены, и страховые компании понесут убытки.

— Да.

— ...Из-за нас.

— Да.

— Жаль...

— Да.

— ...Однако хорошо будет поработать вместе еще разок — напоследок.

— Да. Точно. Очень.

— Толмен, система тау Кита, он только что совершил прыжок? — Рысь.

— Да.

— Я позвоню, его будут ждать в порту.

— ...Я же говорил вам, — сказал обливающийся слезами Бенедик, — что он еще не готов умереть.

Сандор улыбнулся и поднял стакан, который держал рукой, совсем похожей на живую.

У них появилась работа.

Когда «Скиталец» вошел в систему тау Кита, разразился настоящий ад.

Его поджидали три гвардейских корабля с командами, совсем как сам «Скиталец» — в прежние времена.

Служба Безопасности на три дня закрыла всю систему. Перепутать эбеновую поганку, когда она появилась на экранах, было ни с чем невозможно. Никто не потребовал никакого подтверждения.

Однако первый выстрел не попал в цель, и новый первый помощник капитана «Скитальца», как только прозвучал сигнал тревоги, выстрелил из всех орудий во всех направлениях сразу. Корго внес небольшие изменения в систему вооружения корабля, учитывая размеры проводимых им операций: в случае необходимости его «Скиталец» мог мгновенно совершить самоубийство. Он был одиноким волком и не нуждался ни в какой стае. Одна кнопка на центральной панели управления — прикоснись к ней, и «Скиталец» превращается в ощетинившегося лазерами дикобраза.

Корго приготовился сделать новый прыжок, но ему потребовалось сорок три секунды.

За это время его дважды атаковали гвардейские корабли, которым удалось уцелеть под огнем орудий «Скитальца».

А потом он исчез.

Время и Случай, управляющие всем в жизни и иногда выдающие себя за Судьбу, вцепились в «Скитальца», щенка, дриллена, первого помощника Эмила и человека без сердца. Когда Корго готовился сделать новый прыжок, он не задал своему кораблю направления — не хватило времени.

Два попадания из орудий гвардейских кораблей заметно изменили курс «Скитальца», а заодно и сожгли двадцать три установки для фазирования.

«Скиталец» прыгал вслепую, да еще подбитый.

Толчки континуума сотрясали команду, а корпус занимался латкой прорех на своей шкуре.

Целых тридцать девять часов и двадцать три минуты члены команды по очереди несли вахту, готовые в любой момент отреагировать на сигнал тревоги.

«Скиталец» выстоял.

Но куда они попали, никто не знал, и уж меньше всего обливающийся слезами человек с паранормальными способностями, наблюдавший за сражением, и Корго, когда тот дежурил у панели управления; Бенедик не отпускал его от себя, несмотря на страдания, которые испытал при столкновении с континуумом, и страшную головную боль — сказывалось похмелье.

Вдруг Бенедику стало страшно:

— Он намеревается закончить прыжок. Я разорву с ним связь.

— Почему? — Рысь.

— А ты знаешь, где он?

— Нет, естественно, нет!

— Он тоже этого не знает. Предположим, он окажется в самом центре какой-нибудь звезды или в атмосфере — да еще на такой скорости?

— Ну и что будет? Он умрет.

— Именно. Я еще никогда не был в сознании умирающего человека — не думаю, что смогу спрятаться. Прошу прощения. Я не стану этого делать. Боюсь, что могу и сам умереть, если туда попаду. Я так устал... придется поискать его несколько позже.

С этими словами Бенедик заснул, и они не смогли его разбудить.

Итак, сердце Корго отправилось назад в свою банку, а банка была убрана в нижний правый ящик стола Сандора, и никто из охотников не слышал, что

сказал Корго своему первому помощнику после того, как они завершили прыжок:

— Где мы? Компьютер утверждает, что ближе всего находится крошечный, ничем не примечательный мир под названием Домбек. Придется сесть там, чтобы произвести ремонт. Может быть, это совсем неплохо — раз планета находится далеко от шумных трасс. Нам нужны новые установки для фазирования.

Поэтому они посадили «Скитальца» и занялись его корпусом, в то время как охотники мирно спали всего в пятистах сорока двух милях от них.

Команда Корго залатала корпус в трех местах, а Рысь в это время съел солидный кусок ветчины, три бисквита, два яблока и грушу и выпил пол-литра лучшего мозельского.

Корго и его первый помощник исправили электрические цепи, в которых произошло короткое замыкание, Бенедик же улыбался во сне: ему снилась Ослепительная Губительная Барби — такая, какой была в юности.

Корго отправился в город, расположенный в трехстах милях от места посадки, как раз в тот момент, когда над Домбеком начало подниматься бледное солнце.

— Он здесь! — воскликнул Бенедик, распахнув дверь в комнату Рыси и подбегая к его постели. — Он...

В следующее мгновение он потерял сознание, потому что никому не дозволено неожиданно приближаться к Рыси, когда тот спит.

Бенедик пришел в себя через пять минут на кровати, а вокруг собрались все, кто был в доме. На лбу у него лежала холодная мокрая тряпка, горло саднило так, как еще никогда в жизни.

— Дорогой брат, — проговорил Рысь, — не следует резко подходить к спящему человеку.

— Ну-но он здесь, — с трудом проговорил Бенедик. — На Домбеке! Мне даже не нужен Сандор, чтобы это подтвердить!

— Ты уверен, что не стал жертвой излишества в спиртном?

— Уверен, говорю же вам, он здесь! — Бенедик сел, отбросил в сторону тряпку. — Маленький городок Колдстрим... — Он показал рукой на стену. — Я был там всего неделю назад. Я знаю это место!

— Тебе приснилось...

— Да пусть погаснет твое Пламя!.. Ничего мне не приснилось! Я держал его сердце вот в этих руках, и я все видел!

Рысь поморщился, когда Бенедик выругался, но принялся рассматривать возможность того, что тот говорит правду.

— В таком случае пойдем в библиотеку, поглядим, найдешь ли ты его снова.

— Уж можешь не сомневаться, найду!

В этот момент Корго пил кофе и ждал, когда проснется город. И раздумывал над словами своего первого помощника, который подал в отставку.

— Я никогда не хотел никого убивать, кэп. И уж меньше всего гвардейцев. Простите меня, но я не могу иначе. Я с этим покончил. Оставьте меня здесь, дайте денег на проезд домой, на Филлипс — больше мне ничего не нужно. Я знаю, вы не хотели, чтобы все произошло именно так, но, если я не уйду, это может случиться еще раз. Так наверняка и будет. Каким-то образом им удается вас все время выслеживать, а я больше никогда не смогу сделать это снова. Я помогу вам привести в порядок «Скитальца», и все. Прошу меня простить.

Корго вздохнул и заказал еще одну чашечку кофе. Потом посмотрел на часы на стене. Скоро, скоро...

— Эти часы, эта стена, это окно! Кафе, где я завтракал на прошлой неделе, в Колдстриме! — воскликнул Бенедик, вытирая слезы.

— Как ты думаешь, может быть, континуум?.. — спросил Рысь.

— Не знаю. — Сандор.

— Как проверить?

— Позвони в это проклятое кафе и попроси их описать единственного посетителя, который завтра-кает у них в такое раннее время! — потребовал Бенедик.

— Отличная идея, — заявил Рысь.

И подошел к телефону, стоящему на столе Сандора.

Неожиданно Рысь крикнул:

— Твой флайер, брат Сандор! Могу я взять его?

— Ну конечно... Конечно.

— Сейчас я позвоню в местное отделение Службы Безопасности и попрошу лазерную пушку. Им приказано оказывать нам поддержку и не задавать лишних вопросов, этот приказ еще никто не отменил. Я ведь все-таки наемный убийца. Похоже, если мы хотим, чтобы работа была сделана, мы должны заняться ею сами. Снарядить твой флайер пушкой не займет много времени. Бенедик, не прерывай контакта. Корго ведь нужно будет приобрести кое-что из оборудования, доставить и установить на корабле. Следовательно, время у нас есть. Оставайся с ним, будешь докладывать о его передвижениях.

— Шах!

— А ты уверен, что поступаешь правильно? — Сандор.

— Уверен.

Когда прибыла пушка, Корго занимался покупками. Когда ее монтировали, он загрузил катер и отправился назад. Когда пушку испытывали на пне, который тетушка Фэй давным-давно просила убрать, Корго мчался в сторону пустыни.

Корго летел над пустыней, а Бенедик наблюдал его глазами за песчаными дюнами, кустарником и разбегающимися кролиферами.

А еще за панелью управления.

Когда Рысь пустился в путь, Мала и Дилк прогуливались возле «Скитальца». Мала раздумывала над тем, будет ли еще Корго убивать людей. Новый Корго

нравился ей гораздо меньше, чем Корго-мститель. Она пыталась понять, навсегда ли изменился ее друг. Надеялась, что нет...

Рысь поддерживал радиоконтакт с Бенедиком.

Сандор потягивал кисими и улыбался.

Через некоторое время Корго опустил катер на землю.

Рысь спешил к нему с противоположной стороны.

Корго и его первый помощник начали разгружать катер.

Рысь очень торопился.

— Я рядом. Пять минут.

— В таком случае я прерываю контакт. — Бенедик.

— Еще рано.

— Прости, приятель, но ты слышал, что я сказал. Я не собираюсь присутствовать при его смерти.

— Ладно, дальше я и сам справлюсь. — Рысь.

Вот как получилось, что, прибыв на место, он увидел рядом со «Скитальцем» собаку, человека и уродливое, но разумное четвероногое существо.

Первый выстрел попал в корабль. Человек упал.

Четвероногое существо хотело сбежать, и Рысь спалил его.

Собака метнулась в корабль.

Рысь развернул флайер для очередной атаки.

И заметил еще одного человека, который подошел с другой стороны корабля, видимо, что-то там делал.

Человек поднял руку, и возникла вспышка. Корго выпустил лазерный луч, запрятанный в смертоносном кольце.

Луч прорезал корпус флайера, поразил левую руку Рыси возле локтя и вышел наружу через крышу.

Рысь вскрикнул от боли, попытался удержать управление, а Корго бросился внутрь «Скитальца».

И тут Рысь задействовал пушку — снова, и снова, и снова. Он кружил над «Скитальцем», который превратился в охваченные пламенем обломки посреди моря расплавленного песка.

Но Рысь продолжал выпускать заряды, а потом связался с Бенедиком и задал один-единственный вопрос.

— Ничего, — пришел ответ.

Тогда Рысь повернулся назад, включил автопилот и потянулся к аптечке первой помощи.

— ...А потом Корго хотел забраться в «Скитальца», собирался обстрелять меня, но я успел раньше. — Рысь.

— Нет. — Бенедик.

— В каком смысле «нет»? Я там был.

— Я тоже, некоторое время. Я должен был понять, что он чувствует.

— И что?

— Он схватил на руки щенка Дилка и сказал ему: «Прости меня».

— Ну, как бы там ни было, он мертв, и мы выполнили задание. Все кончено. — Сандор.

— Да.

— Да.

— Давайте, прежде чем расстаться навсегда, выпьем за то, что мы отлично справились со своей работой.

— Давайте.

— Давайте.

Что они и сделали.

Несмотря на то что от «Скитальца» и его капитана ничего не осталось, Службе Безопасности удалось идентифицировать искусственное сердце, которое все еще билось, хоть и не очень ритмично, среди горячих обломков.

Корго умер, и все тут.

Ему следовало знать, против кого он осмелился выступить, и вовремя сдаться властям. Разве можно надеяться справиться с тем, кто в состоянии найти отмычку к твоему сознанию, с тем, кто отправил сорок восемь человек и семнадцать злобных, уродливых инопланетян в лучший мир, и с тем, кто знает все до единой улицы в Галактике?

Зря он связался с Сандром Сандром, Бенедиком Бенедиктом и Рысью Рысом. Ему следовало знать.

Потому что их настоящие имена — Тисифона, Алекто и Мегера. Фурии. Они возникают из хаоса и несут отмщение; насылают несчастья и безумие на головы тех, кто забывает о законе, кто совершает преступления против жизни и света, кто берет силу Гламени в свои слишком смертные руки.

ДОЛГИЙ СОН

— Расскажите мне про Пэна Рудо, — попросила Ханна.

— Речь идет о начале пятидесятых, — ответил Кройд. — Возможно, вас интересуют события более позднего времени.

— Все равно я хочу послушать, — сказала она, покачав головой.

Резко хлопнув в ладоши, Кройд раздавил какую-то мошку.

— Ладно. Тогда мне было около двадцати.

Вирус «Универсальная карта» — его же часто называют «Шальная карта» — поразил меня, когда мне еще не исполнилось четырнадцати, так что я уже успел с ним близко познакомиться. Пожалуй, даже слишком. В те дни я страшно из-за всего этого переживал. Много думал и решил, что, поскольку я не в состоянии изменить реальность, следовательно, нужно научиться по-другому к ней относиться... ну, подружиться, что ли. Стал читать бесконечные популярные книги по психологии — про то, как следует себя вести, чтобы не ссориться с самим собой, приспособиться к тому, что происходит, и все такое прочее — только пользы они

мне не принесли. А однажды утром я открыл «Таймс» и обнаружил там статью про этого доктора. Он председательствовал на какой-то местной конференции. Меня это заинтересовало. Нейропсихиатр. Некоторое время учился вместе с Фрейдом. А потом работал в институте Юнга* в Швейцарии, тогда-то и вернулся к физиологии. Живя в Цюрихе, входил в группу ученых, занимавшихся исследованиями *dauerschlaf***. Слышали когда-нибудь об этих изысканиях?

— Кажется, нет, — ответила Ханна.

Кройд сделал глоток пива, быстро растоптал левой ногой проползшего мимо жука.

— Идея *dauerschlaf* заключается в том, что тело и мозг излечивают сами себя гораздо быстрее и эффективнее, когда человек спит, чем когда он бодрствует, — пояснил Кройд. — В качестве эксперимента ученые использовали этот метод при лечении наркомании, психических расстройств, туберкулеза и других болезней. При помощи гипноза и особых видов наркотиков они надолго погружали пациента в сон, создавая искусственное состояние комы — чтобы ускорить выздоровление. Когда мы встретились, Пэн Рудо еще не очень серьезно увлекался этой проблемой, в то время как меня она заинтересовала несколько раньше — из-за моего состояния. Я нашел его имя в телефонном справочнике, позвонил, мне ответила секретарша и назначила время. Так получилось, что кто-то из пациентов Рудо сообщил, что пропустит назначенный на эту неделю сеанс, и она записала меня вместо него.

Кройд глотнул еще пива.

— Я познакомился с Пэном Рудо в марте 1951 года. Это был четверг, шел дождь...

— А число помните? — спросила Ханна.

— Боюсь, что нет.

* Карл Густав Юнг (1875—1961) — швейцарский психолог и философ-идеалист, основатель «аналитической психологии»

** Медицинский термин — долгий сон (нем.).

— Как же вам удалось запомнить год, месяц и день?

— Я считаю дни, после того как просыпаюсь, — ответил Кройд, — чтобы знать, сколько времени продолжается период бодрствования. В этом случае я всегда могу точно рассчитать, как долго еще буду оставаться в здравом уме, и в зависимости от этого корректирую свои планы, чтобы успеть сделать все необходимое. Когда дней остается совсем мало, я перестаю встречаться с друзьями и стараюсь оказаться где-нибудь в одиночестве, чтобы никто не пострадал. Итак, я проснулся в воскресенье, статью прочитал два дня спустя, договорился о встрече с Пэнном Рудо еще через два дня. Получается четверг. Кроме того, я обычно запоминаю месяц, когда что-нибудь происходит, поскольку для меня год — это перепутанные, хаотично следующие друг за другом сезоны. Тогда была весна и шел дождь — март.

Кройд сделал еще глоток пива и раздавил очередную мошку.

— Проклятые жуки! — проворчал он. — Не переношу жуков!

— А год? — спросила Ханна. — Почему вы так уверены, что это был 1951-й?

— Потому что осенью следующего года, 1952-го, в Тихом океане проводились испытания водородной бомбы.

— А-а-а, — протянула она и слегка нахмурилась. — Конечно. Продолжайте.

— Итак, я встретился с ним за год до испытаний водородной бомбы, — повторил Кройд. — Знаете, они тогда уже вовсю занимались этой штукой. А начали еще в 48-м.

— Да, я знаю.

— Математик по имени Стэн Улам решил уравнение для Теллера*. Кстати, о математиках... Вам известно,

* Эдвард Теллер — американский физик, работал в Германии, Дании, Великобритании. Труды по ядерной физике, термоядерным реакциям, астрофизике.(Здесь и далее примеч. пер.)

что Том Лерер был математиком в Манхэттенском проекте? А еще он написал несколько замечательных песен...

— Что случилось, когда вы встретились с доктором Рудо?

— Да... Я уже сказал, что лил дождь, и, когда я вошел в приемную, с моего плаща страшно текло, а на полу лежал очень красивый восточный ковер. С шелком. Секретарша поспешила ко мне на помощь: мол, она повесит мой плащ в шкаф, а не на медную вешалку возле двери, на которой висели ее собственное пальто и пальто доктора.

Я настроился и при помощи своего сознания собрал всю воду, что была в плаще и на ковре. Я не очень знал, что с ней делать, поэтому держал воду как бы в пространстве, словно бы и нигде. Вы понимаете, о чем я? Вы же наверняка слышали о тузах и джокерах, которые умеют телепортировать разные предметы — я и сам несколько раз обладал такой способностью. Предметы исчезают из одного места, а потом появляются в другом. А вам когда-нибудь приходило в голову задать себе вопрос, где находится предмет, когда он в пути? Я много размышляю над подобными проблемами... Так вот, я точно не знал, на какое расстояние могу переносить предметы — хотя и предполагал, что небольшие можно посыпать дальше, чем более крупные. И не знал, сколько воды мною собрано, а потому не был уверен, что мне удастся сбросить ее в парк из окна шестого этажа, где находился офис доктора. Впрочем, тогда я как раз экспериментировал: учился прятать самые разнообразные вещи в пространстве. Я мог заставить нечто исчезнуть из одного места и сделать так, что оно некоторое время не появлялось в другом — хотя, проделывая это, испытывал определенные неприятные ощущения. Посему я удерживал воду и улыбался.

«Не нужно, — сказал я секретарше. — Видите, все уже в порядке».

Она уставилась на мой плащ так, словно он был живым существом, даже провела по нему рукой, чтобы удостовериться, что я сказал правду. А потом повесила его на вешалку.

«Не присядете ли на минутку, мистер Кренсон. Я скажу доктору Рудо, что вы уже здесь».

Секретарша подошла к интеркому, а я собрался спросить ее, где туалет — чтобы избавиться от воды, — когда открылась дверь кабинета и в приемной появился доктор Рудо. Шести футов росту, блондин, голубые глаза. Он тут же нацепил профессиональную улыбку и протянул мне руку.

«Мистер Кренсон! Весьма рад с вами познакомиться. Меня зовут Пэн Рудо. Пожалуйста, заходите в кабинет».

У него был великолепный голос и очень ровные, белые зубы.

«Спасибо», — поблагодарил я.

Он придержал для меня дверь, и я вошел в соседнюю комнату. Здесь было гораздо светлее, чем я предполагал. На стене висело несколько акварелей — пасторальные сценки — с подписью доктора, а также гравюры, автором которых был не он. На полу я увидел еще один великолепный ковер, яркий — много синего и красного. На столе слева от двери стоял огромный аквариум, где плавали разноцветные рыбки; у задней стенки поднималась цепочка пузырьков.

«Садитесь, пожалуйста», — предложил доктор, который говорил с легким акцентом — немецким или каким-то еще, — и показал на большое кожаное кресло возле стола, очень удобное на вид. Я уселся, а он устроился за столом. Потом снова улыбнулся, взял карандаш и начал катать его в руках.

«У каждого, кто сюда приходит, — начал Рудо и посмотрел мне в глаза, — есть проблемы».

«Боюсь, я не исключение, — кивнув, сказал я. — Только вот не знаю, как начать».

«Существуют определенные категории, в которые укладываются проблемы большинства людей, — снова

заговорил доктор. — Семейные отношения, люди, с которыми вы работаете...»

«Нет, тут все в порядке».

Мне мешала вода, которую я удерживал, и я при-
нялся оглядываться по сторонам, надеясь найти под-
ходящее место, куда ее можно было бы вылить. Ме-
тальническая корзина для мусора прекрасно бы для этого
подошла, только такой нигде не было видно.

«Деньги? Секс?» — предположил Рудо.

«Нет, денег у меня достаточно, и с половой жизнью
проблем нет», — ответил я, раздумывая, не выбросить
ли мне воду за окно. Только оно находилось еще
далше, чем то, что в приемной. Я поерзал на стуле.

«Мистер Кренсон, вас что-то беспокоит — я имею
в виду какие-нибудь неприятные ощущения — в дан-
ный момент?» — спросил доктор Рудо.

«Угу, — признался я. — Вода мешает».

«У нас есть туалет, — сказал он и начал подни-
маться со стула. — Я вам покажу...»

«Нет, не в том смысле. Ну, эта вода в некотором
роде находится у меня... в голове, так, наверное, можно
сказать».

Доктор Рудо замер на месте.

«Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в
виду, — заявил он. — Вода — у вас в голове?»

«Да и нет одновременно, — улыбнувшись, попы-
тался объяснить я ему. — Я выразился... ну, фигу-
рально. Понимаете, вода с моего плаща... я удерживаю
ее при помощи своего сознания, а это несколько
угнетает... нет, давит. Мне нужно ее куда-нибудь по-
местить. Может быть, действительно стоит сходить в
туалет и оставить ее там. Будьте любезны, покажите
мне...»

«Мистер Кренсон, вам известно, что такое защит-
ный механизм?» — поинтересовался он.

«Конечно, я читал кое-какие книги. Это то, что
человек делает, говорит или думает, чтобы не делать,
не говорить или не думать о том, что его на самом
деле беспокоит, потому что он по какой-то причине

этого боится. Нет, речь идет о настоящей воде, я несу ее в себе и могу отправить в любое место в пределах десяти футов от места, где в данный момент нахожусь, — так мне кажется».

«В таком случае почему бы вам не вылить ее в аквариум? — спросил он и улыбнулся. — А потом продолжим наш разговор».

«Отличная мысль, — сказал я. — Только там и так много воды».

Так вот, я перенес воду в аквариум. И все, естественно, перелилось. Глаза доктора Рудо раскрылись от изумления, когда он наблюдал за тем, как вода стекает на пол. Потом он как-то странно на меня посмотрел и включил интерком.

«Миссис Вейлер, вы не зайдете ко мне на минутку? — попросил он. — И принесите с собой ведро и тряпку. У нас тут вышла небольшая неприятность. Благодарю вас».

Потом он опустился в свое кресло и несколько минут молча меня разглядывал.

«Как вам удалось это сделать?» — поинтересовалася он.

«История довольно длинная и запутанная, — ответил я. — Впрочем, я рассчитываю, что вы поможете мне с этим разобраться».

«У нас полно времени», — успокоил меня Рудо.

«Все началось в сентябре 46-го, — начал я, — когда погиб Джетбой...»

Несколько минут спустя вошла миссис Вейлер и собралась вытереть лужу. Я опередил ее и перенес воду с пола в ведро. Секретарша доктора Рудо сделала шаг назад и удивленно на меня посмотрела.

«Унесите ведро, — приказал ей доктор, — а потом отмените все назначенные на сегодня встречи».

«Давайте, мистер Кренсон, рассказывайте, пожалуйста», — попросил он меня, когда миссис Вейлер ушла.

Ну, я и поведал ему про то, что со мной происходит, и про то, чем мой случай отличается от всех

остальных — как я больше всего на свете боюсь спать и что делаю, чтобы оттянуть момент погружения в сон. Он задал мне множество вопросов; именно тогда я и услышал в первый раз термин *dauerschlaf*.

Казалось, доктора Рудо поразил мой случай, ведь его можно было соотнести с экспериментальной терапией, практикуемой в Европе и интересовавшей его в тот момент. Кроме того, выяснилось, что он о моей болезни слышал; и по тому, как он цитировал выдержки из медицинских журналов, можно было сделать вывод, что Рудо прочитал все, что печаталось про вирус «Шальная карта».

Мы проговорили весь день. Я рассказал ему о своей семье и старице Бентли и о том, как я применяю свои разносторонние таланты. О превращениях, друзьях, ситуациях, в которые я иногда попадаю... Неожиданно я понял, что этот человек мне нравится. До сих пор я еще ни с кем так свободно не разговаривал. Казалось, его околдовал мой рассказ о тузах и джокерах и о разнообразных проявлениях шального вируса, с которыми я встречался.

Я говорил, а он только качал головой, когда я описывал ему самые неприятные случаи воздействия вируса на людей. Он даже устроил длинную философскую дискуссию на тему о том, что этот вирус может сделать с человечеством. Я объяснил ему, что обычные люди не часто заводят романы с джокерами, словно его беспокоили проблемы генетики, но он все качал головой и повторял, что дело вовсе не в этом, что сам факт существования таких отклонений от нормы является чем-то вроде раковой опухоли на теле человечества, что эту проблему нужно рассматривать не с точки зрения биологии: исследователей должен интересовать социологический аспект данного явления. Я согласился, посчитав его доводы разумными, однако заметил: по моему мнению, это вопрос из серии «А дальше-то что?» Ситуация уже возникла, и теперь с ней нужно как-то справляться.

Больше всего Рудо заинтересовал мой рассказ о том, как я надолго погружаюсь в сон — мой собственный *dauerschlaf* — и как в процессе какая-то сила будто разбирает меня на составные части, а потом создает нечто новое, не похожее на предыдущий вариант. Он задавал мне множество вопросов: что я чувствую, когда засыпаю и когда пробуждаюсь, помню ли, что происходит, пока сплю, снятся ли мне сны... А потом поведал мне про *dauerschlaf* как метод лечения и о том, что, работая в Европе, имел дело с пациентами, не пострадавшими от вируса «Шальная карта», и что погружал их в долгий сон при помощи специальных медикаментозных средств или гипноза с целью привести в действие способность человеческого организма и мозга восстанавливаться во время сна. Было очевидно, что ему удалось добиться в этой области определенных результатов и потому мой случай так его заинтриговал. Аналогия была столь очевидной, что одно это — как он сказал — заставляет его заняться моей проблемой, даже если в результате ему удастся всего лишь привести в порядок мои ощущения.

Кройд допил пиво, взял другую бутылку, открыл ее.

— Мистер Кренсон, — проговорила Ханна Дейвис, и он посмотрел ей в глаза, — мне кажется, ваш хвост ведет себя несколько нахально.

— Прошу прощения. Иногда он становится чересчур своевольным.

Из-под стола появился полосатый — словно тигровый — отросток и принял энергично стучать по земле у него за спиной. Кройд сделал глоток.

— Итак, этот человек объявил, что сможет вас вылечить? — спросила Ханна.

— Нет, — ответил Кройд. — Доктор Рудо никогда это не обещал. Позже он предложил мне кое-что другое — довольно хитроумный на первый взгляд способ стабилизировать мое состояние, чтобы я больше не боялся засыпать.

— Естественно, он вас обманул, — сказала Ханна. — Взял у вас деньги, возродил в душе надежду, а потом оказался несостоятелен. Верно?

— Неверно, — ответил Кройд. — Он знал, о чем говорит, и оказался состоятелен. Дело в другом.

— Минутку, — остановила его Ханна. — Если бы кому-нибудь удалось найти способ смягчить воздействие шального вируса, об этом кричали бы все газеты мира. Если доктор Рудо добился положительных результатов, почему никто ничего не знает?

Кройд поднял руку и хвост:

— Подождите! Если бы все было просто, я бы уже закончил свой рассказ... Прошу прощения.

Он исчез. Боковым зрением Ханна заметила, что мимо бара скользнула какая-то тень. Потом открылась дверь, тут же захлопнулась. Она повернула голову, но никого не увидела. В следующее мгновение снова что-то мелькнуло совсем рядом, и вот уже Кройд сидит на своем стуле и потягивает пиво.

— Ускоренный метаболизм*, — объяснил он и продолжал так, словно и не прерывал повествования: — Пэна Рудо просто потрясла моя история. Я провел у него весь день, а он исписал заметками несколько страниц. Время от времени задавал вопросы. Вечером в дверь постучала миссис Вейлер, сказала, что ее рабочий день закончился, и спросила, хочет ли доктор, чтобы она закрыла дверь в офис, когда будет уходить. Он ответил, что не хочет: мол, сделает это сам через несколько минут. А потом предложил мне вместе пообедать, и я принял его приглашение.

Мы отправились в ресторан, съели несколько бифштексов — его тоже поразил мой метаболизм, — и проговорили все время. После этого мы пошли к нему домой — очень милая у него оказалась квартира. Я засиделся допоздна. К тому моменту он уже все про меня

* Метаболизм — обмен веществ, превращение определенных веществ внутри клеток с момента их поступления до образования конечных продуктов.

знал, мы обсудили множество самых разных проблем, о которых я обычно ни с кем не разговариваю.

— Это в каком смысле? — поинтересовалась Ханна.

— Ну, — сказал Кройд, — в первый день, да и потом доктор Рудо рассказал мне о некоторых теориях, популярных в психологии. Он даже был знаком с людьми, которые их разрабатывали — некоторое время учился с Фрейдом, а позднее в институте Юнга в Швейцарии занимался исследованием проблемы *dauerschlaf*. От него я узнал об идеях Фрейда касательно детской сексуальности, стадиях развития, очищения, про *ид*^{*}, это и суперэго. Про теорию Адлера^{**} о стремлении к самоутверждению и родовую травму Рэнка^{***}. Про то, что Юнг изучал типы личности и создал теорию индивидуации^{****}. По мнению Рудо, в этом много разумного и полезного — для одних людей больше, для других меньше. Его самого интересовал лишь результат, эмоциональный итог, позволяющий пациенту справляться с проблемами, встающими у него на пути. Он считал, что жизнь — это компромисс между тем, чего тебе хочется, и тем, что ты получаешь, и в этой сделке всегда участвует страх; причем совсем не важно, какой из классических источников его рождает, просто он есть, и все. А мы лжем — все до единого, — чтобы справиться с этим страхом. Лжем о мире и о самих себе. Эту идею он почерпнул у драматурга Ибсена^{*****}, называвшего большое фальшивое сооружение, которое человек возводит в свою честь и в честь окружающего его мира, «жизненной ложью».

* *Ид* — подсознание (в психоанализе).

** Альфред Адлер (1870—1937), австрийский врач психиатр и психолог. Ученик Фрейда, основатель индивидуальной психологии. Главным источником мотивации считал стремление к самоутверждению.

*** Отто Рэнк (1884—1939), австрийский психоаналитик.

**** Цель психотерапии по Юнгу — осуществление индивидуации личности.

***** Генрик Ибсен (1828—1906) — норвежский драматург, творчество которого оказало большое влияние на мировую драматургию и театр.

Рудо считал, что это присуще каждому человеку и лишь степень фальши отличает психоз от невроза. Его подход к проблемам неорганического свойства заключался в том, что он стремился найти в жизни пациента ложь, а потом обрабатывал ее таким образом, чтобы человек, обратившийся за помощью, смог в дальнейшем справляться со своими проблемами самостоятельно. Не избавиться от этой лжи — вовсе нет. Доктор утверждал, что в некотором смысле она даже необходима. Стоит попытаться ее разрушить или воздействовать слишком сильно, и можно навредить личности, довести пациента до сумасшествия. Он рассматривал терапию как средство, позволяющее экономить ложь, чтобы люди, нуждающиеся в помощи, могли легче приспособиться к жизни.

Кройд помолчал немного, сделал глоток пива.

— Получается, что он считает врача чем-то вроде Господа Бога, — заявила Ханна. — Ты поможешь ему подобрать ключик к своей личности, он войдет, оглядится по сторонам и будет решать, что следует выбросить, что оставить, а что переделать.

— Угу, звучит именно так, — согласился Кройд, — если посмотреть, как вы предлагаете.

— Предположим, такой подход к лечению пациентов и приносит плоды... Похоже, что иногда даже небольшое изменение, внесенное с самыми лучшими намерениями, может причинить вред — имейте в виду, мы не рассматриваем вариант сознательного нанесения вреда. Он именно так с вами и поступил? Вмешался в ваше представление о самом себе и окружающей действительности?

— Не совсем, — ответил Кройд. — Не намеренно и не впрямую. Он объяснил мне, что очень хочет изучить мою жизненную ложь, поскольку ему необходимо узнать мои страхи. Ведь они имеют непосредственное отношение к курсу лечения, которое он намерен предпринять для стабилизации моего состояния.

— А вы и вправду набрались всяких разных словечек, верно?

— За время, что он мной занимался, я прочитал массу специальной литературы. Думаю, все так поступают.

Кройд выпил еще немного пива.

— Ну а теперь вы тяните время? — спросила Ханна. — Потому что не хотите раскрывать мне тайну ваших страхов? Если они не имеют существенного значения для этой истории, можете умолчать.

— Боюсь, вы правы, — признался Кройд. — Но, пожалуй, я не стану ничего скрывать — нужно, чтобы рассказ получился полным. Я не знаю, что вам про меня известно...

— Марк Медоуз кое-что мне о вас поведал. Но мало. Вы надолго засыпаете. Надолго пропадаете...

Он покачал головой:

— Я не это имел в виду. Видите ли, я не сразу решился обратиться за помощью к психоаналитику. Скажу честно: я гораздо больше читал литературы по психологии и всему, что с ней связано, чем может показаться, причем не просто книжки типа «помоги себе сам», а очень серьезные научные труды. Я стараюсь не демонстрировать свои познания. Мне прекрасно известно, что значит быть психом — по-настоящему не в своем уме. Я глушу себя регулярно при помощи амфитаминов, потому что боюсь засыпать. И, как правило, в конце концов дело заходит слишком далеко; прекрасно помню несколько абсолютно идиотских и несколько ужасных поступков, которые совершил, когда мое сознание и ощущения были вывернуты наизнанку. Я отлично знаю, что такое психоз, и боюсь его почти так же сильно, как сна.

Кройд рассмеялся.

— Почти, — повторил он, — потому что на самом деле они связаны между собой. Мне это показал Рудо; думаю, только за одно это я должен быть ему признателен.

— Я не понимаю, — проговорила Ханна, когда Кройд поднялся и стал наблюдать за начавшимся неожиданно дождем.

— Моя мать сошла с ума, — сказал он, — после истории с вирусом. Может быть, я сыграл немаловажную роль в ее безумии. Вполне возможно, что это все равно произошло бы. А может, у нее был шизоидный ген. Я любил ее и видел, как она изменилась. Последние годы моя мать провела в разных сумасшедших домах, в одном из них и умерла. Тогда я много об этом думал — боялся, что и меня ждет такой же конец. Я опасался тех перемен, которые видел в матери. А потом, каждый раз, принимая таблетки, чтобы продлить время бодрствования, я и в самом деле становился безумным. Я знаю, что она чувствовала, через какие испытания прошла...

— В таком случае, возможно, лучше не сражаться со сном? — спросила Ханна. — Ведь он все равно побеждает.

Кройд посмотрел на нее с улыбкой.

— Рудо задал мне точно такой же вопрос, — сказал он и медленно вернулся к столу. — Тогда я не знал, как на него ответить. Но доктор Рудо помог мне разобраться. Это часть моей жизненной лжи. — Кройд уселся и сложил руки на груди. — Как я понимаю, сон для меня означает серьезные и неизвестные перемены. В каком-то смысле он все равно что смерть, и тут на поверхность всплывают стандартные страхи. Рудо заставил меня заглянуть в самые глубины — и я увидел там еще и боязнь безумия. Я знаю, что изменения неизбежны, и на каком-то примитивном уровне боюсь проснуться сумасшедшим, совсем как моя мать; я боюсь остаться таким навсегда. Я же видел, какой она стала.

И тут Кройд рассмеялся.

— Забавно, — сказал он, — как мы заставляем сочиненные для самих себя истории оживать. В каком-то смысле я регулярно свожу себя с ума, чтобы не сойти с ума. Это один из примеров моей иррациональности. Неразумность поведения характерна для каждого человека.

— Мне казалось, что, как только врач обнаруживает, каким образом эта иррациональность проявляется, он первым делом должен сделать все, чтобы избавить от нее пациента.

Кройд кивнул:

— По словам Рудо, так поступило бы большинство психиатров или психоаналитиков. Но где уверенность, что таким способом меня можно спасти от безумия?

Ханна покачала головой:

— Что-то я ничего не понимаю...

— Вполне объяснимо. Эта теория не имеет никакого отношения к тем, у кого с мозгами не все в порядке. Речь идет только о проявлениях вируса. Я уже говорил, что Рудо прочитал всю имеющуюся на эту тему литературу. Его поразили некоторые предположения, основанные на нескольких весьма занимательных историях, когда человек, пострадавший от шальных вирусов, мог сначала нафантазировать что-то, а потом претворить свои фантазии в жизнь — впрочем, подтвердить эти истории экспериментально не было никакой возможности. Некоторые ученые утверждали, что в проявлениях вируса присутствует определенный психосоматический компонент. Например, один мальчишка — мы называли его динозаврик — просто обожал книги про динозавров. Так вот: он научился превращаться в самых разных динозавров, только маленького размера. А еще я знаю одного нищего, его зовут Ударник Мэк; он может подойти к любому торговому автомату, стукнуть по нему разок — и получает все из его ассортимента. Вот какая история. Проще и не бывает. Парень может не беспокоиться о пропитании и позволить себе тратить все сто процентов своего дохода от попрошайничества на спиртное. Как-то раз он признался мне, что много лет мечтал о чем-нибудь вроде этого. Живет на печенье и плитках лежалого шоколада. Счастливый человек.

В любом случае, — продолжал Кройд, — Рудо посчитал эти устные свидетельства достаточно убедительными и решил, что сможет проверить их экспери-

ментально. С моим участием. Он предложил при помоши наркотиков и гипноза погрузить меня в *dauerschlaf*, чтобы дать мне возможность разобраться со страхами, стоящими за моей жизненной ложью, и вызвать во мне изменения, о которых мы заранее договоримся. Если эксперимент даст положительные результаты, мы будем знать, что психосоматический компонент действует и в моем случае. Пользы от этого не будет никому — ни джокерам, ни тузам — только мне, да и прибегнуть к данному методу можно лишь потому, что мое состояние носит периодический характер.

Мы с Рудо решили доказать правильность его идеи. Если нам будет сопутствовать успех, так он мне объяснил, я смогу выбрать тело, в котором захочу прожить остаток дней, а к нему в придачу еще и парапсихические способности — доктор Рудо без проблем сделает так, чтобы я все это получил. Потом повторит процедуру, чтобы закрепить результат, а заодно и внушит мне, что каждый раз, просыпаясь после долгого сна, я буду находиться в одном и том же теле и обладать постоянными способностями. В конце концов я превращусь в самого обычного туза.

Крайд допил свое пиво, сходил за новой порцией, растягнул вереницу муравьев, спешивших куда-то по своим делам.

— Именно тут он вас и обманул? — спросила Ханна.

— Нет, мы попробовали сделать то, что он предлагал, и у нас все получилось, — ответил Крайд. — Он оказался прав. Как и все те, кто выдвигал такую же гипотезу. Я сказал ему, что хочу, проснувшись, выглядеть как Хамфри Богарт в «Касабланке» — мне страшно нравился этот фильм, — и, когда я пришел в себя, оказалось, что я превратился в близнеца Богти.

— На самом деле? А как насчет способностей? Рудо сделал все, как обещал?

— Да, — улыбнувшись, сказал Крайд. — Сущий пустяк, но по какой-то необъяснимой причине этот дар надежно ко мне прицепился. Может быть, потому, что он такой несущественный, что не занимает много

места — там, где их хранят. Он оставался со мной и после нескольких других трансформаций. Знаете, я не вспоминал о нем вот уже несколько лет. Подождите-ка минутку.

Кройд поднял банку с пивом, сделал небольшой глоток, уставился куда-то в пространство.

— Сыграй нам, Сэм, — произнес он каким-то чужим, изменившимся голосом. А потом повторил: — Сыграй!

Магнитофон щелкнул, остановился. Затем кнопка «воспроизведение» оказалась нажатой, и из небольшого динамика полились звуки — играл рояль, «Время уходит».

Ханна несколько секунд удивленно смотрела на магнитофон, потом протянула руку и выключила его. И тут же снова поставила на «запись».

— Как... а что вы делаете, если поблизости нет магнитофона?

— Годится любой прибор, который можно заставитьibriровать в нужном диапазоне. Не знаю, какие механизмы тут задействованы. Может быть, все даже проще, чем в истории с Ударником Мэком.

— Итак, в один прекрасный день вы проснулись и были как две капли воды похожи на Богарта, да еще в любой момент могли включить себе музыку — стоило только пожелать.

— Да.

— И что произошло дальше?

— Рудо дал мне парочку недель насладиться моим новым внешним видом. Он хотел меня понаблюдать и убедиться в том, что не возникло никаких нежелательных побочных действий. Меня останавливали на улицах, подходили в ресторанах — просили автограф. Рудо делал бесконечные записи наблюдений. Он послал меня к каким-то своим друзьям, чтобы те провели тщательное обследование. Я по-прежнему обладал не-нормально высоким метаболизмом, да и бессонница осталась при мне.

— Интересно, сохранились ли где-нибудь эти записи? — проговорила Ханна.

— Не знаю, — пожав плечами, ответил Кройд. — Не имеет значения. Я все равно не соглашусь, чтобы кто-нибудь проделывал со мной то же самое еще раз.

— А что случилось?

— Мы регулярно встречались в течение следующих нескольких недель. Меня переполняли идеи на предмет того, как я хочу выглядеть и какими способностями обладать. Сначала это было ужасно весело, но прошло немного времени, и мне эти развлечения наскутили — надоело быть похожим на знаменитых людей. Теперь я хотел быть среднего роста, обычного телосложения, с волосами песочного цвета, привлекательным, но не красавчиком. И остановился на гипнозе, на способности внушения — у меня такая однажды была. Меньше проблем возникает, если имеешь возможность выбраться из любой запутанной ситуации путем убеждения. И вообще могло пригодиться, если бы я решил стать коммивояжером.

Рудо тем временем сообщил мне, что он занимается изучением медицинской литературы в надежде найти что-нибудь полезное в моем случае — чтобы я перестал меняться во сне и остался навсегда в одном и том же облике с постоянными способностями. Однажды, когда мы вместе завтракали, он сказал: «Кройд, несмотря на все наши старания, ты все равно остаешься подделкой, карикатурой на человека. Я хотел бы, чтобы в моей власти было уничтожить все, что сделал с тобой этот чертов вирус — и с другими тоже. Я мечтаю о том дне, когда человеческая раса снова станет чистой и безупречной, такой, какой она была раньше».

«Я ценю все, что вы делаете, док, — сказал я. — У меня такое ощущение, что вы тратите все свое время на то, чтобы разобраться с моим случаем».

«Мне кажется, ты самый важный и интересный пациент из всех, что у меня были», — ответил он.

«Есть новости с технической точки зрения?»

«Да, по-моему, появился способ закрепить какой-нибудь образ путем воздействия на твою нервную систему определенным уровнем радиации».

«Радиация? А я думал, мы выбрали путь чистой психологии, вы говорили о *dauerschlaf*».

«Это совсем новые разработки в нашей области, — пояснил он мне. — Я еще и сам не совсем разобрался».

«Вы — доктор, — сказал я. — Держите меня в курсе дела».

Он заплатил за наш завтрак. Как и обычно. Он даже не брал с меня денег за лечение. Говорил, что считает, будто оказывает услугу человечеству. Знаете, он мне нравился.

— Мистер Кренсон, — перебила его Ханна, — ваш хвост.

— Называйте меня Кройд.

— Кройд, я совершенно серьезно. И мне наплевать на то, что это небывалое ощущение. Мы тут с вами делом занимаемся.

— Извините, — проговорил он и помахал хвостом. — А какие у вас планы на сегодняшний вечер? Тут довольно скучно и...

— Я хочу дослушать вашу историю до конца, Кройд. Бесконечные рассуждения о философии наводят меня на мысль, что вы оттягиваете момент, когда вам придется рассказать мне все.

— Может быть, вы и правы, — сказал он. — Не думал об этом, но, возможно, вы правы. Ладно. К делу.

Итак, время шло, я себя прекрасно чувствовал. И знал, что не стану искусственно растягивать период бодрствования, потому что теперь я не боялся заснуть. Я увидел свою жизненную ложь — где сон, безумие и смерть переплелись в немыслимый узел — и был уверен, что могу с ней справиться, что проблема перестанет существовать, как только мое состояние стабилизируется. Это сделает Рудо, когда разберется с тем, каким образом следует применять к пациенту, находящемуся в *dauerschlaf*, новый метод лечения — с использованием радиации.

Однажды он пригласил меня на ленч, а потом мы отправились погулять в Центральный парк. Мы шли по дорожке, Рудо оглядывался по сторонам, словно

изучал пейзаж — искал место, где бы можно было устроиться и заняться рисованием. И вдруг сказал:

«Кройд, сколько тебе еще осталось?»

«В каком смысле?» — спросил я.

«До того момента, когда ты снова заснешь?» — пояснил он свой вопрос.

«Трудно сказать наверняка, у меня должно возникнуть определенное ощущение, — ответил я. — Однако, судя по прошлому опыту, думаю, у меня есть по меньшей мере неделя».

«А не попробовать ли нам погрузить тебя в сон раньше, — задумчиво проговорил он, — чтобы запустить...»

«Что запустить?» — спросил я.

«Сначала позволь мне задать тебе один вопрос, — продолжал он. — Ты говорил, что знал старика взломщика по имени Бентли и что сам одно время занимался подобными делами».

«Говорил».

«Насколько хорошо у тебя это получается?»

«Неплохо», — ответил я.

«И ты знаешь, что нужно делать, если в этом возникает необходимость?»

«Если я вас правильно понял — да, я иногда этим промышляю».

«А что, если речь идет о месте, которое особенно тщательно охраняется?»

«Не могу ничего сказать, пока не узнаю подробностей, — пожав плечами, ответил я. — Иногда я просыпаюсь, обладая даром, который оказывается очень полезным в подобных случаях».

«Так-так, отличная мысль...»

«А в чем дело, док? Вы к чему ведете?»

«Я понял, что тебе нужно, Кройд, для радиационной части лечения. К сожалению, необходимые вещества недоступны гражданским лицам».

«А у кого они находятся?»

«Лаборатория в Лос-Аламосе».

«Если эти вещества можно использовать в медицинских целях, почему же военные не делятся... в гуманитарных целях?»

«Потому, что они бесполезны для всех, кроме тебя. Мне пришлось изменить все данные в уравнениях, чтобы принять в расчет твой метаболизм».

«Понятно, — сказал я, — и вас интересует, смогу ли я свистнуть немного нужного нам вещества? Смогу ли я помочь самому себе — в некотором смысле?»

«Ну, в некотором смысле — да».

«Почему бы и нет. А когда можно будет взглянуть, как у них там все устроено?»

«Вот тут возникает серьезная проблема, — проговорил он. — Я не знаю, как это сделать».

«Не понял?»

«Лос-Аламос — закрытая зона. Масса пропускных пунктов. Если ты не работаешь в городе и не имеешь права там находиться, тебя и близко не подпустят. Правительственная установка. Секретные ядерные разработки».

«Вы хотите сказать, что речь идет не об обычной лаборатории, а о целом засекреченном городе?»

«Именно».

«Звучит немного сложнее, чем забраться в квартиру, взломать сейф или ограбить магазин, док. А вы уверены, что нельзя получить то, что нам нужно, где-нибудь в другом месте?»

«Никаких сомнений».

«Вот дерньмо! — сказал я. — Не знаю...»

«Существует две возможности, Кройд, — заявил Рудо. — Ты только что напомнил мне про одну из них. Вполне возможно, что по отдельности они не помогут нам справиться с задуманным, но вот вместе... вместе у нас появляется шанс».

«По-моему, вам следует объяснить, что вы имеете в виду».

«У меня есть... коллега, — сказал Рудо, — который, по всей видимости, будет в состоянии нам посодействовать. Я совершенно уверен, что у него в той лабора-

тории имеются знакомые. Но ему придется соблюдать крайнюю осторожность».

«Это как?»

«Он сможет доставить тебя в город таким образом, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. И сумеет показать лабораторию — снаружи. Или добудет ее план — как там все устроено внутри».

«Это хорошо — для начала», — сказал я.

«Я поговорю с ним, как только разыщу его, и выясню, какие у них правила. А пока ты кое-что обдумай: если мы подвергнем тебя трансформации прежде, чем туда отправиться, какими способностями ты должен обладать, чтобы наилучшим образом произвести разведку? Имей в виду, что после нашего посещения мы должны будем снова погрузить тебя в сон и подготовить для самой работы».

«Хорошо, — сказал я. — Вы мне позвоните?»

«Да».

У меня были кое-какие дела, не имеющие никакого отношения к Рудо, и несколько дней я занимался только ими. Однажды вечером он мне позвонил и спросил, не могу ли я к нему приехать. Я сказал, что, естественно, могу, и поймал такси.

«Крайд, — начал он, — я разузнал про этот атомный город в Нью-Мексико. Чтобы туда попасть, нужно иметь пропуск с фотографией. Такие специальные пропуска для посетителей выдаются в Санта-Фе — если у тебя есть приятель в Лос-Аламосе, который известит официальные власти о том, что ты собираешься его навестить. Он должен встретить своего гостя у ворот в Лос-Аламос».

«У нас есть такой человек?» — поинтересовался я.

«Да, у нас есть человек, который работает в тамошней службе безопасности, он сделает все, что нужно, — сказал Рудо. — Точнее, у моего приятеля имеется приятель, который все устроит. Раньше объект охраняли военные, но теперь Комиссия по атомной энергетике обеспечивает Лос-Аламос представителями своей службы безопасности — и нам страшно повезло:

там имеется человек, который с удовольствием окажет мне услугу. Таким образом мы попадем в город и остановимся в "Фулер Лодж", где живут все гости».

«Звучит обнадеживающе, — заметил я. — А ваш приятель покажет нам место, которое нас интересует?»

«У меня сложилось впечатление, что он может его тебе показать, но завести тебя внутрь — нет, слишком для него рискованно».

«Тут как раз и пригодятся мои особые способности», — догадался я.

«Вот о чём я подумал, — сказал Рудо, — попасть в город будет совсем не трудно, но выбраться из него... видимо, гораздо сложнее».

«Вы говорили, что можете дважды погрузить меня в *dauerschlaf*, пока мы не сделаем то, что задумали?» — спросил я его.

«Почему бы и нет? У тебя появилась какая-то идея?»

«Я просыпаюсь и выгляжу как самый непримечательный человек, — объяснил я. — Но обладаю способностью посмотреть поближе на нужную нам лабораторию. Мы посещаем город, и я иду в разведку. Потом решаю, что необходимо для успешного выполнения работы, вы снова погружаете меня в сон и обеспечиваете всем, о чём я вас попрошу. Я проворачиваю это дельце, мы забираем нашу добычу в какое-нибудь симпатичное и совершенно безопасное место, вы проводите лечение — радиация и все такое, — и я могу прожить остаток своих дней как относительно нормальный человек. А если вам когда-нибудь что-нибудь понадобится, я всегда буду готов прийти к вам на помощь».

Он улыбнулся и сказал, подходя к бару и доставая коньяк и похожие на шары бокалы:

«Стабилизация твоего состояния для меня достаточная награда. Думаю, мы оба узнаем много нового».

«Я пью за это», — сказал я и понюхал напиток.

«За смятение в рядах наших врагов», — произнес Рудо.

Итак, мы придумали мне внешность, и я объяснил ему, какой парapsихологической способностью хочу обладать. Рудо занялся приготовлениями к *dauerschlaf*, в который собирался меня погрузить. Мы решили добраться до Лейми, штат Нью-Мексико, на поезде; через бюро путешествий Рудо организовал все так, что нас должны были встретить на станции и прислать для вещей пикап. Это потому, что я был частью багажа. Мы посчитали, что наша задача будет несколько облегчена, если я просплю всю дорогу в обитом мягкой тканью ящике. Кроме того, нам был заказан номер в гостинице «Ла Фонда» в Санта-Фе.

Так что никаких впечатлений от нашего путешествия на поезде у меня не осталось. Я заснул в квартире Рудо и проснулся в упаковочном ящике в номере отеля в Санта-Фе. Быть багажом не очень-то приятно. У меня затекло все тело, сквозь щели пробивался скучный свет. Крышка была по-прежнему надежно приколота гвоздями — как мы и договаривались, — чтобы никакой излишне любопытной горничной не пришло в голову заглянуть внутрь и решить, что симпатяга доктор возит за собой труп в качестве одного из мест багажа. Я некоторое время прислушивался — об этом мы тоже договорились заранее, — но не услышал никаких голосов. Тогда я постучал по ближайшей стенке, надеясь привлечь внимание Рудо, если он в комнате. Ответа не последовало. Поскольку я не чувствовал никакого движения, значит, мы уже не в дороге. Да и свет говорил о том, что я больше не в грузовом вагоне. Поэтому я пришел к выводу, что нахожусь либо на железнодорожной платформе, либо в вестибюле отеля, откуда меня должны доставить в номер, или в самом номере, а Рудо вышел куда-то по делам. Для платформы или вестибюля было слишком тихо. Поэтому...

Заняв более удобное положение, я вытянул вверх руки, нащупал крышку и начал толкать ее. Заскрипели гвозди, внутрь проник свет. Крышка начала поддаваться справа, потом сдвинулись стенки у меня

под ногами и над головой, и в конце концов гвозди вылетели. Я сделал глубокий вдох и поднялся на ноги, все еще не очень уверенно. Я был обнажен, поскольку изменение внешнего вида всегда портит одежду. Однако в моем чемодане имелось все необходимое, купленное с расчетом на новое тело; оглядевшись по сторонам, я заметил чемодан в шкафу на полке.

Я выбрался из ящика и отправился в ванную, где принял душ. Когда я брался, из зеркала на меня смотрел темноволосый темноглазый мужчина, среднего роста, среднего телосложения. Я закончил приводить себя в порядок, вернулся в комнату, открыл чемодан и достал одежду.

Одевшись, я спустился вниз в вестибюль, отделанный в испанском стиле. И быстро нашел бар, где стояли столики, за которыми ели какие-то люди. Именно это мне и требовалось — еда. Я всегда просыпаюсь, испытывая жесточайший голод. Но сначала я вышел на несколько минут на улицу. Вокруг стояло множество жилых домов, а слева был разбит небольшой парк; справа я заметил собор. Я решил, что пойду прогуляться чуть позже и все как следует осмотрю. Солнце, которое, собственно, меня и интересовало, недавно прошло зенит; не зная, где у них запад, а где восток, я не мог определить точное время. Но в любом случае — самая подходящая пора для ленча, а впереди еще целый день.

Я вернулся в гостиницу и направился в бар. Нашел столик и занялся изучением меню. Несколько названий показались мне незнакомыми, поэтому я решил заказать все, а уж потом разбираться с тем, что принесут. По дороге в бар я купил в вестибюле несколько газет. Я всегда так делаю, когда просыпаюсь; необходимо ведь знать, что произошло в мире, пока ты спал.

Мне подали несколько весьма интересных блюд с гарниром из пережаренного риса и бобов, я сидел, читал газеты и ждал, когда придет время десертов, и тут появился Рудо в белом костюме, роскошной спор-

тивной рубашке и с фотоаппаратом на плече. Меня нисколько не удивило, что он прошел мимо и направился прямо к стойке бара. Если внешность меняется каждый раз, когда засыпаешь, приходится привыкнуть к тому, что друзья и знакомые вдруг перестают тебя замечать.

Я привлек его внимание, когда он повернулся, — поднял руку и кивнул.

«А, знаменитый доктор Рудо», — сказал я, изобразив легкий немецкий акцент.

Он удивился, прищурился, подошел, держа в руке свой стакан, и нахмурившись сказал:

«Боюсь, я не помню...»

Я встал, протянул ему руку и представился: «Мейерхофф. — Иногда я обожаю разыгрывать людей. — Карл Мейерхофф. Мы встречались перед войной. В Вене или Цюрихе? Вы занимались исследованиями долгого сна, так, кажется? Потрясающе интересная штука. У вас ведь тогда были какие-то неприятности, насколько я помню. Надеюсь, теперь все в порядке?»

Он быстро огляделся по сторонам, а я снова сел на стул. Сколько времени еще я смогу его дурачить? Если удастся продержаться несколько минут, это будет просто здорово. Только бы он не перешел на другой язык... Рудо взял стул, стоявший возле столика, за которым я завтракал, и быстро уселся.

«Мейерхофф... — сказал он. — Я все пытаюсь вспомнить... Вы медик?»

«Хирург, — ответил я, решив, что это достаточно далекая от психиатрии область и он не поймет меня, сказав что-нибудь узкопрофессиональное. — Пришлось поменять обстановку, когда дела пошли плохо», — с загадочным видом проговорил я.

«Мне тоже повезло в этом отношении, — кивнул Рудо. — Так вы практикуете здесь, на юго-западе?»

«В Калифорнии, — ответил я. — Возвращаюсь с конференции. Остановился здесь, чтобы полюбоваться на достопримечательности. А вы?»

«Я работаю в Нью-Йорке, — сказал он. — И тоже тут отдыхаю. Потрясающие места и свет такой дивный — ужасно хочется взять в руки кисти. Мы с вами встречались на конференции или в какой-нибудь больнице?»

«Я присутствовал на вашей лекции про лечение долгим сном, — мотнув головой, сказал я. — А потом была вечеринка. Мы обсуждали проблемы...»

Я специально замолчал на полуслове: мои слова о проблемах можно было трактовать самыми разными способами — друзья, коллеги, семья, европейская политика. Его реакция показалась несколько странной, и мне хотелось послушать, что он скажет. А если ответ прозвучит уклончиво... что ж, это тоже интересно.

«В те времена на подобные изыскания смотрели несколько иначе, — вздохнув, сказал Рудо. — Я имею в виду там, откуда я родом. Ну, а первый этап любой разработки всегда основывается на экспериментах».

«Конечно», — глубокомысленно изрек я.

«А когда вы уехали?»

«В 1944-м. Пробыл недолго в Аргентине, потом вернулся сюда. Правительство тогда претворяло в жизнь один из своих многочисленных проектов».

«Да, правительства могут быть щедрыми, когда им нужно что-нибудь получить. — Рудо поднял стакан, сделал глоток, а потом засмеялся, и я вместе с ним. — По счастью, мне не пришлось пройти этот путь, — продолжал он. — Часть моего прошлого умерла во время бомбёжек и пожаров, когда погибли документы и архивы — по крайней мере так я думаю. — Он сделал еще глоток. — Вы остановились здесь, в отеле?»

«Да», — ответил я.

«Давайте пообедаем вместе. Не возражаете, если мы встретимся в вестибюле... ну, скажем, в семь?»

«С удовольствием».

Он уже встал, когда к нашему столику подошла официантка и принесла десерты и счет. Я взял счет и спросил ее:

«Могу я это подписать?»

«Да, — ответила она, — только не забудьте указать, в каком номере вы остановились».

«В 208-м», — сказал я и взял ручку, которую она мне протянула.

Рудо замер на месте, оглянулся, принял меня рассматривать.

«Кройд...» — выдохнул он, а я только улыбнулся.

На его лице отразилась целая гамма чувств, а потом он нахмурился. Снова уселся на стул и наклонился вперед.

«Это было совсем не смешно, — заявил он. — Терпеть не могу подобные развлечения».

«Когда у тебя появляется такая возможность каждый раз, как ты просыпаешься, не грех и повеселиться», — проговорил я.

«Мне совсем не весело».

«Извините, — сказал я и набросился на пирог с ягодами. — Просто я хотел немножко пошутить».

Рудо удалось убедить меня, что у него совершенно отсутствует чувство юмора. Впрочем, через несколько минут он сменил гнев на милость, особенно после того как увидел, с каким удовольствием я поглощаю десерты.

«Я нашел контору, где мы получим гостевые пропуска в Лос-Аламос, — сказал Рудо. — Она тут неподалеку. Наши имена должны быть в списке приглашенных посетителей. Нужны фотографии. Сегодня днем займемся этим».

«Хорошо. А как вам удалось внести нас в список?»

«Мой человек в Лос-Аламосе сообщил, что ждет нас в гости».

«Удобно, — прокомментировал я. — Как давно мы приехали в город?»

«Сюда? Сегодня пятый день. Я хотел, чтобы на этот раз ты проспал как можно меньше. Пару дней у меня в квартире и еще время, что мы были в пути».

«Я обратил внимание на число. — Кивнув, я показал на стопку газет. — А как далеко отсюда до Лос-Аламоса?»

«Около тридцати пяти или сорока миль к северу, — ответил Рудо, — это в горах. Я взял на прокат машину».

После ленча мы отправились прогуляться, и Рудо потащил меня куда-то налево. То место, где, по моим представлениям, был парк, оказалось площадью. Мы обошли ее по кругу и остановились, чтобы полюбоваться произведениями местных ремесленников-индейцев, разложенными на одеялах недалеко от входа в Губернаторский Дворец. Масса изделий из серебра, мне на глаза попалось несколько очень красивых горшков. Я купил *bola*^{*}, который не понравился Рудо, и нес его в руках.

Он подвел меня к небольшому зданию, стоящему неподалеку, мы вошли в маленькую дверь и тут же оказались в приемной, где за столом сидела женщина.

«Здравствуйте, — сказал Рудо. — Меня зовут Иван Карамазов, а это Кройд Кренсон. Нам сказали, что здесь мы можем получить гостевые пропуска в Лос-Аламос».

«Подождите, я проверю список, — проговорила женщина, открыла ящик стола и вытащила оттуда стопку бумаг, скрепленных скрепкой. Она что-то тихонько напевала себе под нос, когда просматривала бумаги. — Да. Все в порядке, ваши имена в списке есть».

Она передала нам какие-то бумаги, которые мы должны были заполнить, и сказала, что нам необходимо сфотографироваться. Сообщила, что пропуска будут готовы чуть позже или мы можем забрать их утром, поскольку в путь отправимся только на следующий день. После этого мы немного погуляли, а потом решили покататься. Ослепительно яркие, поразительные места. Исполинские горы. Маленький городок. Тихо. Мне понравилось. С удовольствием провел бы там парочку недель.

Когда стемнело, мы вернулись в отель, не спеша пообедали, выпили несколько бутылочек вина. Потом поднялись к себе в номер и еще немного поговорили.

* Мяч или шар (исп.).

Рудо позевывал, сказал что-то про высоту над уровнем моря и отправился спать. Я же снова вышел на улицу и всю ночь бродил по городу и окрестностям. В ночных прогулках есть нечто особенное — когда кругом тихо, жизнь течет медленно, едва заметно... Я это очень люблю.

Я выбрался из города, и меня окутали тишина и почти непроглядный мрак. Сидя на склоне холма, прислушиваясь к стрекотанию насекомых и глядя на звезды, я вдруг понял, что счастлив. Мне больше не нужно принимать наркотики, я не боялся заснуть и проснуться черт знает в каком виде, очень скоро я должен был стать совершенно нормальным, почти таким, как все. Мне хотелось петь, ликовать... Но я сидел, смотрел на звезды, наслаждался ночной тишиной и чувствовал себя просто восхитительно.

Утром я вернулся в город, снова прошел по улицам, наблюдая за тем, как просыпаются жители. В первом открытом кафе, попавшемся на глаза, позавтракал. Потом стал ждать, когда встанет Рудо. После того как он привел себя в порядок, мы спустились вниз и поели. Не спеша пили кофе, пока не открылось бюро, где надо было получать пропуска.

Мы забрали бумаги и направились к машине, Рудо сел за руль. Вскоре мы оказались на Таосском шоссе и поехали на север в сторону Испанской долины. По пути миновали огромную скалу в форме верблюда — она осталась немного левее. Ярко светило солнце, по обе стороны от шоссе высились горы.

Через некоторое время Рудо отыскал дорогу, которая сворачивала налево, а потом взбиралась вверх по оранжевым скалам. Мы поднимались все выше и выше, и я заметил, что дорога не огорожена. Нашим глазам открылись потрясающие картины — свалиться отсюда было бы весьма неприятно. Множество сосен, громадные валуны и крутые холмы. Впрочем, Рудо был осторожным водителем.

Прошло довольно много времени, дорога несколько выровнялась, и вскоре мы уже ехали по долине. Чуть

позже мы увидели военного вида ворота в ограде из колючей проволоки, выходящие прямо на дорогу. По обе стороны стояло по танку. Мы сбросили скорость и вскоре притормозили у ворот. К нам подошел один из охранников, и мы показали ему наши пропуска. Он проверил фотографии, удовлетворился результатом, открыл ворота, позволил нам проехать внутрь, а потом приказал остановиться. Затем позвонил по телефону и сказал, что наш приятель скоро прибудет и проводит нас в гостиницу.

Минут через десять на дороге появилась машина. Водитель вышел, чтобы поздороваться с Рудо, и назвал его «Карамазов», когда они пожимали друг другу руки. Он был высоким, бледным, светловолосым парнем. Звали его Скотт Свенсен. Он похлопал меня по плечу, когда Рудо нас познакомил, и предложил сесть в его машину, а Рудо — следовать за нами.

У въезда в город, справа, я заметил небольшой аэропорт. Как раз в этот момент Скотт махнул рукой налево и сказал: «Смотрите вон туда».

Я посмотрел и на другой стороне каньона на плоской вершине холма увидел несколько деревянных зеленых строений, окруженных колючей проволокой. У ворот стояли вооруженные охранники. Дальше, там, где кончался каньон, открывалась ровная дорога, по которой можно было подобраться к строениям.

«Не очень впечатляет с точки зрения архитектуры, правда?» — сказал Скотт.

«Работа есть работа», — пожав плечами, ответил я.

«Верно, — согласился он. — Абсолютно точно. То, что вас интересует, находится на участке ДП».

«Не могли бы вы перевести это на нормальный язык?» — попросил я.

«Дейтерий* и плутоний, — ответил он. — Один используется для получения другого. Все проделывают

* Дейтерий — тяжелый водород, стабильный изотоп водорода с массовым числом 2.

там, за забором. Насколько я понимаю, вам нужен плутоний. Достать его непросто».

«А как он выглядит? — спросил я. — Большие бруски? Куски угля?»

«Не-е, — протянул Скотт и фыркнул. — Его производят совсем крошечными количествами — несколько капель на дне флакона. Можно свистнуть один из маленьких серых контейнеров и засунуть его в карман».

«По-вашему, украсть плутоний ничего не стоит», — заявил я.

«Мне говорили, что вы парень крепкий, — сказал Скотт и рассмеялся. — Можете без проблем прорваться через ограду с колючей проволокой, справиться с охраной, залезть в хранилище и прихватить парочку контейнеров с плутонием».

«Забавно, я как раз именно об этом только что подумал».

«Ничего не выйдет, — объявил Скотт. — Вы, возможно, все это сделаете, только вам не удастся сбежать с добычей. Если вы решите уйти из города этой дорогой, вас остановят у ворот. А та часть города, что не огорожена, выходит прямо в дикую местность, за которой следят конные патрули с собаками. Но представим себе, что каким-то образом вы отдалетесь от охраны. Вы окажетесь достаточно далеко от любого средства передвижения, которое сможет быстро увезти вас из этих мест. Почти сразу будет организована погоня — широкомасштабная. Не несколько охранников, а большие наземные отряды и вертолеты; вам придется противостоять хорошо обученным военным с современным снаряжением. Даже если вы и останетесь в живых после нескольких перестрелок, выбраться отсюда в целости и сохранности нечего и мечтать. Впрочем, вы, по всей вероятности, станете мировой знаменитостью».

«Насколько мне известно, представители местной службы безопасности достаточно серьезно относятся к своим обязанностям, — сказал я. — Но я не собираюсь

ни с кем вступать в противоборство и покину ваш город только с тем, с чем сюда прибыл».

«Вы нашли другой способ?»

«Намерен найти».

«Ну, я сам из службы безопасности, но понятия не имею, как еще можно провернуть это дельце».

«Довезите меня до гостиницы. А об остальном я позабочусь сам».

«И уедете утром, без plutonium, чтобы придумать, как до него добраться?»

«В некотором смысле».

«Знаете, меня восхищает ваша уверенность, — сказал Скотт, рассмеявшись и похлопав меня по плечу. — А еще мне страшно интересно, что вы предпримете».

Я ведь ничего про Свенсена не знал, он мог вести свою собственную игру с Рудо. Например, решил, что было бы неплохо, если бы тот привез с собой взломщика-туза — хитроумный способ проверить надежность системы безопасности. Мне было неизвестно, какие их связывали отношения. Впрочем, даже если он и был на нашей стороне, чем меньше народа в курсе твоих дел, тем лучше.

Неожиданно я подумал о том, какие неприятности могут ждать тузов и джокеров, если я допущу ошибку и меня поймают.

«Позже узнаете», — успокоил я Скотта, улыбнулся и тоже хлопнул его по плечу.

А вскоре мы прибыли в «Фулер Лодж». Рудо остановил свою машину рядом с нашей.

«Я зайду с вами, — проговорил Скотт. — Хочу убедиться, что вас поселят без проблем».

«Спасибо, — поблагодарил я его, и мы выбрались из машин. — Позавтракаете с нами?»

«Я уже поел, — ответил Скотт, — к тому же мне пора возвращаться на работу. Знаете что, я зайду за вами около половины седьмого, и мы вместе пообедаем».

«Прекрасно», — заявил я, а Рудо только кивнул, и мы направились к гостинице.

«Есть ли какие-нибудь ограничения... ну, если я захочу пойти прогуляться?» — спросил я.

«Нет, — ответил Скотт, — у вас на руках необходимые бумаги, позволяющие вам здесь находиться. Гуляйте. Идите куда хотите. Если вы подойдете слишком близко к какому-нибудь секретному объекту, вас предупредят. Да, и еще: фотографировать запрещено».

«У меня даже и фотоаппарата с собой нет, — сказал я. — А как люди на секретных объектах узнают, что мне туда нельзя?»

«Чтобы войти на такую территорию, нужно иметь специальный значок, — пояснил Скотт. — Если бы я попытался вам его достать, то мог бы засветиться. Прошу меня извинить. Я должен оставаться в стороне. В этом деле нельзя наследить».

«Все в порядке», — успокоил я его.

Мы вошли в гостиницу, нам выделили номер, и Скотт с нами попрощался. Мы же отправились в свою комнату и привели себя в порядок. А потом поспешили в кафе, время ленча уже подходило к концу. На стене, справа от входа, висела газетная вырезка в рамке. Забавно, но я подошел к ней и прочитал. На фотографии был изображен ученый по имени Клаус Фукс, который когда-то здесь работал. Я вспомнил: в прошлом году газеты много трубили о том, что Фукс передал секрет водородной бомбы советскому агенту — «для соблюдения интересов мира», как он сам сказал; их встреча состоялась в Санта-Фе, на мосту Кастильо, по которому я проходил накануне ночью, когда гулял по городу.

Я читал статью и вспоминал историю Фукса. Внизу, под статьей, красной шариковой ручкой было написано: «Безопасность — дело каждого», и стояла подпись Скотта Свенсена. Я попытался представить себе, каким образом соблюдение этого правила могло бы помешать мистеру Фуксу, но у меня ничего не вышло. Интересно, может быть, и про меня напишут такую же статью, а потом повесят рядом на стене?

После напряженного ленча я потянулся и сказал Рудо, что, пожалуй, пойду поброджу по городку.

«Я с тобой», — заявил он.

«Вы этого совсем не хотите, — проговорил я, применяя в первый раз свой новый дар. — Вы с удовольствием приляжете и вздремнете, поскольку ужасно устали».

«Ты прав, — отозвался Рудо, который тут же начал зевать. — Я действительно устал. С радостью вернусь в номер и посплю».

«Давайте, — приказал я. — Идите сейчас же».

Рудо поднялся на ноги. «Желаю тебе хорошо погулять», — произнес он и поспешил уйти из кафе. А я вышел на улицу и сделал глубокий вдох. Погода для прогулки была просто отличная, и вскоре я оказался на дороге, которая, огибая каньон, в конце концов заканчивалась у ворот сектора ДП. Когда я к ним приблизился, с другой стороны сразу же возникло два охранника.

«Эй, приятель! — крикнул один из них. — Сюда нельзя, если только у тебя нет разрешения».

«У меня есть разрешение, — сказал я ему. — Я генерал — три звезды. Вот сейчас вы их ясно видите. А вот мой значок и пропуск. Я прибыл сюда для специальной инспекции. Вы откроете для меня ворота, чтобы я мог войти».

«Минутку, сэр, — сказал тот, что стоял ко мне поближе. — Извините, сэр, что я вас не узнал. Вам в спину светит солнце... — Он поспешил распахнуть ворота, а потом доложил: — Журнал регистраций в первом здании, сэр».

«В таком случае отведи меня туда».

Я пошел вслед за охранником и посмотрел на бумаги, которые он положил передо мной на стол. Я некоторое время сражался с искушением написать там имя Свенсена, но мне не хотелось доставлять ему неприятности только затем, чтобы просто повеселиться. Прикоснувшись ручкой к листку бумаги, я вернул ее охраннику.

«Вот моя подпись. Ты видел, как я ее поставил».

«Да, сэр, — ответил он. — Благодарю вас. Что вы хотите проинспектировать, сэр?»

«Место, где хранится плутоний, — ответил я. — Проведи меня».

«Сюда, пожалуйста, сэр».

Он открыл дверь, проследовал за мной на улицу и подвел к другому, внешне точно такому же зеленому строению. Мимо проходили еще двое охранников, которые с удивлением посмотрели в нашу сторону. Но, по всей видимости, решили, что все в порядке, поскольку я шел не один, и отправились дальше по своим делам. Однако я крикнул им вслед:

«Я провожу специальную инспекцию. И хочу, чтобы вы сопровождали нас в сектор, где хранится плутоний».

Они послушно повернули за нами в здание, а там первый охранник подвел меня к полке, на которой стояло несколько маленьких серых контейнеров.

«Это плутоний?» — спросил я его.

«Да, сэр», — ответил он.

Я долго и очень внимательно изучал контейнеры — размер, форму, какие они на ощупь... Протянул руку, взял один, немного подержал, снова положил на место. Потом старательно вытер его платком и кивнул.

«Все в порядке, — объявил я. — Уходим».

Мы покинули склад, и я на минутку задержался, чтобы как следует его рассмотреть, а заодно и то, как он расположен относительно других строений.

«Хорошо, — заявил я наконец, — инспекция закончена. Вы, ребята, отлично делаете свое дело. Сейчас я подпишу все ваши бумаги и пойду домой».

Я вернулся в первое здание, где снова как будто расписался в их журнале. Потом заставил их всех дойти со мной до ворот.

«Эта инспекция была настолько секретной, — сказал я им, — что вы немедленно о ней забудете. Как только ворота за мной закроются, я выйду на дорогу. А когда я скроюсь из виду, вы не будете помнить, что

когда-либо меня видели. Меня здесь не было и никакой инспекции тоже не было. Открывайте».

Они распахнули ворота, и я вернулся в гостиницу. Купил кое-какие журналы и принялся их читать, пока Рудо спал. Чуть позже шести я разбудил его и сказал, что пора одеваться к обеду. Он послушно встал, а вскоре появился и Свенсен, который оказался человеком пунктуальным.

Мы прекрасно провели время. Свенсен много шутил, причем я не слышал этих шуток раньше и поэтому проходил весь десерт. Когда мы пили кофе, он, как бы между прочим, сказал: «Видимо, вы скоро займитесь решением своей задачки. Желаю успеха».

«Дело сделано, — ответил я. — Я знаю все, что нужно. Спасибо».

«А как вам это удалось?» — удивленно посмотрев на меня, спросил он.

«Оказалось даже проще, чем можно было подумать. Утром мы уезжаем».

«Не знаю, верить вам или нет», — покачав головой, пробормотал Свенсен, а я улыбнулся.

«Это не имеет никакого значения. Ровным счетом никакого».

На следующее утро мы уехали и поспели в «Ла Фонда» к ленчу. Я объяснил Рудо, что должен представлять, где находится и как выглядит предмет, чтобы иметь возможность его телепортировать, и что теперь владею необходимой информацией. Я только должен приобрести способность телепорттировать то, что захочу. Не в минимальной степени, как тогда, когда я вошел в его кабинет и некоторое время удерживал воду при помощи своего сознания, а что-нибудь понадежнее и действующее на более солидные расстояния. Однажды в прошлом у меня такой дар уже был. Рудо не сомневался, что это можно будет сделать во время очередного сеанса лечебного сна. В конце концов, у него уже был в этих делах опыт — с Богартом, например, да и сейчас, когда он сумел, пока я спал, наделить меня способностью к гипнозу. Поэтому он сказал: «Пара

пустяков, тут у нас не возникнет никаких проблем», и мы, хорошенько пообедав, ушли в номер.

Только одно показалось мне тогда странным. Когда Рудо открыл ящик стола, чтобы достать свой чемоданчик с медикаментами, где он хранил все необходимое для *dauerschlaf*, я мельком увидел большую фотографию. Я мог бы поклясться, что это был Клаус Фукс.

Так вот, следуя его указаниям, я растянулся на кровати, и он ввел мне первую порцию наркотиков. Когда мир вокруг меня закружился в безумном танце, я понял, что счастлив. Рудо что-то тихо говорил мне. Его голос звучал где-то далеко...

Однако на этот раз все было иначе. Я, как и обычно, погрузился в долгую, бесконечную ночь. А потом неожиданно проснулся, что-то сделал и снова провалился в сон, но перед глазами у меня почему-то плясали образы серых контейнеров.

Когда я пробудился на самом деле, мне пришлось пережить сильное потрясение. Кто-то вцепился мне в плечо, тряс меня и страшно орал.

«А ну-ка просыпайся, ублюдок! Ты арестован!» — вопил огромный тип в форме, в то время как я пытался открыть глаза.

Я застонал и сказал: «Ладно! Ладно! А что происходит?»

Меня грубо поставили на ноги; им пришлось меня поддерживать, я все еще не до конца пришел в себя. Тут я увидел еще одного полицейского — гораздо меньше ростом, с бородой, — который стоял возле туалетного столика и держал в руке серый контейнер из сектора ДП. Еще один лежал на столике.

«...Тут даже этикетка наклеена, что это собственность лаборатории», — говорил он.

«Давай одевайся, Фукс, — или ты Кренсон? — приказал мне тот, что был побольше. — Теперь ты себе такое имя выбрал? Имей в виду: если ты хоть пальцем пошевелишь, я могу очень разнервничаться». — Он выразительно постучал по своему пистолету.

«Я даже дышать не буду», — заверил я его и похлопал по карману брюк, чтобы проверить, лежит ли там бумажник, не сбежал ли Рудо, прихватив с собой мои деньги; у меня их было немало, и я хотел, чтобы они оставались под рукой.

«А за что вы меня арестовываете?» — поинтересовался я.

«Если ты этого не знаешь, значит, ты глупее, чем кажешься», — ответил громила.

«А вы все равно скажите, — попросил я. — Ладно? Кто вам сообщил о том, что я что-то там сделал?»

«Нам позвонили по телефону, сказали, что ты здесь, — пожав плечами, объяснил он. — Звонивший не назвал своего имени. Мы задержим тебя до прибытия следователя из ФБР. Утром тебя заберут из Альбукерке».

За окном было темно. Я услышал, как по улице проехала машина. Мне позволили надеть носки и ботинки, а потом нацепили на меня наручники. Я же все пытался понять, что произошло. Получалось, что Рудо меня подставил. Он удерживал контроль надо мной при помощи гипноза — может быть, воспользовался постгипнотическим внушением, — когда я пробудился после *dauerschlaf*. А потом приказал телепортировать сюда контейнеры с плутонием, как и было нами запланировано. Потом он снова усыпал меня, оставил на самом видном месте свидетельство моего преступления, а сам сбежал и позвонил в полицию. Я не мог понять только одного — почему он это сделал? Однако мне не требовалось никаких дополнительных доказательств его намерений — или извращенного чувства юмора: когда полицейские выталкивали меня из комнаты, я успел бросить взгляд в зеркало. Я был как две капли воды похож на Клауса Фукса. Безопасность — дело каждого...

В участок меня отвезли на машине, хотя он находился всего в двух кварталах. Там я отдал свой бумажник — полицейские поклялись, что сохранят его для меня. Я уже успел выяснить, когда протягивал

бумажник, что все деньги на месте. Будет жаль, если их там не окажется, когда я соберусь отсюда выйти. Меня отвели в камеру и заперли дверь. Я мог бы сбежать по дороге в участок или когда они меня закрывали. Но я еще не совсем пришел в себя и хотел немного обдумать сложившуюся ситуацию.

Поэтому я только запомнил, какой ключ на связке отпирает мою дверь. Когда охранник отвернулся, я тут же схватил ключ при помощи своего сознания, телепортировал его себе в правую руку, а потом убрал в карман. После этого усился на койку. Мне доводилось бывать в тюрьмах и получше этой; впрочем, хуже тоже встречались. По крайней мере, я знал, где она расположена относительно всего остального в этом районе — помогла та ночная прогулка. В побеге нет никакого смысла, если не знаешь, что намерен делать и куда идти.

Примерно минут через двадцать я принял решение. Встал с койки, отпер дверь, вышел наружу и закрыл ее за собой. Миновал небольшую комнатку, из которой доносился стук пищущей машинки — зачем нарываться на неприятности, — и прошел дальше по коридору. Вскоре я увидел двух полицейских. Один пил кофе, а другой разговаривал с кем-то по телефону. Я спрятался за дверью и подождал, пока он не положит трубку. Сейф, в который засунули мой бумажник, был старого образца, Бентли учил меня открывать такие на ощупь.

Я ворвался в комнату, когда услышал, что телефонная трубка легла на место. Каждому полицейскому досталось по одному точно рассчитанному удару — в следующее мгновение оба потеряли сознание. После этого я посадил их так, чтобы складывалось впечатление, будто они дремлют. Старый сейф оказался не таким простым, как на первый взгляд, и я некоторое время с ним провозился — больше, чем планировал. Мне не хотелось тратить на него еще минут пять или десять, поэтому я уперся в него рукой и ногой и потянул. Оторвать дверцу мне не удалось, но она достаточно

погнулась, так что я смог засунуть внутрь руку и вытащить свой бумажник. Положив его в карман, я вышел на улицу и повернул направо, на Вашингтон-авеню.

Некоторое время я просто шагал вперед, потом у дороги на Гайд-парк выбрался на дорожку, которая уходила наверх, в горы. Я знал, что рано или поздно она приведет меня в Национальный лес, а там я отыщу местечко, где спрячусь до утра. Именно так я и поступил.

Кройд встал, потянулся, сходил к холодильнику, вернулся с двумя банками пива. Поставил одну перед Ханной. Раздавил мошку.

— Конец истории, — объявил он. — Если не считать индейца-тута, которого я недавно встретил и который мог изменять рисунки на коврах на те, что пользовались лучшим спросом — он всего-навсего проводил рукой над поверхностью. Мне удалось сбежать... Ну а теперь могу я угостить вас чем-нибудь?

— Да, вот теперь меня мучает жажда, — ответила Ханна, протянув руку к банке с пивом, которую Кройд для нее откупорил. — А как вы сумели выбраться из города?

— Целую неделю я питался съедобными корнями и тем, что оставалось после пикников. Потом, отрастив короткую бороду и нацепив солнечные очки, которые случайно нашел в лесу, я рискнул вернуться в город, купил побольше еды и снова отправился в лес. Так и жил, пока не почувствовал, что скоро засну. Тогда я устроился в пещере, которую заранее нашел и подготовил. Проснувшись несколько недель спустя, обнаружил, что превратился в высокого стройного блондина, обладающего способностью разговаривать на ультразвуковом уровне; в зависимости от того, как громко и долго я говорил, люди теряли сознание или просто чувствовали себя неуютно. Я снова пошел в город, потом поехал в Лейми и на поезде добрался до Нью-Йорка.

— А Рудо? — спросила Ханна, сделав маленький глоток пива. — Вы с ним больше не встречались?

— Встречался, — сказал Кройд. — Я забрался в дом, где он жил, взломал замок в его квартиру и стал ждать.

— И что?

— Он, естественно, меня не узнал. Увидев, страшно удивился и сказал: «Если это ограбление, забирайте все, что пожелаете. Мне неприятности ни к чему».

Я схватил его за рубашку и потянул к себе, пока его лицо не оказалось всего в дюйме от моего. Сначала я собирался его прикончить, а потом решил, что дело того не стоит. Может быть, он кому-то и в самом деле помогает.

«Это я, Кройд, Кренсон, — сообщил я ему, и, видимо, он испугался, что я его убью, потому что страшно побледнел. Но я только спросил: — Скажи, зачем ты это сделал? Зачем ты меня подставил?»

Мне кажется, он посчитал, что ему нечего терять, раз уж смерть за ним пришла. Поэтому он оскалился и заявил:

«Ты генетический мусор, ты и все остальные! Я ненавижу вас за то, что вы сделали с человечеством! Я хотел навлечь на всех вас позор — публичный позор, настоящий! Впрочем, тебе повезло».

Тогда я хорошенъко ему врезал, два раза, разбил губу. Потом швырнул на диван и вытер платком кровь с руки, но она продолжала течь, и я сообразил, что разбил косточку о зубы.

«Сейчас я тебя убивать не стану, — сказал я Рудо. — Но когда-нибудь... Кто знает?»

После этого я ушел, а через несколько дней узнал, что он переехал. Вот история о том, что причинило мне страдание, и о том, как получилось, что на джокеров и тузов свалились серьезные неприятности — немудрено, ведь вирус паранойи так и носится в воздухе.

— Спасибо, — поблагодарила Ханна, сделала последний глоток и выключила магнитофон, потом убрала его в футляр и засунула в сумку.

— Ну хорошо, с делами мы покончили, — сказал Кройд. — Может, пообедаем вместе?

Ханна надела сумку на плечо и направилась к двери.

— Извините, — сказала она, — но мне сегодня вечером нужно привести в порядок кучу записей, а рано утром я уезжаю.

— Вы имеете что-то против парней с хвостами? — спросил Кройд.

Ханна вынула из сумки складной зонтик и открыла его, а потом улыбнулась.

— Нет, Кройд, — ответила Ханна. — Но я попридержу свой при себе. До свидания.

Она повернулась и вышла на улицу, где моросил мелкий дождик.

Кройд долго стоял на пороге и смотрел ей вслед — пока она не скрылась из виду. А потом вернулся в пустой бар.

— Ну-ка сыграй мне, Сэм, — тихо проговорил он, и выстроившиеся в ряд бокалы тихонько запели. Именно в этот момент налетела туча мух. Отчаянно ругаясь, Кройд принялся их давить, и их жужжение вскоре подхватило мотив популярной песенки.

РАССКАЗЫ

О ВРЕМЕНИ И О ЯНЕ

Последний Ян с Марса сидел один в комнате.

В дверь кто-то постучал.

— Входи, — проскрипел он.

Землянин огляделся по сторонам, прищурился в полумраке:

— Привет?..

— Я здесь, — проскрипел Ян и подошел к нему.

Землянин прижался к двери, и в горле у него что-то забулькало.

— Ты настоящий, — проговорил он наконец.

— Я Ян, а ты последний человек с погибшей зеленой звезды, — ответил Ян.

— Да, последний... совсем последний... Было две экспедиции...

— Неудачных, — добавил Ян. — Оба корабля при приземлении погибли.

Человек прикрыл лицо руками:

— И мой тоже.

Он помолчал некоторое время.

— Атмосфера... Видимо, она каким-то образом окислила топливо.

— Естественно.

Ян терпеливо ждал. И в конце концов человек снова нарушил молчание:

— Ты не мог бы... ты бы не согласился... мне помочь?

— Каким образом? — спросил Ян.

— Мне нужны лопаты. И помошь... чтобы выкопать могилы.

На руке Землянина была кровь.

— А как так получилось, что ты остался в живых?

— Я покинул корабль, чтобы выяснить, можно ли дышать этим воздухом. Перебрался через небольшой холм. И тут что-то ударило меня в плечо. Потом возникла ослепительная вспышка... грохот... Моя жена и дети...

— Я принесу лопаты, — прохрипел Ян. — Я с удовольствием похороню еще нескольких Землян.

Ян стоял рядом с промокшим насквозь человеком. Небо скрыли тучи пляшущих пылинок; они заволокли звезды, словно тонкая паутина — занавес, протянувшийся до самого горизонта.

— Вот уже два месяца, как твой мир остановил свет солнца и звезд. Мрак когда-нибудь рассеется?

— Не знаю.

— А зачем ты прилетел сюда?

— Я знал, что это должно произойти, — ответил человек. — Я был офицером на Базе. Украл корабль, забрал семью...

— Ты дезертировал?

— Чтобы спасти их.

— Понятно, — ответил Ян. — Здесь будем копать могилы?

Человек кивнул. Он не смотрел на корабль. Он взял лопату и принялся копать похожий на сахарную пудру океан.

Песок рыхлился; Ян размахивал своей лопатой, словно ему было весело.

Солнце вступило на Путь Земли, будто красный шар, на который смотришь сквозь замерзшее стекло, и Землянин поднял голову.

— Ян, Ян, ты ошибся, — прохрипел он, — ты копаешь четыре могилы.

— Я не ошибся, — ответил Ян.

Человек вынес обгоревшие тела из тлеющих останков корабля. Дотащил их до могил.

Ян наблюдал.

Землянин опустил своих близких, одного за другим, в вырытые ямы.

— Ян, пожалуйста, помоги мне присыпать их землей.

Ян побросал грязь и пыль на лица погибших людей.

— Все, — сказал Землянин.

— Нет! — проскрипел Ян.

Землянин посмотрел на него, и в его налитых кровью глазах заклубился мрак. Быстро принял ис-кать что-то у себя на поясе.

— Нет, Ян. Меня не надо! Только не меня!

— Да, Землянин, именно тебя.

— Почему? Что ты выиграешь, убив меня?

— Я не понимаю значение слова «выиграешь». А по-чему бы мне тебя не прикончить? Ты — это все, что осталось от Земли, да еще серебряная сеть в небе. И я тоже последний. Последний Ян на Марсе. Я похороню здесь Землю. Ян будет единственным жителем Марса.

Землянин навел на него пистолет:

— Нет, я убью тебя первым.

Ян проскрипел — видимо, смеялся:

— Только Время может убить Яна.

Землянин выстрелил три раза.

Ян безудержно веселился.

Человек выпустил в него всю обойму.

— А теперь ты заберешься в эту дыру, и я отниму у тебя жизнь.

Землянин что-то булькнул в ответ.

— Залезай в могилу!

Сам того не желая, человек двинулся в сторону четвертой могилы. Спрыгнул и поднял голову.

— Прощай, Земля, — проскрипел Ян.

— Подожди! — крикнул человек. — Дай мне, пожалуйста, одну минутку — я хочу помолиться!

— Я не знаю, что такое «помолиться», — ответил Ян. — Валяй, а я за тобой понаблюдаю. Только не долго.

Человек наклонил голову. Положил руки на край ямы.

— Ты закончил? — спросил Ян.

— Да, — ответил человек, выпрямившись и сжав руки в кулаки.

И снова посмотрел на Яна.

А потом бросил две пригоршни песка прямо в фиолетовые глаза.

Ян возмущенно взмыл и отшатнулся.

Собрав всю свою силу, человек выскочил из ямы и, схватив лопату, удариł Яна по голове.

Темная липкая жидкость потекла по лезвию.

Ян неподвижно лежал на земле.

Землянин засунул его в могилу, а затем засыпал песком. Бросил лопату и, спотыкаясь, направился в сторону жилища.

— Ты был прав, — пробормотал он, — потребовалось некоторое время.

Путь Земли полыхал у него над головой.

Последний человек на Марсе сидел в одиночестве в полной темноте.

В дверь кто-то постучал.

— Времени не осталось, — проскрипел знакомый голос.

ТОТ, КТО ПОТРЕВОЖИТ

ОСТАНОВИСЬ
ПОДОЖДИ, ПОКА НЕ ОТКРОЮТСЯ ВОРОТА
ПОВЕРНИ НАЛЕВО
ПОВЕРНИ НАПРАВО
ИДИ ДО СЛЕДУЮЩЕГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
ПОВЕРНИ НАЛЕВО
ДЕРЖИСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ
ПОВЕРНИ НАПРАВО

Он шел вдоль шоссе, один; вокруг ни души, лишь эхо его шагов да почерневшие дома.

Знаки были размещены исключительно ради него. Он миновал знаки, следя за воле.

ПОДНИМИСЬ ПО ЭТОЙ ЛЕСТНИЦЕ
ЗДЕСЬ — ВХОДИ

Тяжело дыша, он пересек огромное здание. Наружная лестница была слишком большой для существа его размеров — и давалась ему с трудом.

Оказавшись внутри, он почувствовал некоторое облегчение — к нему больше не были прикованы глаза,

или как они там назывались — тех, кто прятался где-то в спасительной темноте. Он выругался, а потом рассмеялся.

И продолжал следовать за знаками. Они привели его в громадную комнату, показали, куда нужно идти дальше.

Он послушно шагал сквозь разрушения и смерть, по почерневшим полам, мимо сцены, с которой никто не потрудился убрать декорации, пока не остановился возле чьих-то останков под надписью «ЗДЕСЬ» и стрелой, указывающей вниз.

Тогда он внимательно посмотрел себе под ноги, достал то, что принес с собой, и занялся телом умершего человека.

Она пошевелилась. Вдохнула ночной воздух, открыла глаза.

Она лежала на склоне холма, а усыпанное звездами небо висело у нее над головой роскошным покрывалом, изукрашенным самоцветами. В ее длинные темные волосы был вплетен цветок нарцисса. Окончательно прийдя в себя, она вскочила на ноги, собралась бежать.

— Пожалуйста, подождите, — произнес чей-то голос, и она повернулась, потому что голос принадлежал человеку.

— Да? — она заговорила на том же странном языке, на котором обратился к ней незнакомец.

— Я разбудил вас и не причиню вам вреда. Не убегайте, прошу вас.

Она разглядела фигуру невысокого человечка, чье лицо пряталось в тени.

Подождала, пока он подойдет поближе.

— Кто вы?

— Меня зовут Эрик, Эрик Вейсс*, — ответил незнакомец. — Я помог вам бежать.

* Эрик Вейсс (1874—1926) — настоящее имя Гарри Гудини, легендарного американского фокусника-иллюзиониста. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

— Бежать?

— ...Из места, где вас держали в заточении, — закончил он.

— Вы говорите на их языке...

— И вы тоже, как и все мы.

— Все? Я не понимаю. Мне сказали, что я усну. Зачем вы меня разбудили?

— Мне было одиноко. У меня есть друзья, но мне все равно вдруг стало ужасно тоскливо. Ваше лицо показалось мне красивым и добрым.

— Понятно. А вы можете объяснить мне, что происходит и почему?

— Наверное, — ответил он. — Я попытаюсь.

Укутав саваном мертвого мужчину, Франсуа окинул взглядом громадную комнату. Здесь было великое множество трупов, но лишь одно человеческое существо — возле него он и стоял. Он не позволил своим глазам подолгу задерживаться на бесформенных останках остальных. Здесь было совершено невиданное до сих пор насилие.

Его передернуло, он постарался поскорее все сделать и убраться отсюда. Но, работая, продолжал удовлетворенно насвистывать.

Они перебрались через вершину холма и в лунном свете увидели целое поле людей, заключенных в башни — будто муравьи, навеки застывшие в янтаре.

— Как вас зовут? — спросил он ее.

— Сапфо*, — ответила она.

— Вы пишете стихи?

— Иногда.

— И живете на острове под названием Лесбос?

— Да.

* Сапфо (Сафо) — VII—VI вв. до н. э., древнегреческая поэтесса.

— Я и понятия не имел, — проговорил он, — хотя догадывался, что все чем-то знамениты. Если вам будет приятно это узнать — кое-какие из ваших стихов были известны через тысячи лет после вашей смерти. Вы самая настоящая легенда. Хотите воды?

— Да, пожалуйста.

— Вот. У меня еще есть свежие фрукты. Я собрал их в роще, чуть севернее отсюда.

— Спасибо.

— Мне кажется, что приближается конец, — сказал он.

— Извините, я не понимаю.

— Один раз меня разбудили, вынули из моей башни, заполненной желе, и попросили сделать одну рабоченку для наших... хозяев. Какая-то составляющая, присутствующая в этом желе, — ДНК*, кажется, так это назвал мой приятель, — позволяет нам всем разговаривать на одном языке, который заодно понятен и им тоже. Прежде чем меня разбудить, они завладели целым миром, но не сумели его открыть.

— Открыть?

— Да, это была искусственная планета, служившая исполнинским склепом. Они не могли туда проникнуть, несмотря на все свои хитрые машины и гениальных ученых, поэтому разбудили меня и попросили сделать это для них. Я справился всего лишь при помощи небольшой пилочки, воска и куска медной проволоки. А потом они вернули меня сюда, поскольку я им был больше не нужен. Только я решил от них сбежать, и сбежал. Вас они когда-нибудь использовали подобным образом?

— Да. Разбудили и сказали: «Сапфо, мы хотим, чтобы ты соблазнила матриархат своей песней». И я сделала, как они приказали, потому что считала их богами. Я ошиблась?

* ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота — высокополимерное природное соединение, содержащееся в ядрах клеток живых организмов.

— Да, — ответил Вейсс, — они не имеют к богам никакого отношения. В свое время я занимался поисками того, что находится за порогом смерти, и точно знаю, что они не боги. Это раса существ, обладающих высоко развитой межзвездной культурой, намного превосходящей достижения человечества. Они получили нас в наследство и делают с нами, что хотят.

— В каком смысле?

— Сначала нас прибрала к рукам другая раса, но недавно они проиграли в войне этим нашим новым хозяевам; те нашли нас здесь и решили воспользоваться на полную катушку своими военными трофеями. Мне кажется, они многоного не понимают из научных достижений наших предыдущих господ.

— А почему мы позволяем им так с собой обращаться?

— Мадам, людей больше не существует.

— Как такое может быть? Мы же здесь. Я не понимаю...

— Я тоже до конца не понимаю. Но мне сказали, что человечество погибло в чудовищной атомной катастрофе. Я совсем недавно узнал, что значит «атомный»...

— Извините, я не поспеваю за ходом ваших рассуждений.

— Мы умерли, вот что я пытаюсь вам сказать. Каждое живое существо, жившее на планете Земля, умерло, если не считать образцов. Мы были среди них, и нас оживили.

Вейсс махнул рукой в сторону остальных людей, заключенных в железе, которое питало и поддерживало в них жизнь.

— А вы знаете, что, если бы вы снова умерли, сегодня ночью, и после этого прошли многие века, а потом кто-нибудь нашел бы на вершине этого холма косточку и засунул ее в одну из башен, она возродила бы вас — молекула за молекулой, клетка за клеткой — и в один прекрасный день вы бы проснулись, обладая всем, чем обладаете сейчас, точно такая, как сегодня, включая последнюю мысль, промелькнувшую в вашей

голове, перед тем, как вы умерли? Они умеют регенерировать существа даже из крошечной частицы тела!.. Мне пришлось снова сорвать цветок, который украшает ваши волосы, потому что, когда я вас освободил, рядом с вами выросло целое растение. Они каким-то образом получили кусочки наших трупов, а потом восстановили нас.

— Я помню, — воскликнула она, — как я умирала. Я плакала и стонала. И испытала очень странные чувства, когда пришла в себя на борту одного из их кораблей. Значит, они сохраняют мертвых и заставляют их жить снова...

— Нет, не они. Нас сохранила та раса, которую они уничтожили. Сомневаюсь, что эти понимают, какие тут задействованы процессы. Возможно, наши спасители думали, что нас имеет смысл изучить — когда-нибудь, только у них руки не дошли. Впрочем, это всего лишь предположение. Они прочесали могилы и засунули в башни, заполненные желе, тех, кто, по их мнению, являлся достойным представителем нашей расы и обладал какими-нибудь особыми качествами. Вне всякого сомнения, они наблюдали за нами на протяжении нескольких тысячелетий.

— И посчитали, что я достойна возрождения?

— Тот факт, что вы находитесь здесь, является ответом на ваш вопрос. Мне кажется, они неплохо потрудились.

— Во все это трудно поверить, — проговорила Сапфо, — несмотря на мой опыт жизни в мире женщин. Я никогда не пользовалась чрезмерной популярностью.

Он пожал плечами:

— А я пользовался. Но и представить себе не мог, что кому-нибудь придет в голову спасать меня таким способом.

Их окутала холодная, безмолвная ночь.

Франсуа отнес останки вниз по огромной лестнице, потом вернулся вдоль шоссе туда, откуда пришел. Даже роботы не явились к нему на помощь. Он

должен был сделать все сам, мог надеяться только на себя. Они держались от него в стороне и наблюдали, как он покинул почерневший город.

Вдалеке он увидел корабль.

На востоке занялся рассвет, и звезды на небе начали бледнеть.

— Победив в войне, — сказал ей Вейсс, — они обнаружили нас. Сначала они не имели ни малейшего представления о том, что мы такое, но им в руки попали какие-то документы, из которых они узнали, на что мы способны. Ведь нас всех тщательно зарегистрировали и хранили в определенном порядке. Поэтому новые хозяева начали нас будить и просить о самых разнообразных услугах — надо сказать, очень вежливо.

— А кем вы были — если вам удалось открыть целый мир? — спросила Сапфо.

В утреннем, призрачном свете сверкнула его улыбка.

— Эрик Вейсс, — сказал он. — Я могу сбежать отовсюду, куда бы меня ни поместили, включая кучу живого желатина. К вашим услугам, миледи. — И он церемонно поклонился. — Они знали, что я способен распахнуть для них дверь в мир, дверь, которая не пожелала поддаться им, но совершили ошибку, посчитав, что им удастся снова отправить меня в заключение.

— А почему вы думаете, что конец близок? Вы сказали мне об этом немного раньше.

— Я чувствую, что скоро может произойти какая-то катастрофа. Я могу погрузить вас в сон, если пожелаете. Я подумал...

— Нет, — быстро проговорила она. — Я хочу остатся. Расскажите мне.

— Ладно. Недавно они послали одного из наших на свою родную планету, чтобы он там выступил, развлекая их правителей. Я спрятался неподалеку от его корабля. Мне удалось поговорить с ним, и я выяснил, чего они от него хотели; в свою очередь, я поведал ему многое из того, что сам знал про расу

наших хозяев. Его решение основывалось на том, что я ему сказал — хотя я и пытался его отговорить. Видите ли, за этим высоким горным хребтом, к северу, находится небольшая колония, где живут те, кого мне удалось освободить — господа про нее ничего не знают. Таким образом мне удалось получить совет многих, а также дополнительную информацию от тех, кого будили и вынуждали выполнять то или иное задание. Сейчас мы послали за другим человеком. Макиавелли* проанализировал ситуацию и думает, что мы обречены.

— Почему?

— Ну, — сказал Вейсс, — если политическая ситуация и в самом деле такова, как он предполагает, и человек, с которым я разговаривал, мертв...

Франсуа взошел на борт корабля и произнес слова, которым его научили. Люки у него за спиной закрылись, и корабль поднялся в воздух. Он оставил свой груз в одной из кают.

Его окружала абсолютная тишина.

Всю дорогу он сидел и смотрел в иллюминатор.

— Видите ли, первая раса — та, что все это затеяла, — мертвa, — сказал Вейсс. — Если Макиавелли прав и случится то, что, по его предположению, должно случиться, они уничтожат все оставшиеся образцы — иными словами, нас.

— Что это? — Сапфо показала рукой наверх.

Он поднял голову. Огромный клиновидный корабль безмолвно проплыval над долиной, его киль разрезал утренний воздух. Судно опускалось, вот оно уже совсем близко...

— Это, — ответил Вейсс, — корабль, на борту которого находится последний человек, который покинул эти места. Он, по всей видимости, возвращается с

* Никколо Макиавелли (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, историк, писатель.

останками игрока и сможет рассказать нам, какая настанет судьба, — если сам не находится в заточении или вообще не погиб.

Франсуа выбрался наружу; люки безмолвно закрылись у него за спиной, и корабль взлетел. Он положил труп на землю и принялся наблюдать, как корабль начал набирать скорость, неожиданно превратился в огромный золотистый шар, а через несколько мгновений раздался звук, похожий на раскаты грома.

Франсуа увидел, что издалека к нему приближаются двое, и стал ждать, когда они подойдут.

— Ну, каков приговор? — крикнул Вейсс.

— Мы будем жить, — ответил Франсуа. — Они рассказали мне о своих опасениях и попросили прощения. Похоже, слухи, ходившие здесь, оказались правдой. Их последний глава государства убил своего генетического брата, чтобы захватить власть. Заодно он еще и прибрал к рукам его жен. Сын убитого правителя это подозревал, но у него не было фактов. Он прикончил своего отчима после того, как увидел, как тот отреагировал на пьесу. Весь двор погиб во время последовавшего восстания.

— В таком случае почему?..

— Трудно постичь расу, настолько развитую, что она смогла захватить межзвездную империю, но которая при этом отличается такой беспредельной доверчивостью. Однако они обосновали свои выводы какими-то законами логики. Каждый из тех, кого они будили, продемонстрировал выдающиеся способности в той или иной области. Теперь они считают, что тут не обошлось без божества. Первая раса его беспокоила, и она погибла. Их правитель тоже вызывал у божества опасения, и поэтому оно решило разобраться с ним, а заодно и со всеми придворными. Теперь они убеждены, что мы — боги старой расы, и боятся нашего гнева. Они изолировали дворец, пока не нашли одного из нас, чтобы он забрал тело. Они больше не хотят иметь с нами ничего общего. Вы же видели, они

даже уничтожили корабль, который использовался для этих целей.

— Если бы меня занимали проблемы жизни и смерти, я бы и сам испугался проклятия, — сказал Франсуа, а потом, насвистывая себе под нос, поднял тело и понес его в сторону долины, где стояли башни.

Через некоторое время Сапфо прикоснулась к руке Вейсса. Он улыбнулся и заглянул в ее темные глаза.

— А что это за маленькие тарелочки, стоящие перед каждой башней? — спросила она.

— Не знаю. Мне так и не удалось это выяснить.

— Они похожи, — заявила она, — на подношения, которые мой народ делал богам, давным-давно, на Земле.

— Вы хотите сказать?..

— Я думаю, что мы на самом деле были богами той первой расы. По какой-то причине они поклонялись самым великим представителям человечества и оберегали здесь их вечный сон. Я знаю вон того человека, у вас за спиной — с ожерельем и боевой раскраской на теле. Это Агамемнон*.

Франсуа снял с тела саван и начал убирать его в башню с питательной жидкостью.

— Раса, которая искала богов среди представителей другой расы?

— Это не глупее, чем пытаться найти их где-либо еще.

Они наблюдали за трудящимся Франсуа.

— Тот бедняжка... — проговорила Сапфо. — Он спас нас. — И в ее глазах появились слезы.

— Если первая раса считала его богом, они очень рисковали, когда перенесли его тело, — заметил Франсуа.

— Может быть, — сказал Вейсс, — они надеялись таким образом избежать проклятия, которое он обещал на них наслать.

* Агамемнон — в «Илиаде» царь Микен, предводитель греческого войска в Троянской войне.

— А захватчики не верили в богов расы, которую стерли с лица земли — до сих пор, — предположил Франсуа. — Мы свободны. Этот мир принадлежит нам. Больше нас не побеспокоят. Я... Проклятье!

Вейсс бросился к нему, но было слишком поздно. Он поскользнулся на желатиновой кляксе и ударился виском о единственный камень, имеющийся в долине. Он упал и остался неподвижно лежать на земле.

Они подняли его и положили внутрь другой башни.

— Не верю, что это простое совпадение, — сказал Вейсс. — Так должно было случиться.

— Его ведь можно оживить, правда?

— Думаю, да. До тех пор пока существует эта субстанция, нам не грозит ни смерть, ни ранения. А ее хватит на то, чтобы привести в чувство все человечество.

— А что означают слова на камне, о который он ударился? Они написаны на твоем языке?

— Да, — ответил он и прочитал про себя:

ДОБРЫЙ ДРУГ, РАДИ ВСЕХ СВЯТЫХ,
ОСТЕРЕГАЙСЯ
ТРЕВОЖИТЬ ПРАХ, ЛЕЖАЩИЙ ЗДЕСЬ!
БУДЬ БЛАГОСЛОВЕН ТОТ, КТО ПОЩАДИТ ЭТИ
КАМНИ,
И БУДЬ ПРОКЛЯТ ТОТ, КТО ТРОНЕТ МОИ
КОСТИ.

— Здесь говорится, что он не хочет, чтобы его беспокоили.

— У него такое доброе лицо, — сказала она. — Кем он был?

— Никто не знает точно, — ответил Вейсс.

Сапфо вынула цветок из волос и положила его к ногам только что умершего человека, заключенного в целительную капсулу.

Эрик Вейсс отвернулся, чтобы не видеть ее чудных, грустных глаз, он снова стал пленником в клетке своей души.

ПЕСНЬ ГОЛУБОГО БАБУИНА

Оставалось только три вещи, которых он мог ждать с нетерпением. Возможно, четыре. Уверенности на счет четвертой не было, он должен сначала ее найти — или она его.

Он стоял у мраморной скамьи в саду, заросшем цветами. Солнца не было видно, но рассеянный свет — утренний или вечерний — словно легкое покрывало окутывал окрестности. Легкий ветерок шевелил ветви деревьев, играл листьями.

Он опустился на скамейку и, наслаждаясь тонким ароматом цветов, принял разглядывать их яркие головки. Пока он сидел, последнее прикосновение наполненного раскаянием забытья соскользнуло, а потом и вовсе покинуло его сознание.

А вскоре где-то далеко, у него за спиной, возник звук — однообразный, пронзительный, все выше и выше... превратился в вопль мчащегося на полной скорости товарного поезда. У него задрожали руки, и он сжал их в кулаки, засунул в карманы.

Так же неожиданно, как и возник, вой смолк. Голубой бабуин спел свою песнь.

Song of the Blue Baboon

© 1968 by Roger Zelazny

Песнь голубого бабуина

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1996

В саду снова застремотали насекомые, ожили птицы.

Он услышал шаги и повернулся. На выложенной плитками дорожке стояла она — голубая блузка расстегнута у ворота, черные брюки закатаны, так что видны белые сандалии. Волосы распущены и спадают на плечи.

Она улыбнулась, прикоснувшись к его руке:

— Кеннет...

Он поднялся на ноги, и в следующее мгновение она бросилась к нему на шею.

— Сандра! — воскликнул он и усадил ее рядом с собой на скамейку.

Они еще долго сидели, ничего не говоря друг другу, только он крепко обнимал ее за плечи. А потом произнес:

— Это было так странно.

— Странно, что ты стал героем? Тем, кто воевал, многое было прощено в День Освобождения.

— Нет, странно, что ты ко мне вернулась. Я и не думал, что снова тебя увижу.

Он сорвал белую камелию и украсил ее волосы.

— Ты не предатель, иначе разве стал бы ты сражаться в тот день, когда мы освободили Землю, — сказала она и погладила его руку.

Он улыбнулся:

— Я был слаб. Но предатель... Нет. Они ошиблись на мой счет.

— Я знаю. Теперь все это знают. Все в порядке. Забудь.

Но он не мог забыть. Крысы, прячущиеся в самых глубинах сознания, не переставая вгрызались в останки его памяти. Что? Что это?

Он вскочил на ноги и заглянул в ее темные глаза за пологом слез.

— Ты мне не все сказала. Что-то не так. Что?

Она медленно покачала головой и поднялась на ноги. Он отошел чуть в сторону, а потом и вовсе повернулся к ней спиной.

— Три вещи... А две другие? — спросил он.

— Я не понимаю, о чем ты, — сказала она.

— Тогда придется мне выяснить.

Наступила тишина. Он немного подождал, повернулся — она исчезла.

Он шел по тропинке, пока не оказался на дорожке, которая, извиваясь, пробиралась в зарослях деревьев с широкими листьями. Он услышал плеск воды и направился в ту сторону.

Человек у ручья стоял к нему спиной, но он узнал его по тому, как тот быстрым, знакомым движением поднес указательный палец к губам и сплюнил его, чтобы склеить сигарету, которую держал в руке. Вспышка, и в следующее мгновение в воздухе поплыл синеватый дымок.

Человек обернулся, и они принялись внимательно разглядывать друг друга.

— Роско...

Человек опустил сигарету, провел рукой по черной бороде, быстро сплюнул. На нем была рубашка цвета хаки и грязный мундир; на боку пистолет.

— Свинья! — сказал он и возмущенно помахал рукой с сигаретой.

— Что случилось, Роско?

— Ты спрашиваешь, что случилось, скотина?

— Я не...

— Ты нас предал во время вторжения! Ты отдал нашу башню этим голубым — бабуинам! — с другой планеты! Она выстояла бы! Мы одержали бы победу! Но из-за того, что ты нас предал, они поработили расу людей!

— Нет, — возразил он. — Я этого не делал.

— Ты дал им информацию. И они тебе за это хорошо заплатили!

И тут он вспомнил свой отряд, охранявший башню в море, такую огромную, что истребитель казался детсккой игрушкой рядом с ней; вспомнил зеленые волны Атлантики, далеко внизу, под станцией. Он там дежурил, когда мимо пролетал корабль, — один из трех сотрудников Автоматической Оборонной Станции но-

мер семь, принадлежавшей ООН. Двое других уже мертвы или призывают смерть, потому что сначала один идиот, а потом и другой стали пленниками странных инопланетян с голубым мехом — хианцев, появившихся накануне вечером неизвестно откуда — радар никак не реагировал на их корабль. Похожие на бабуинов, они, словно разъяренная стая, пронеслись по станции, иногда опускаясь на четвереньки — видимо, так им было удобнее, — а их победная песнь, состоящая из одной единственной пронзительной ноты, дикого вопля, напоминала сигнал паровозного гудка. Теперь, очевидно, станция принадлежит врагу целиком. Двое из них охраняли камеру, в которой он сидел. Он вспоминал, вспоминал...

— Я позволил им заплатить мне, чтобы они поверили, не заподозрили неладное, — попытался объяснить он. — Существует разница между полезной информацией и информацией никчемной.

— Не пытайся оправдаться, предатель, ты не мог знать, что окажется им полезным, а что абсолютно лишним. А потом ты позволил им назначить себя надсмотрщиком на фабрике и провел шесть исполненных самых разнообразных удовольствий лет.

— Все это время я был тесно связан с подпольщиками, ты же знаешь, мы готовились ко Дню Освобождения.

— Я думаю, ты работал и на тех, и на других; впрочем, это не имеет значения.

— Почему?

— Ты умрешь.

— Ты собираешься меня убить?

— Я уже это сделал.

— Не понимаю...

Роско рассмеялся, а потом, услышав голос Сандры, замолчал.

— ...А разве то, что он храбро сражался в День Освобождения, ничего не значит? — спросила она и встала у дорожки.

Роско выпустил кольцо дыма и отвернулся.

— Значит, ты призвал своего ангела-хранителя, надеясь, что она защитит тебя, — проговорил он наконец. — О чём это она? Ты струсил в тот день, когда началось восстание. Ты сбежал!

— Это неправда!

— В таком случае почему мне пришлось собственно ручно тебя пристрелить за дезертирство с поля боя — все пули были выпущены в спину?

Кеннет прижал руку ко лбу, потер его:

— Все неправда. Меня убили враги.

— Тебя убил я, она знает. Ты это знаешь!

— Я... я не мертв...

— В данный момент кто-то, по всей вероятности, печатает свидетельство о смерти, а хирург извлекает из твоего тела главные органы, чтобы трансплантировать их кому-нибудь настоящему мужчине. Ты это прекрасно знаешь! Тебе дали наркотик, притупляющий боль и растягивающий последние секунды до бесконечности. Иллюзия, ты разговариваешь всего лишь сам с собой. Здесь не лгут! Признайся, ты — предатель и трус!

— Нет!

— Ты все перевернул с ног на голову, — сказала Сандра. — Ты — страх и ощущение вины, которое испытывает каждый человек. Он был героем революции.

— Революция потерпела поражение. Мы потеряли Землю из-за таких, как он! Ты выдаешь желаемое за действительное. Ты — его последнее прикрытие.

— Мы не проиграли! Мы победили благодаря таким, как он! И тебе это прекрасно известно.

Вдруг Кеннет гордо поднял голову. Сначала неуверенно, а потом широко улыбнулся:

— Я понял. Все люди боятся последнего мгновения жизни, им хочется судить себя и быть судимыми, они мечтают о том, чтобы выяснилось, что они чего-то стоили...

— Они стремятся оправдаться и спрятаться за спину иллюзий, — перебил его Роско, — совсем как ты. Но в самом конце им дано познать правду. Ты тоже ее увиديшь.

С другого берега ручья донеслось пение трубы, к которому постепенно присоединились и другие инструменты. Где-то духовой оркестр играл марш.

Кеннет показал туда, откуда доносилась музыка:

— Три вещи. Подсознательно я знал, что у меня будет время для — возможно — трех важных вещей. Пусть меня судит тот, кто приближается!

Они пересекли ручей, перепрыгивая с камня на камень, шлепая по воде в тех местах, где было мелко. Потом взобрались на холм и взглянули вниз, на широкое шоссе. Повсюду виднелись здания, разрушенные и целые, около них толпились ликующие люди. Неожиданно на шоссе появились армии Освобождения. Ни у кого из солдат не было настоящей формы, все грязные, оборванные и уставшие, но держались прямо и маршировали четко и уверенно — вот-вот в них полетят цветы и серпантин. Вдруг они запели, все как один, их голоса слились, хотя казалось, что они поют разные песни. Национальные гимны народов, населявших Землю, превратились в единую Песнь Человека, заглушившую ликующие крики толпы.

— Вот твой ответ, Роско! — крикнул он. — Я был прав! Пошли к ним!

Бородатый мужчина начал спускаться вниз по склону, чтобы присоединиться к проходящей армии. Кеннет сделал один шаг, а потом повернулся и протянул руку.

Сандра исчезла.

Что-то белое плавно опустилось у его ног, он наклонился и поднял камелию, которой украсил ее волосы. Когда он выпрямился, сердцевина цветка изменила цвет, потемнела, черное пятно расплзлось, как большая клякса, поглотила все...

ГОД ПЛОДОРОДНОГО ЗЕРНА

Был Год Плодородного Зерна.

Когда капитан Плантер спускался с освещенного вспышками ночного неба на своей мощной игле — за ней тянулась алая пламенеющая нить, консультант и физик стояли рядом с ним. В его распоряжении находились все необходимые механизмы, голова забита разными историями, он прибыл в Год Плодородного Зерна.

Праздник, время всеобщего ликования. Время сеять мир, счастье и надежду.

Время поклонения.

Капитан Плантер стоял на склоне холма и смотрел на город, а у него над головой голубело утреннее небо.

Устремив взгляд вниз через просторы прихваченной ночным морозцем травы, окутанной легким туманом, он рассматривал шпили и дома, и купола города, испещренные яркими бликами — солнце еще только вставало, и прямые линии утонувших в тени улиц. Впрочем, он видел лишь часть города, даже несмотря на то что находился высоко над ним — это был один из самых больших городов планеты. Сверху он напоминал огромный именинный пирог, украшенный зажженными свечами и испеченный ко дню тысяче-

The Year of the Good Seed

© 1969 by Roger Zelazny and Danny Plachta

Год Плодородного Зерна

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1996

летия цивилизации. Вполне возможно, что так оно и было.

— Наверное, они нас заметили, — промолвил Кондем, его консультант. — Скоро будут здесь.

— Да, — согласился капитан.

— Они гуманоиды, — напомнил Кондем, — если антропологи не ошиблись, конечно.

— Похоже, что не ошиблись, — сказал Плантер, опуская бинокль. — Город очень напоминает земной...

— Интересно, неужели они — причина того, что происходит?

— Вполне возможно, — ответил капитан.

— Странно.

— Может быть.

Под небесами, освещенными желтым солнцем, они встретились с жителями города и установили с ними контакт. Потом встретились с представителями городских властей и с представителями большого правительства, частью которого являлись городские власти, и установили контакт с ними. Встретились со священниками, с которыми поговорили о религии, частью которой было большое правительство — и тоже установили с ними контакт. Они все были люди, иными словами, имели самую обычную человеческую внешность.

Плантер и его команда видели всеобщее ликование, чувствовали праздничное настроение, посещая сенаты, храмы, роскошные особняки, военные базы, конференции и телестудии; когда проходили по улицам, заглядывали в лаборатории, и снова оказывались в храмах.

И все потому, что был Год Плодородного Зерна.

Капитану и его помощникам пришлось ответить на множество вопросов, прежде чем они сами смогли спросить хоть что-нибудь.

Но не успели они задать даже один вопрос, как начались фейерверки.

Это произошло на седьмой день. Янинг, физик, прищурился, как он это обычно делал, и посмотрел на закат, а потом сказал:

— Началось.

Плантер подошел к окну апартаментов, выделенных им в одном из городских храмов. И уставился на полярное сияние — потрясающее зрелище, ослепительные, яркие краски, от которых больно глазам и ноет сердце.

— О Господи, — прошептал он.

— Все небо превратилось в какую-то нелепую радугу, — проговорил Кондем, который встал рядом с ним.

— Взрывы гораздо ближе, чем мы думали, — сказал Янинг. — Похоже, они зарождаются на планете, а не на солнце.

— Ну хорошо, с какой целью? Испытания? Не очень-то в это верится, потому что взрывы происходят в соответствии с определенной закономерностью. Вот и сейчас — точно по расписанию.

— Не только природные явления, — заметил физик, — возникают в соответствии с определенной закономерностью.

— Мораторий, следом за ним бойня, новый мораторий, потом... Как-то все это бессмысленно.

— Они, конечно, на нас похожи — внешне, — проговорил Кондем. — Но это не значит, что внутри у них то же самое. Некоторое время мы рассматривали возможность того, что это местный Армагеддон*. Только здесь все в порядке. Ничего похожего на атомную войну или восстановительные работы после нее. Из того, что мы видели и что они нам говорили, ясно, что это предположение неверно.

— Из того, что они нам показали, — поправил его Плантер. — Интересно...

— Что? — спросил Янинг.

* Армагеддон — в христианских мифологических представлениях место битвы на исходе времен, в которой будут участвовать «цари всей земли обитаемой» (Апокалипсис 16, 14—16).

— Может быть, кто-то или что-то умирает где-нибудь?

— Что-то всегда где-нибудь умирает, — философски согласился Янинг. — Важно только количество смертей, причина... и место.

— Они, конечно, на нас похожи — внешне... — снова начал Кондем.

В дверь постучали.

Капитан впустил Ларена, Верховного священнослужителя главного храма города.

Ларен был на несколько дюймов ниже и на несколько фунтов тяжелее любого из них. Его редеющие волосы были зачесаны так, чтобы скрыть начинавшую появляться плеши. Твидовое одеяние скрывало остальное его тело, от плеч до колен, а улыбка, которая могла означать слабоумие или высшую степень наслаждения, освещала широкоскулое лицо.

— Господа, — сказал он, — началось. Я пришел спросить вас, не присоединитесь ли вы к нашему богослужению в честь Создателя Вселенной. Однако я вижу, что вы это уже сделали.

— Богослужение? — переспросил Плантер.

— Друзья, вы видите на небесах первые, внешние признаки этого времени года.

— Северное сияние? Вспышки? Это ваших рук дело?

— Конечно, — ответил Ларен. — Мы поклоняемся Ему, как Он есть, приносим на жертвенный алтарь чистую энергию.

— То есть вы устраиваете в космосе ядерные взрывы?

— Именно. Ибо разве всегда, и в данный момент и во веки вечные, Он не проявляет Себя в солнечном цикле? Разве не Он является силой, которая отделяет один атом от другого, чтобы свободная энергия наполнила, словно благословенная река, Его великую Вселенную?

— Наверное, — проговорил Плантер. — Хотя раньше я никогда так об этом не думал. Кстати, именно по этой причине мы и прибыли в ваш мир.

— Чтобы посмотреть, как мы Ему поклоняемся?

— Ну... да. Жертвоприношения чистой энергии на небесный алтарь были замечены за пределами вашей солнечной системы. Они возникают с такими регулярными интервалами — между ними проходит примерно половина жизни одного поколения. Сначала мы решили, что с вашим солнцем происходит что-то неладное. Довольно неожиданно... узнать, что это молитвы.

— А что же еще это может быть? — спросил Ларен.

— Если не бури на солнце, значит, это признаки войны на вашей планете.

— Война? Да, у нас идет война. И есть волнения, которые предшествуют войне и следуют за ней. На самом деле у нас скорее волнения, чем сама война. Видите ли, на другом континенте... другая власть... Только я не понимаю, каким образом наш праздник, посвященный Году Плодородного Зерна, может быть принят за военные действия.

— Год Плодородного Зерна? — спросил Янинг. — А что это такое?

— Это год, когда нужно сеять новое, хорошее, то, что пустит корни и будет произрастать в течение цикла последующих лет. К тому времени, когда наступит Год Тысячи Цветов, надежды, которые мы питаем сейчас, в этом году, будут исполнены.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Янинг, повернувшись к капитану. — Похоже на циклы, которые отмечаются во многих азиатских странах. У них есть Год Крысы, Год Быка, Год Тигра, Год Зайца, потом идет Год Дракона, Змеи, Лошади, Обезьяны, Петуха, Собаки и Свиньи. Порядок основывается на древних представлениях об астрологии — и каждая астрологическая система является, в конечном счете, мифом о солнце. Здесь религия, похоже, родилась во время сельскохозяйственной фазы развития их общества — влияние солнца на все, что растет. На этом и зиждутся ее постулаты, а праздники местные жители отмечают

роскошными фейерверками. И используют самое мощное взрывчатое вещество, которое у них есть.

— Все так, как вы сказали, — кивнул Ларен.

— И больше ничего? Они применяют ядерную энергию только для этих целей? — переспросил Плантер.

— Меня бы не удивило, если бы выяснилось, что дело именно так и обстоит. Ведь китайцы изобрели порох и использовали его исключительно для хлопушек. Понадобилось сознание европейца, чтобы употребить такую полезную штуку для уничтожения себе подобных.

— Извините... но я не понимаю, о чем вы говорите, — вмешался Ларен. — Если эта вещь «порох» была чем-то вроде молитв и одновременно к ее помощи прибегали для уничтожения людей, означает ли это?.. Я не понимаю!

— Именно, — сказал Янинг.

— Верно, — продолжал Ларен, — если бы мы стали поклоняться своим богам прямо над вражеским городом, он перестал бы существовать. Но это же святотатство! Никто не пойдет на такое.

— Нет, конечно, — успокоил его Плантер.

Ларен повернулся к окну и посмотрел на небо, расцвеченнное ослепительными молитвами. А потом после некоторого раздумья сказал:

— Неужели такие вещи уже совершились?

— Возможно, — ответил Плантер. — Давно, в одном удаленном отсюда месте.

— Создатель хочет, чтобы справедливость торжествовала, — заявил Ларен. — Если это сделают добродетельные люди вроде нас, тогда такой поступок нельзя рассматривать как святотатство. Это будет исполнение Его воли.

— Действия, совершенные невежественными людьми; в других местах, не должны вас беспокоить, — сказал Янинг.

— Верно, — ответил священнослужитель.

— Так что давайте об этом забудем, — сказал Плантер.

— Да, конечно.

Они вместе наблюдали за церемонией начала Года Плодородного Зерна.

Чуть позже, когда они все еще двигались с досветовой скоростью, световые реки омыли корабль капитана Плантера. Кондем проинформировал его, что природа взрывов нехарактерна — судя по спектру, излучение прошло сквозь атмосферу. И капитан должным образом внес это наблюдение в свой бортовой журнал.

КРЕСТНИК

В первый раз я увидел Морриса Литема рядом с купелью, где он стал моим крестным отцом. Я был слишком мал, чтобы это запомнить. С тех пор он навещал меня ежегодно, в день моего рождения. Этот год не стал исключением.

— Морри, — сказал я, протирая глаза руками.

Когда я наконец открыл их, то в сером, предутреннем полумраке спальни, на стуле рядом с подоконником, на котором стоял цветочный горшок с засохшей геранью, увидел гостя, высокого и худого, будто страдающего отсутствием аппетита.

Улыбаясь, он поднялся на ноги и подошел к моей постели. Протянул руку и помог встать.

— Одевайся! — весело заявил он, вручая мне рубашку и брюки.

Когда мы выходили из комнаты, тетя Роза и дядя Мэтт еще крепко спали.

Казалось, минуло всего несколько секунд, а мы уже шли вдоль витрин универмага. Полное освещение еще не включили, внутри никого не было.

— Что мы здесь делаем? — спросил я.

— Я хочу, чтобы ты осмотрелся и выбрал себе подарок на день рождения.

Godson

© 1994 by The Amber Corporation

Крестник

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1996

— Я знаю где, — быстро ответил я. — Пошли.

Я провел его мимо скамейки, на которой неподвижно лежал ночной сторож, остановился возле витрины и показал.

— Какой тебе нравится больше всего? — поинтересовался Морри.

— Вон тот, черный.

Он рассмеялся:

— Один черный велосипед для Дэвида. Ты получишь похожий, только лучше. Его доставят вам домой сегодня днем.

— Спасибо! — воскликнул я, повернулся и обнял Морри. А потом, подумав немного, добавил: — Тебе не кажется, что нам следовало бы разбудить охранника? Может прийти его босс.

— Охранник уже несколько часов мертв. Инфаркт миокарда. Смерть пришла к нему во сне.

— Ой...

— Большинство людей говорят, что они хотели бы умереть именно так; для него все закончилось хорошо, — сказал Морри. — В прошлом месяце ему исполнилось семьдесят три. Его босс думал, что он моложе. Охранника звали Уильям Стрейли... для друзей — Билл.

— Вот здорово, ты многих знаешь!

— У меня такая работа — постоянно встречаюсь с самыми разными людьми.

Я не очень четко представлял себе, чем занимается Морри, но на всякий случай кивнул.

Я проснулся через несколько часов, помылся, оделся и спустился вниз, чтобы позавтракать. Возле моей тарелки стояла поздравительная открытка; я прочитал ее и поблагодарил тетю Розу.

— Ты должен знать, что мы помним, — сказала она.

— Мой крестный отец Морри тоже не забыл. Он приходил рано утром, и мы были в универмаге, где я выбрал себе подарок и...

Она посмотрела на часы:

— Универмаг открывается через полчаса.

— Знаю, — кивнул я. — А мы все равно там были. Жаль только вот ночного охранника — умер во сне, на скамейке... А Морри пришлет мне сегодня днем десятискоростной черный велосипед!

— Давай не будем больше об этом, Дэвид. Ты знаешь, как твой дядя Мэтт начинает волноваться, когда слышит про Морриса.

— Я просто хотел предупредить, что мне привезут велосипед.

— Сегодня утром у нас никого не было. Никто не приходил и никто не уходил. Ты просто тоскуешь о родителях. Вполне естественно, что тебе снятся такие сны в день рождения.

— Но я же получаю подарки!

— Нам трудно об этом судить — ведь в прошлом году ты не жил с нами.

— Ну, тут ты права. Морри всегда мне что-нибудь дарит. Папа бы подтвердил.

— Может быть, — со вздохом сказала тетя Роза. — Странно только, что Моррис так с нами и не познакомился.

— Он очень много путешествует.

Она отвернулась и принялась поджаривать гренки.

— Пожалуйста, не говори об этом Мэтту.

Я кивнул, когда она взглянула на меня.

В полдень раздался звонок.

Я открыл дверь и сразу увидел его: велосипед, выкрашенный такой темной и блестящей краской, что казалось, будто он состоит из черных зеркал. Я так и не смог найти на нем марки производителя, только серебристую пластинку на рулевой стойке в форме маленького черного сердца. На раме красовалась открытка:

С днем рождения, Дэвид. Его зовут Дорел. Обращайся с ним хорошо, и он будет тебе служить верой и правдой.

M.

Прошло много лет, прежде чем я понял, что означают эти слова. Но первое, что я сделал — после того

как снял открытку и показал ее дяде Мэтту, — это спустил велосипед по ступенькам, вскочил на него и помчался по улице.

— Дорел, — негромко проговорил я. — Он сказал мне, что тебя зовут Дорел.

Возможно, это было игрой моего воображения, но мне почудилось, что в ответ его черная, как ночь, рама завибрировала.

Во всем, что Морри дарил мне, было нечто особенное. Например, Волшебный Набор, который он прислал в прошлом году вместе с мотком альпинистской веревки — я ею так никогда и не воспользовался (потому что не умею лазать по горам). Или «Пятиминутный Деформатор Времени» — его назначение осталось для меня тайной, однако я носил его в кармане.

— Меня зовут Дэвид, — продолжал я. — Ты красивый и быстрый, тобой легко и удобно управлять. Ты мне очень нравишься.

И пока я ехал до угла и обратно, у меня было ощущение, что мы катимся вниз.

Когда я поставил Дорела у крыльца, меня уже поджидал дядя Мэтт.

— Я только что узнал, — заявил он, — что ночной охранник умер от сердечного приступа сегодня утром.

— Знаю, — ответил я, — я уже рассказал об этом тете Розе.

— А кто тебе об этом сообщил?

— Я там был еще до открытия универмага, вместе с Морри. Он отвел меня туда, чтобы я выбрал себе подарок.

— А как вы вошли?

— Честно говоря, я уже не помню подробностей.

Дядя Мэтт поскреб подбородок и пристально посмотрел на меня сквозь толстые стекла очков. У меня были такие же серые глаза, как и у него... Неожиданно я вспомнил: у отца — тоже.

— А как он выглядит, твой крестный? — спросил дядя Мэтт.

Я пожал плечами. Не так-то просто его описать.

— Довольно худой. По-моему, у него темные волосы. И очень приятный голос. Когда он о чем-то просит, хочется сделать для него все-все.

— И больше никаких деталей?

— Пожалуй, да.

— Проклятье! Это же не описание, Дэвид. Тут кто угодно подходит.

— Мне очень жаль.

Я уже собрался уходить, но дядя Мэтт взял меня за плечо и сжал его.

— Я не хотел бы тебя расстраивать, — проговорил он. — Просто эта история выглядит весьма необычно. Не следует плохо говорить о покойном брате, однако всем известно, что бедняга сильно выпивал. Особенно ближе к концу жизни. Именно поэтому твоя мать и ушла от него. Полагаю, как раз пьянство и явилось причиной смерти моего брата.

Я кивнул. Все это мне уже приходилось слышать раньше.

— Он рассказывал совершенно неправдоподобную историю о том, как познакомился с твоим крестным отцом. Похоже на бред спившегося троцкиста-параноика, я не поверил ни единому его слову. И сейчас не верю.

Я уставился на дядю Мэтта. Мне было известно, что такое параноик.

— Не помню этой истории, — сказал я. — Если вообще я ее когда-нибудь слышал.

Дядя Мэтт вздохнул и поведал мне все.

Моему отцу приснилось, что он встретился с Морри на перекрестке дорог. Раздался гром, сверкнула молния, и отец услышал голос, который заявил:

«Я Бог. Ты настроил против себя всех своих близких, и я сочувствую тебе. Я решил быть крестным отцом твоего сына и сделать его счастливым».

На что мой отец ответил:

«Ты все отдаешь богатым, а бедных заставляешь работать за гроши. Я не хочу, чтобы ты был крестным отцом моего сына».

И снова грянул гром, и туча пропала.

Тут же разверзлась земля, в воздух поднялся столб огня, и послышался голос:

«Я Сатана. Приди ко мне. Я подарю твоему сыну богатство. Позабочусь о том, чтобы он ни в чем не нуждался в этом мире».

Мой отец ответил:

«Ты король обманщиков. Я не хочу иметь с тобой никакого дела, потому что не верю ни единому твоему слову».

И, ярко полыхнув, огонь погас, трещина исчезла.

А когда отец почти проснулся, появилась тень и сказала:

«Когда ты поднимешься ото сна, выйди на улицу. На первом же перекрестке я тебя встречу».

«Кто ты такой?» — спросил отец.

«Я тот, кто делает всех равными, — последовал ответ, — причем самым демократическим способом».

И мой отец встал, оделся, вышел в темноту и направился к первому же перекрестку. Там он встретил Морриса, который предложил ему быть моим крестным отцом, обещав при этом, что его крестник ни в чем не будет нуждаться.

— Ты понимаешь, что все это значит? — спросил у меня дядя Мэтт.

— Угу. Хорошо, что отец пошел на перекресток, иначе я не получил бы велосипеда.

Дядя Мэтт некоторое время задумчиво смотрел на меня.

— Роза и я не были на твоем крещении — незадолго до него мы разругались с Сэмом. Поэтому ни она, ни я не имели возможности познакомиться с Морриком.

— Я знаю.

— В следующий раз скажи крестному, чтобы он к нам зашел на огонек. Неплохо было бы на него посмотреть.

— Он говорит, что вы обязательно увидитесь, — сказал я дяде Мэтту. — Морри утверждает, что все

рано или поздно с ним встречаются. Я его попрошу, чтобы он назначил время...

— Нет, не надо, — неожиданно резко перебил меня дядя Мэтт.

Вечером того же дня, когда гости ушли, я снова ушел кататься на своем новом велосипеде. Поскольку я не знал адреса, по которому можно было бы отправить письмо с благодарностью за прекрасный подарок, я решил навестить Морри и сказать ему «спасибо». В прошлом, когда мне хотелось повидаться с ним между днями рождения, я начинал размышлять о том, как бы это сделать — и очень скоро обязательно с ним сталкивался. Совсем недавно я видел его в толпе, собравшейся у места автомобильной катастрофы. И однажды на пляже, когда наблюдал за тем, как спасатель делал искусственное дыхание какому-то парню. Однако на этот раз я проверну встречу с шиком!

Я налег на педали и вскоре оказался на окраине города. Дорога пошла под уклон, и я отпустил педали; где-то неподалеку была лесопилка, этой дорожкой пользовались охотники, рыбаки, любители пеших прогулок и студенты после кино или вечеринок с танцами. Здесь было темнее, чем на вершине холма, поэтому я свернул налево и поехал по длинной тропинке, под густой летней листвой.

— Дорел, я тобой очень доволен, — сказал я, — но мне хочется встретиться с Морри и поблагодарить его за такой замечательный подарок. Я был бы тебе признателен, если бы ты мне помог.

Мой темный друг тихонько задрожал, и, когда мы сделали очередной поворот, возник странный стробоскопический эффект. Сначала мне показалось, что это связано с необычным углом, под которым пробивались сквозь листья солнечные лучи, но, после того как мрак вокруг стал сгущаться, я понял, что дело совсем в другом.

Велосипед сам катился все дальше в темном туннеле — я заметил, что мне больше не требуется нажимать на педали, нужно было лишь поворачивать туда,

откуда струилось слабое сияние. Дорел вибрировал и явно набирал скорость.

Через некоторое время стало светлее, мы оказались в галерее, где со стен и потолка свисали сталактиты и едва слышно журчала вода в тихих бассейнах. Повсюду, куда я только ни бросал взгляд, стояли свечи — на каждом уступе стены, в каждой нише, на любом, даже самом маленьком участке плоской поверхности. Они отличались друг от друга размерами, но все горели ровным ярким огнем. Здесь не было сквозняков, если не считать потока воздуха, вызванного нашим движением. Впрочем, мы замедляли ход...

Я спустил ногу на землю и остановился. Никогда в жизни я не видел столько зажженных свечей сразу.

— Спасибо, Дорел, — прошептал я.

Я откинул упор и поставил Дорела, а сам решил немного прогуляться. Из грота во всех направлениях уходили туннели — повсюду сияли бесчисленные огни. Изредка догоревшие до конца огарки вспыхивали в последний раз и гасли. И тогда, словно черные бабочки, по стенам начинали метаться тени.

Отойдя от грота, я вдруг испугался, что могу заблудиться. И принялся искать Дорела. Как только я сяду на него, мой велосипед легко найдет дорогу назад.

Я оглянулся и заметил темную тень, летящую среди огней и сталактитов. Это был мой велосипед, в седле которого сидел Морри. Дядюшка, не торопясь, крутил педали и улыбался. Мне показалось, что за спиной у моего крестного развевается темный плащ. Он помогал мне и вскоре уже стоял рядом.

— Я рад, что ты приехал навестить меня, — сказал Морри.

— Хотел поблагодарить за подарок. Дорел просто замечательный!

— Рад, что он тебе понравился. — Морри слез с велосипеда и поставил его на упор.

— Никогда не слышал, чтобы у велосипеда было имя, — заметил я.

Морри провел костлявым пальцем по рулю:

— Он в большом долгу передо мной и теперь старается загладить вину. Не хочешь выпить чашку чая или горячего шоколада?

— Люблю горячий шоколад, — признался я.

Дядюшка отвел меня за угол, где в нише лежал плоский камень, накрытый красно-белой ситцевой скатертью. На столике я увидел две чашки с блюдцами, рядом — салфетки и чайные ложечки. Заиграла классическая музыка, но я не мог определить, откуда доносились звуки. Морри взял графин, стоявший на подставке, под которой горела одна из свечей, и наполнил наши чашки.

— Что это за музыка? — спросил я.

— Мой любимый quartet Шуберта в до минор. Хочешь зефира?

— Да, пожалуйста.

Он положил мне на блюдечко зефир. Мне было трудно разглядеть выражение его лица, на котором плясали многочисленные тени.

— Ты здесь работаешь, Морри, или живешь?

Крестный протянул мне чашку, откинулся на спинку стула и принялся трещать суставами пальцев, чему я всегда ужасно завидовал.

— У меня много работы снаружи, — ответил он. — Но можешь считать, что тут находится мой офис и квартира. Да, пожалуй, так оно и есть.

— Понятно, — задумчиво проговорил я. — Здесь хорошее освещение.

Дядюшка засмеялся. А потом сделал широкий жест, и ближайшая свеча ярко вспыхнула.

— Она подумает, что это заклинание, вызывающее обморок, — заметил Морри.

— Кто? — поинтересовался я.

— Леди, которой принадлежит эта свеча. Ее зовут Луиза Трухильо. Ей сорок восемь лет, и она живет в Нью-Йорке. В ее распоряжении еще двадцать восемь лет. Bueno*.

* Хорошо (исп.). (Здесь и далее примеч. пер.)

Я опустил чашку, медленно повернулся и посмотрел на огромную пещеру и множество туннелей, которые расходились в разные стороны.

— Да, — промолвил Морри через некоторое время. — Все здесь, и у каждого своя.

— Я читал, что в мире живет несколько миллиардов людей.

Он кивнул:

— Много воска.

— Хороший шоколад, — сказал я.

— Спасибо. Для Большой Десятки наступили тяжелые времена.

— Что?

— Все интересное происходит сейчас на Западе.

— Ах вот ты о чем, — сообразил я. — Футбол. Ты говоришь об университете футболе, не так ли?

— Да, но игры профессиональной лиги я тоже люблю. А ты?

— Я мало что о ней знаю, — ответил я. — Но хотел бы, чтобы ты мне рассказал.

И Морри с удовольствием исполнил мою просьбу.

Прошло много времени, теперь мы просто сидели, созерцая бесконечное мерцание свечей. Наконец крестный снова наполнил наши чашки.

— А ты думал о своем будущем? Чем ты собираешься заняться, когда вырастешь? — поинтересовался он.

— По правде говоря, нет, — ответил я.

— Почему бы тебе не стать врачом? Мне кажется, у тебя есть талант. Я позабочусь о твоем образовании, — сказал Морри. — Ты играешь в шахматы?

— Нет.

— Очень интересная игра. Стоит попробовать. Хочешь, я тебя научу?

— Ага.

Не знаю, как долго мы с ним просидели, используя в качестве доски квадраты скатерти. Фигурки были вырезаны из кости; белые и темные, они показались мне весьма изящными. Довольно быстро я понял, что мне эта игра нравится.

— Значит, врачом, — проговорил я, когда мы закончили очередную партию.

— Да, подумай над этим.

— Обязательно, — кивнул я.

Так я и сделал. Было приятно иметь какую-то цель. Я начал более серьезно заниматься математикой, химией и биологией. Учиться в колледже оказалось совсем нетрудно, а пока я размышлял над тем, где взять деньги на университет, умер дальний родственник и оставил мне в наследство приличную сумму, которой должно было хватить на весь период обучения.

Даже после того как я поступил в колледж, каждый год в день моего рождения я ездил на Дореле — а тот оставался таким же новеньkim и блестящим — в офис к Морри, где мы пили горячий шоколад, играли в шахматы и разговаривали о футболе.

— Ты заканчиваешь университет в июне, — сказал Морри. — Потом тебя ждет интернатура и практика.

— Верно.

— Ты знаешь, в какой области будешь специализироваться?

— Я уже почти выбрал дерматологию. Никому не придет в голову вызывать врача-дерматолога среди ночи.

— Хм-м, — проворчал Морри, помешивая шоколад костяной ложечкой. — Когда я предлагал тебе стать врачом, у меня в мыслях было нечто более серьезное... Терапевт, например.

Мимо пролетела летучая мышь, запуталась в складках плаща Морри, перевернулась вниз головой и повисла, зацепившись за шов. Я глотнул шоколада и сделал ход слоном.

— Придется напряженно работать, — наконец ответил я. — А дерматологи получают очень приличные деньги.

— Ба! — воскликнул крестный. И передвинул коня. — Шах. — Он усмехнулся. — Ты станешь самым знаменитым терапевтом в мире.

— В самом деле? — спросил я, изучая позицию.

— Да. На твоем счету будет немало чудесных исцелений.

— А ты уверен, что тебя устроят последствия? Если я буду настолько хорош, то смогу помешать развитию твоего бизнеса?

Морри рассмеялся:

— Существует равновесие между жизнью и смертью, и каждый из нас будет играть свою роль. Моя власть в действительности распространяется только на жизнь, а ты станешь властвовать над смертью. Считай, что у нас будет семейный бизнес.

— Ладно. Попробую, — ответил я. — Кстати, я сдаюсь. Мне грозит мат в четыре хода.

— В три.

— Тем более. И спасибо за подарок. Эти приборы для диагностики просто великолепны, я ничего подобного никогда не видел.

— Уверен, что они тебе пригодятся. С днем рождения, — улыбнулся Морри.

Для прохождения интернатуры я выбрал большой госпиталь в крупном городе на северо-западе. Теперь я встречался с Морри гораздо чаще, чем раньше. Обычно он забегал ко мне во время ночного дежурства.

— Привет, Дейв. Больная в палате номер семь отчаливает в 3.12 ночи, — заявил Морри, усаживаясь рядом со мной. — Сожалею о парне из палаты номер шестнадцать.

— Да, он быстро теряет силы. Мы знали, что это вопрос нескольких дней.

— Ты мог его спасти, Дейв.

— Мы все испробовали.

Он кивнул:

— Похоже, тебе пора научиться кое-каким новым вещам.

— Если ты решил прочитать мне лекцию, я ее обязательно запишу.

— Еще не сейчас, но уже довольно скоро, — отозвался Морри.

Он протянул руку и коснулся чашки с кофе, который давно остыл. Напиток мгновенно начал дымиться.

Крестный встал и посмотрел в окно.

— Мне пора, — вздохнул он, и через мгновение со стороны шоссе донесся вой клаксонов и визг тормозов, сопровождающийся звуком глухого удара. — У меня дела. Спокойной ночи.

И Морри ушел.

Довольно долго он не вспоминал о нашем ночном разговоре, и я уже подумал, что Морри о нем забыл. Однажды, следующей весной — был чудный солнечный денек — я решил прогуляться в парке. И вдруг мне показалось, что я отбрасываю сразу две тени. А потом одна из них заговорила со мной:

— Прелестный день, Дейв, не так ли?

Я посмотрел по сторонам:

— Морри, ты всегда появляешься так бесшумно!..

— Это точно.

— Да и оделся ты слишком торжественно для такого теплого и ясного утра.

— Рабочая одежда, — объяснил он.

— Именно поэтому ты носишь с собой длинный, острый инструмент?

— Да.

Мы молча прошли через поле и оказались в небольшой роще. Неожиданно Морри быстро опустился на колени у подножия маленького холмика и начал шарить руками в траве. Через секунду у него на ладони лежали два маленьких цветущих растения. Нет, не два, а всего одно. Меня ввело в заблуждение то, что один цветок был желтого цвета, а другой синего. Я осмотрел листья. Вспомнил курс ботаники...

— Да, взгляни внимательнее, — сказал Морри.

— Понятия не имею, что это такое, — признался я.

— Весьма бы удивился, если бы было иначе. Чрезвычайно редкое растение, и найти его можно, только если знаешь специальные заклинания.

— Понятно.

— ...Тебе придется разводить эти цветы у себя дома. Ты должен будешь изучить их свойства лучше, чем кто-либо другой в мире. Корни, листья, стебли, цветы — каждая часть имеет свои достоинства; кроме того, они могут приносить немалую пользу в различных сочетаниях друг с другом.

— Не понимаю. Я потратил столько времени на получение первоклассного медицинского образования — а теперь ты хочешь, чтобы я стал ботаником?

Он рассмеялся:

— Нет, конечно, нет. Тебе пригодятся твои знания, не говоря уже о дипломах. Я совсем не прошу, чтобы ты забыл все известные тебе способы лечения. Ты просто расширишь арсенал для... исключительных случаев.

— При помощи этого маленького цветка?

— Точно.

— Как он называется?

— Блифедж. Ты не найдешь упоминаний о нем ни в одном ботаническом учебнике. Иди сюда, я познакомлю тебя с ним и научу словам заклинания. После этого ты заберешь блифедж с собой, чтобы дома, в спокойной обстановке изучить его самым тщательным образом.

С тех пор я ел, пил и спал вместе с блифеджем. Периодически появлялся Морри и давал мне новые инструкции. Я научился изготавливать настойки, припарки, мази, пластыри, таблетки, вина, масла, сиропы, линименты, растворы для промывания желудка, лекарственные каши, компрессы из всех частей растения и различных их комбинаций. Я даже начал курить его листья.

Наконец я стал понемногу использовать блифедж в особо сложных случаях и всякий раз добивался прекрасных результатов.

На мой очередной день рождения Морри повел меня в дорогой ресторан, а потом мы спустились в лифте и... неожиданно оказались в его офисе.

— Ловкий трюк, ничего не скажешь, — заметил я.

Я последовал за Морри по ярко освещенному, извивающемуся туннелю, где сновали его невидимые слуги, зажигая новые свечи и убирая остатки дрогревших. Бдруг крестный остановился, взял огарок свечи, задул его, а потом снова зажег от мерцающего пламени другой и заменил старую на новую, как раз в тот момент, когда та дрогрела и погасла.

— Что ты сейчас сделал, Морри? — спросил я. — Мне никогда не доводилось видеть, чтобы ты заменил одну свечу другой.

— Я не часто так поступаю, — признался он. — Но та женщина, которой ты дал сегодня блифедж — из 456-й палаты, — только что оправилась от болезни. — Крестный измерил огарок указательным и большим пальцами. — Шесть лет, восемь месяцев, три дня, семь часов, четырнадцать минут и двадцать три секунды, — заявил он. — Вот сколько времени ты ей подарил.

— А, понятно, — пробормотал я, безуспешно пытаясь разглядеть выражение его лица в колеблющихся отблесках пламени и пляшущих теней.

— Я не сержусь, — заметил Морри. — Ты должен испытывать блифедж, чтобы понять его возможности.

— Скажи мне, — попросил я, — что мы сейчас обсуждаем: власть над жизнью или власть над смертью?

— Забавно, — произнес Морри. — Ты что, увлекся философией? Мне понравилась твоя шутка.

— Нет, я спросил совершенно серьезно.

— Ну, — сказал Морри, — я властвую над жизнью. И наоборот. Мы с тобой, как «инь и ян»*.

— Но ты же не обязан заниматься только своей стороной дела — раз уж ты подарил мне блифедж.

— Дэвид, я не могу использовать блифедж. Мне дано лишь научить тебя. Мне нужен человек, который применял бы это замечательное средство.

— Понятно.

* Основные понятия древнекитайской философии, универсальные, космические, переходящие друг в друга силы (женское — мужское, горячее — холодное, пассивное — активное и т. п.).

— Уверен, что не совсем. Иди и экспериментируй. Сначала тебе покажется, что люди, которые будут обращаться к тебе за помощью, появляются у твоего порога случайно, но так будет далеко не всегда.

Я кивнул.

— У тебя есть вопрос? — осведомился крестный.

— Да. Огарок свечи, который ты использовал для того, чтобы продлить жизнь миссис Эмерсон из палаты номер 456 на шесть с лишним лет... Как получилось, что свеча погасла, не догорев до конца? Такое впечатление, что ты до времени задул чью-то жизнь.

— Действительно, может так показаться, верно? — ответил Морри, широко ухмыльнувшись. — Как я уже упоминал, смерть и в самом деле обладает властью над жизнью. А теперь давай выпьем кофе с бренди.

Я был смущен тем, как Морри управлял своим бизнесом. Но это было его шоу, и он всегда хорошо относился ко мне. На мой очередной день рождения Морри принес роскошный костюм и несколько пар обуви, а когда я стал практикующим врачом, явился в гости с новеньkim автомобилем. Дорел по-прежнему был в превосходном состоянии, но не мог же я ездить к пациентам на велосипеде!.. Я нашел место для Дорела в задней части гаража и катался на нем только по выходным. Однако вечерами я все чаще и чаще стал наведываться в гараж, садиться на высокий стул, вскрывать бутылочку холодного пива и разговаривать с моим велосипедом так, как много лет назад, когда был мальчишкой.

— Забавно, — говорил я, — что именно он дал мне удивительное лекарство, которое спасает множество жизней. — С другой стороны, — продолжал я размышлять вслух, — он явно хотел, чтобы я занялся медициной. Может быть, он стремится контролировать и вторую половину инь и ян — дарующую жизнь? Не просто давать кому-то жить, но и избавлять от болезней и страданий?

Рама Дорела слегка скрипнула, когда велосипед качнулся в мою сторону. Зажглась и погасла фара.

— Ты согласен? — спросил я.

Дорел еще раз мигнул фарой.

— Ладно, будем считать, что это означает «да», — предложил я, — а две вспышки — «нет».

Он мигнул один раз.

— В этом есть смысл, — заметил я, — по двум причинам: во-первых, когда я работал в больнице, мне пришло в голову дать блифедж на анализ нашему биохимику, доктору Кауфману, с просьбой определить основные компоненты растения. Он умер в лаборатории на следующий день, а пожар уничтожил все, над чем Кауфман работал. Позднее я встретил Морри в морге, и он сообщил мне, что синтезировать блифедж нельзя. Он не хочет, чтобы блифедж стал таким же распространенным лекарством, как аспирин и антибиотики. Отсюда следует, что блифедж нужно давать только определенным людям.

Во-вторых, — продолжал я, — эта гипотеза прекрасно подтверждается инструкциями, которые я получил от Морри, когда начал заниматься частной практикой. Морри сказал, что за консультациями ко мне будут обращаться из самых разных мест. Он ни разу не объяснил, откуда эти люди узнают мое имя и номер телефона, но он сказал правду. Пациенты действительно начали появлятьсяся. Морри пояснил, что я должен брать с собой блифедж и специальные диагностические инструменты, которые он мне подарил, но диагноз и дальнейшее лечение — или его отсутствие — будут решаться каждый раз отдельно. Я вижу Морри, когда другим людям это не дано. Он предупредил, что в особых случаях тоже будет входить в комнату. И, если встанет в головах больного, я должен поставить диагноз и применить блифедж — пациент будет жить. Но если Морри окажется в ногах, я обязан провести обычный осмотр и заявить, что сделать ничего нельзя.

У меня сложилось впечатление, что все решается заранее, словно с некоторыми больными он предварительно заключил сделку, или пытается реализовать какой-то проект, в котором им отведена важная роль.

Дорел один раз мигнул фарой.

— Ага! Значит, ты со мной согласен! Ты знаешь, в чем тут дело?

Дорел дважды мигнул, а потом, после короткой паузы, фара зажглась еще раз.

— Да и нет? У тебя есть кое-какие догадки, но ты не уверен?

Он мигнул один раз.

— Впрочем, какими бы ни были мотивы Морри, я помогаю людям, которые в противном случае были бы обречены на смерть.

Фара зажглась и погасла.

— Морри однажды сказал, что ты отрабатывашь долг, превратившись в велосипед.

Дорел мигнул.

— Тогда я не понял... да и сейчас я не имею ни малейшего представления о том, что он имел в виду. Ты можешь мне объяснить?

И опять он мигнул.

— Ну так в чем тут дело?

Неожиданно Дорел подъехал к противоположной стене, прислонился к ней и застыл в неподвижности. Больше он не мигал своей фарой — очевидно, хотел этим сказать, что я должен догадаться сам. Я попытался, но мои размышления были прерваны телефонным звонком. Это был тот самый, специальный случай.

— Говорят доктор Пулео, Дэн Пулео. Мы встречались весной на научном семинаре.

— Припоминаю, — ответил я.

— Речь шла о критических ситуациях...

— У вас она возникла?

— К вам уже направлен лимузин.

— И куда он меня отвезет?

— В особняк губернатора.

— Речь идет о самом Кейссоне?

— Да.

— А почему он не в больнице?

— Мы обязательно его туда доставим, но я думаю, что вы успеете раньше.

— Я обойдусь без вашего лимузина, если поеду на велосипеде через парк.

Я повесил трубку, схватил чемоданчик с инструментами и побежал обратно в гараж.

— Нам нужно как можно быстрее добраться до особняка губернатора, — сказал я Дорелу, выводя его на улицу и вскакивая в седло.

Перед глазами у меня все померкло. Я помню, как слез с велосипеда и, слегка пошатываясь, направился к двери особняка. Мне удалось войти и не упасть, и вскоре я уже пожимал руку доктору Пулео, который отвел меня в спальню. По пути доктор говорил что-то о недавнем воспалении легких и камнях в почках в прошлом году. Никаких проблем с сердцем у губернатора до сих пор не наблюдалось.

Я посмотрел на фигуру, распростертую на постели. Лу Кейссон, губернатор, прославившийся своими реформами — ему удалось, сохранив то хорошее, что было у прежней администрации, добиться успеха там, где его предшественник потерпел сокрушительную неудачу. А кроме того, у него была умная и красивая дочь Элизабет. Я не виделся с ней с тех пор, как еще в колледже мы перестали встречаться и я переехал в другую часть страны.

Подойдя к Кейссону, чтобы начать осмотр, я почувствовал укол совести. Я согласился с доводами Морри, который уговорил меня подать документы в университет на Западном побережье после того, как меня приняли в Восточный университет, в который поступила Элизабет.

Вспомнил о Морри, и он...

Передо мной скользнула тень, и в следующий момент я увидел Морри в ногах постели. Он качал головой.

Я пощупал пульс в сонной артерии. Ничего. Приподнял веко, чтобы посмотреть глазное яблоко...

Неожиданно я рассвирепел. Издалека уже доносился вой сирен, а меня подхватила волна гнева, я вдруг вспомнил все решения, которые мне навязывал Морри. В одно мгновение я словно со стороны увидел, как он покупал меня своими подарками.

Открыв чемоданчик, я достал инструменты и оставил их на постели.

— Вы будете его лечить? — спросил Пулео.

Я наклонился вперед, поднял на руки Кейссона и переложил его так, что теперь Морри оказался в головах постели.

— Я не могу взять на себя ответственность... — начал Пулео.

Я уже набирал лекарство в длинный шприц.

— Если я сделаю укол сейчас, он будет жить, — сказал я. — Если нет — умрет. Как видите, все предельно просто.

Я расстегнул пижаму больного.

— Дэвид, не делай этого! — сказал Морри.

Не обращая на него внимания, я сделал укол — три кубика настойки блифеджа прямо в сердце. Возле особняка остановилась машина «скорой помощи».

Когда я выпрямился, крестный свирепо смотрел на меня. А потом быстро вышел из комнаты, не пожелав воспользоваться дверью.

Кейссон вдруг пошевелился и вздохнул. Теперь, положив пальцы на сонную артерию, я сразу нашупал пульс. В следующую секунду губернатор открыл глаза. Я собрал инструменты и застегнул пуговицы пижамы.

— С вами все будет хорошо, — сказал я ему.

— Какой курс лечения вы рекомендуете в дальнейшем? — спросил Пулео.

— Положите его в реанимационную палату и наблюдайте в течение двадцати четырех часов. Если после этого все будет в порядке, делайте с ним, что хотите.

— Нужно продолжать вводить лекарство?

— Нет, — ответил я. — Извините, мне пора.

Когда я повернулся, чтобы уйти, она стояла в дверях.

— Привет, Бетти, — сказал я.

— Дэвид, он не умрет?

— Нет, — кивнул я и добавил после короткой паузы: — Как ты?

— Хорошо.

Я направился к выходу, но потом остановился.

— Мы можем поговорить наедине?

Она отвела меня в маленькую гостиную, где мы уселись в кресла.

— Я хочу, чтобы ты знала: все это время мне тебя не хватало, — смущенно проговорил я. — Мне очень жаль, что наши отношения прекратились, когда я уехал на Запад. Наверное, у тебя есть друг?

— Насколько я понимаю, ты все еще не обзавелся постоянной девушкой? — ответила она вопросом на вопрос.

— Верно.

— А если и я тоже пока одна?

— Я был бы рад начать встречаться с тобой. Чтобы снова тебя узнать. Есть у меня такой шанс? Ты согласна?

— Я могла бы сказать, что мне нужно поразмысльить, но это было бы неправдой. Я уже подумала, и ответ — да, я согласна.

Мы сидели и разговаривали два часа, а потом условились увидеться на следующий день.

Проезжая в темноте через парк, я включил фару и вспомнил о нашем «разговоре» с Дорелом.

— Говори! Черт тебя возьми! — воскликнул я. — Меня интересует твое мнение!

— Хорошо.

— Что?

— Я сказал «хорошо». Что ты хочешь узнать?

— А почему ты раньше мне не отвечал?

— Ты должен был отдать мне прямой приказ. Сейчас ты это сделал в первый раз.

— Кто ты — на самом деле?

— Я был врачом, которого Морри учил в начале девятнадцатого века в Вирджинии. Меня зовут Дон Лорел. Однажды я сделал то, что ему не понравилось: начал производить и продавать запатентованное лекарство «Блифедж Лорела».

— Должно быть, оно помогло многим людям, а это не устраивало Морри.

— Да, и некоторым лошадям.

— Я только что спас человека вопреки его воле.

— Не знаю, что и сказать тебе... Если не считать того, что я вел себя нагло и высокомерно, когда он спросил меня про «Блифедж Лорела» — и в результате превратился в транспортное средство. Возможно, тебе следует вести себя иначе.

— Спасибо за совет, — ответил я, вытаскивая из кармана монетку и подбрасывая ее в воздух. — Решка. Так я и сделаю.

Конечно, в тот же день Морри меня навестил.

— Добрый вечер, — сказал я. — Хочешь чаю?

— Дэвид, как ты мог? — укоризненно воскликнул он. — Я ведь хорошо к тебе относился, верно? Как ты мог пойти наперекор моему желанию?

— Извини, Морри, — проговорил я. — Мне просто стало жалко этого парня — он так много сделал для города. Вспомни хотя бы его программы по медицинскому страхованию! Поставил всех богатеев на место — а теперь должен был неожиданно покинуть политическую арену... Кроме того... ну, должен признаться: я встречался с его дочерью. Она и сейчас мне нравится. Вот почему я так поступил.

Он положил руку мне на плечо и сжал его.

— Дэвид, ты добрый мальчик, — заявил Морри. — Трудно винить человека за чувство сострадания, но моя работа накладывает определенные обязательства. Когда имеешь дело с моими пациентами, ты должен руководствоваться разумом, а не сердцем, понимаешь?

— Да, Морри.

— Ладно, давай выпьем по чашечке чая и поговорим о футболе.

Три дня спустя, когда я занялся уборкой по дому, зазвонил телефон. Я сразу узнал голос губернатора.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — спросил я.

— Отлично, и я знаю, что обязан вам многим, но звоню совсем по другой причине.

Я все понял: Морри решил отомстить. Он устроил для меня испытание.

— Кому-то плохо? — спросил я.

— Да, Бетти. Пулео утверждает, что у нее те же симптомы, что у меня. Он не говорил, что моя болезнь может оказаться заразной.

— Я сейчас приеду.

— Вызвать «скорую помощь»?

— Нет.

Я повесил трубку, взял свой чемоданчик и направился к Дорелу. Пока мы ехали через парк, я рассказал ему о том, что произошло.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Ты и сам прекрасно знаешь.

— Я этого боялся.

И вот, когда я осматривал Бетти, в комнату вошел Морри и встал в ногах ее постели. Я набрал три кубика настойки в шприц, а потом развернул Бетти.

— Дэвид, я запрещаю тебе это, — резко заявил крестный.

— Мне очень жаль, Морри, — ответил я и сделал укол.

Когда Бетти открыла глаза, я наклонился и подцеплял ее — и в тот же миг мне на плечо легла тяжелая рука Морри. На этот раз его пожатие было ледяным.

— Мне тоже, — сказал он.

...Потом в полнейшем молчании мы шли по тусклому коридору, а вокруг нас тени вели свой бесконечный танец. Я припоминаю, что мы двигались среди монохромных кусочков моего мира и мира Морри, под землей, среди пещер и тихих водоемов. Я понял, что мы прибыли на место, когда увидел туннель с бесконечными рядами свечей вдоль стен. Вскоре мы уже стояли в центральном гроте, где столько раз играли в шахматы и выпили множество чашек горячего шоколада.

Теперь я снова ощущал свое тело. Эхо моих шагов разносилось по пещере. И я опять почувствовал ледяную руку у себя на плече.

Тени отступили в сторону, словно кто-то отодвинул занавес.

Морри провел меня через грот, вверх по коридору, а потом вниз по узкому холодному туннелю, в котором я никогда раньше не бывал. Я был слишком горд, чтобы спрашивать, куда он ведет меня — и тем самым первым нарушить молчание.

Наконец мы остановились, он отпустил мое плечо.

Засунув руки в карманы, я взглянул туда, куда указывала его рука, но сначала не понял, на что должен смотреть.

Мы находились перед стеной, в нишах и на выступах которой стояло множество свечей. Тут только я заметил, что одна из них намного короче, чем другие, ее огонь уже начал мерцать; не вызывало сомнений, что скоро она догорит.

Решив, что свеча принадлежит Бетти, я ждал, пока невидимые слуги Морри заменят ее.

— Оно того стоило, — заявил я. — Ты ведь знаешь, я люблю ее.

Крестный повернулся и внимательно посмотрел на меня, а потом на его лицо легла печальная улыбка.

— О нет, — сказал он. — Ты думаешь, это ее свеча? Нет. Ты не понимаешь. Она будет жить. Ты об этом позаботился. Ее свеча уже в полном порядке. Это твоя свеча. Ты с самого начала не мог на многое рассчитывать. Мне очень жаль.

Я вытащил руку из кармана, протянул ее вперед и осторожно коснулся свечи.

— Хочешь сказать, что это все, что у меня осталось? Может быть, несколько минут? Ты не вмешивался из-за того, что зол на меня? Вот как обстоят дела?

— Да, — только и молвил Морри.

Я облизнул губы.

— А есть ли... возможность продлить мой срок?

— После того как ты во второй раз не послушался меня? После всех предупреждений?

— Мне было трудно на это решиться, — попытался объяснить я. — Я же говорил тебе, что был знаком с Бетти несколько лет назад, и тогда она мне нравилась. Я не понимал, насколько сильно меня к ней влечет, до самого последнего времени. Я чуть не опоздал. По-

этому у меня не было выбора. Я должен был спасти ее. Наверное, подобные чувства тебе не совсем понятны...

Он снова рассмеялся.

— Конечно, я понимаю, что можно заботиться о ком-то! — перебил меня Морри. — Почему, интересно, я решил покончить с губернатором Кейссоном? По вине этого ублюдка город не стал покупать профессиональную футбольную команду — мою любимую! Я уже много лет добивался этого!

— Значит, ты действительно решил заграбастать его раньше срока?

— А что ж ты думал? И надо же тебе было вмешаться в мои дела!

— Я начинаю понимать... Скажи, Морри, ведь еще не поздно перенести мое пламя на другую свечу?

— Верно, — признался он. — К тому же ты мой крестник. А это кое-чего стоит...

Некоторое время Морри молча смотрел на свечу.

— Наверное, так и следует поступить, — сказал он. — Не могу же я вечно на тебя злиться. Семья — дело серьезное.

Он потянулся к открытой коробке, стоящей в нише. Вытащив оттуда свечу, выпрямился и протянул другую руку к мерцающему пламени моего огарка. Коснулся его и начал поднимать... В следующий миг я увидел, как остатки свечи выскользнули из его руки и упали на землю.

— Дерьмо! — выругался Морри. — Прости, Дэвид...

Лежа на полу и глядя на мерцающий огонек, я понимал: случилось что-то хорошее, только никак не мог вспомнить, что именно.

...Саднило разбитую щеку — в том месте, которым я ударился, когда упал...

Меня окружало бесчисленное множество огней. Мне нужно было кое-что сделать. Быстро. Только вот что?

Я поднял голову и осмотрелся. Морри ушел..

Ах да. Морри, мой крестный. Ушел...

Я уперся ладонями в пол и заставил себя подняться. Вокруг никого не было. Только я, мерцающий огонек свечи и черный велосипед. Что я должен был вспомнить? Мысли медленно сменяли одна другую.

— Вытащи свечу из коробки, Дэвид! И поторопись! — сказал мне Дорел. — Тебе необходимо это сделать еще до того, как твоя снова погаснет.

Снова погаснет.

Тогда я вспомнил все и содрогнулся. Вот что я сделал — умер. И умру окончательно, если стану медлить. Опасаясь худшего, я сумел купить себе маленькую передышку, разобравшись наконец, как пользоваться «Пятиминутным Деформатором Времени», который продолжал носить у себя в кармане. Но сколько он продержится? На этот вопрос у меня не было ответа.

Я двигался так быстро, как только мог, чтобы не загасить свечу — представление могло завершиться в любую секунду. Теперь в лужице воска плавал крохотный хвостик фитиля.

Я порылся в коробке, вытащил свечу и осторожно поместил над умирающим огоньком. На мгновение пламя опустилось, и в глазах у меня потемнело, а по спине пробежал холодок. Но фитиль новой свечи загорелся, и неприятные ощущения сразу исчезли. Я поставил свечу на место и опустил руку в карман. Там, в носовом платке, лежали сушеные стебли, цветы, корни и листья блифеджа.

Я положил платок на седло Дорела и начал разворачивать.

— Хорошая мысль, — заметил он, когда я принялся поедать универсальное лекарство. — Как только ты закончишь, я отведу тебя в другой туннель, где мы спрячем твою свечу среди множества других. Но нам нужно торопиться, вдруг Морри где-то неподалеку.

Я засунул остатки блифеджа в карман и со своей свечой в руке зашагал вслед за Дорелом.

— А ты можешь найти свечу Бетти и спрятать ее? — спросил я.

— Раньше я работал здесь, — продолжал Дорел. — Я был невидимым слугой до того, как он превратил меня в велосипед. Если я снова стану невидимым и окажусь здесь, то смогу сколько угодно прятать твои с Бетти свечи. А еще я снова буду исправлять его мелкие злоупотребления, как и прежде. Если ты продолжишь исследования блифеджа, я буду зажигать для тебя новые свечи.

— Я согласен, — сказал я. — Что необходимо сделать, чтобы ты снова стал невидимым слугой?

— Мне не разрешено отвечать на этот вопрос.

— Даже если я прикажу тебе?

— Да. Здесь действует иной уровень запрета. Я не представляю себе, как можно обойти это условие.

Мы углубились в туннель, и Дорел остановился.

— Слева от тебя, — сказал он, — в глубине ниши, где горит несколько других свечей.

Я слил немного расплавленного воска на свободное место, а потом укрепил там свою свечу.

— Садись в седло, — предложил Дорел.

Я последовал его совету, и мы поехали дальше по извилистым туннелям. Вскоре я заметил, что появился знакомый стробоскопический эффект.

— Вернемся туда, откуда он нас забрал? — спросил Дорел.

Через некоторое время обычный мир стал возникать все чаще, а подземный постепенно отступал.

И вот мы уже притормозили возле особняка губернатора. Как только Дорел остановился, я сразу соскочил с седла. Еще не совсем стемнело, солнце зависло над западным горизонтом.

Когда я ставил Дорела, двери распахнулись.

— Дейв! — восхлинула Бетти.

Я поднял глаза и молча наблюдал за тем, как она спускалась по ступенькам. И вдруг понял, как она прелестна и как сильно я хочу защитить ее от всех невзгод... В следующее мгновение Бетти оказалась в моих объятиях.

— Дейв, что случилось? Ты исчез так неожиданно.

— Мой крестный отец, Морри, забрал меня с собой. Я сделал то, что ему не понравилось.

— Твой крестный отец? Раньше ты никогда не упоминал о нем. Как он мог?

— Он обладает великой властью над жизнью, — ответил я. — Именно Морри дал мне возможность предотвращать смерть. Сейчас, к счастью, он считает, что я мертв. Думаю, мне придется сделать пластическую операцию, изменить фамилию, отрастить бороду, переехать в другой штат и завести небольшую частную практику, доход от которой позволил бы мне заняться исследованиями блифеджа. Я люблю тебя. Ты выйдешь за меня замуж и уедешь со мной?

Неожиданно вмешался Дорел:

— Извини, Дейв, но не могу не отметить, что твоя речь несколько сумбурна.

Бетти уставилась на мой велосипед.

— Так ты ко всему еще и чревовещатель? — спросила она.

— Нет, это говорил Дорел. Он только что спас мне жизнь. Дорел — мятежный дух, который отбывает срок наказания. Морри превратил его в велосипед. Дорел со мной с тех пор, когда я был еще мальчишкой. Он и в те времена не раз меня выручал. — Я протянул руку и потрепал его по седлу.

Спустившись по ступенькам, Бетти наклонилась и поцеловала Дорела прямо в руль.

— Благодарю тебя, Дорел, — тихо проговорила она, — кем бы ты ни был.

Теперь, во всяком случае, он уже не был велосипедом. В лучах заходящего солнца заплясали сверкающие пылинки. Я завороженно смотрел на это удивительное явление — у меня на глазах пылинки превратились в шестифутовую башню.

Я услышал, как ахнула Бетти.

— Что я наделала? — выдохнула она.

— Понятия не имею, — ответил я. — Но, судя по тому, что рядом нет лягушки, я не думаю, что ты получишь в мужья прекрасного принца.

— Тогда я, пожалуй, останусь с тобой, — заявила Бетти, и мы вместе наблюдали за тем, как сверкающий вихрь постепенно обретал человеческую форму — перед нами возник высокий мужчина с бакенбардами и в плаще из оленьей кожи.

Он поклонился Бетти.

— Дон Лорел, — представился он. — К вашим услугам, мадам.

Потом повернулся и пожал мне руку:

— Очень жаль, что ты лишился средства передвижения, Дейв. Мое заклятие только что было снято.

— Нам следует это отпраздновать, — предложил я.

Он покачал головой:

— Теперь, когда я обрел прежнюю форму, мне нужно срочно найти свою нишу. В противном случае я могу исчезнуть навсегда. Поэтому я немедленно возвращаюсь под землю и буду находиться там постоянно. Морри не заметит появления еще одного невидимого существа. Я буду перемещать ваши свечи подальше от него. Успеха в исследованиях блифеджа! Я еще свяжусь с вами.

С этими словами он снова превратился в башню, сотканную из света. В воздухе заплясали разноцветные огоньки, и Дорел исчез.

— Какое облегчение, — сказал я, снова обнимая Бетти. — Однако мне жаль, что так получилось с Морри. Я всегда хорошо к нему относился. Мне его будет не хватать.

— По-моему, он не очень похож на симпатичного парня, — заметила Бетти.

— Работа не могла не наложить на него определенного отпечатка, — пояснил я. — На самом деле он чувствительный.

— Откуда ты знаешь?

— Он любит футбол и шахматы.

— Но они представляют собой насилие — физическое и абстрактное.

— ...И горячий шоколад. И квартет Шуберта в до минор. И большую часть времени его заботит равновесие между жизнью и смертью.

Бетти покачала головой.

— Я знаю, что Морри для тебя — член семьи, — сказала она. — Но меня он пугает.

— Ну, теперь мы будем жить инкогнито. Морри нас не побеспокоит.

Мне довольно долго удавалось держаться от Морри подальше. Мы с Бетти поженились, я сменил фамилию и переехал в маленький городок на юге — однако делать пластическую операцию не стал. Борода, темные очки и новая прическа существенно изменили мою внешность — так, во всяком случае, мне казалось.

Постепенно у меня появилась вполне приличная практика, я построил теплицу и организовал дома маленькую лабораторию. Целый год я старался избегать критических случаев, когда больному грозила смерть, а навещая своих пациентов в больнице, ни разу не присутствовал при летальных исходах — что могло бы привести к нежелательной встрече с Морри. Можно сказать, что я был патологически аккуратен в таких вопросах; но несколько раз замечал спину Морри, когда тот сворачивал за угол.

И все же, учитывая род моих занятий, я постоянно размышлял: когда произойдет наша встреча, смогу ли я скрыть то, что вижу его?

Однако, как и следовало ожидать, мы встретились вовсе не в больнице, а в тот момент, когда я и думать забыл о Морри.

Это случилось октябрьским вечером, я сидел у окна. С улицы вдруг донесся визг тормозов, сопровождающийся звуком глухого удара. Я схватил фонарик и чемоданчик с инструментами и выбежал из дома. Бетти последовала за мной.

На перекрестке столкнулись две машины. Повсюду валялись осколки стекол, сильно пахло бензином.

В обеих машинах не было никого, кроме водителей. Один погиб на месте, а другой — совсем молодой парень — был тяжело ранен, но продолжал дышать.

— Вызови «скорую»! — крикнул я Бетти, подбегая к молодому человеку.

Его выбросило из машины, и он лежал на тротуаре — крупный мускулистый парень. Я сразу увидел, что у него легочное и артериальное кровотечение, масса мелких ранений, перелом черепа и скорее всего позвоночника.

Когда я начал оказывать первую помощь, пытаясь остановить кровотечение, возле нас неожиданно возникла знакомая фигура. Я забыл о том, что должен делать вид, будто не вижу Морри. Учитывая экстремальность ситуации, я просто кивнул головой и сказал:

— Здесь я не могу с тобой спорить. Возьми его, раз так распорядилась судьба.

— Нет, — возразил он. — Спаси его для меня, Дейв. Сделай ему укол блифеджа. У тебя еще есть время.

— А что в нем такого особенного, Морри? Я не забыл, как ты со мной обошелся, когда мне захотелось сделать исключение.

— Хорошо. Я тебя прощу и обо всем забуду, если ты спасешь этого парня. Я часто говорил тебе, что моя власть не распространяется на смерть.

— Ладно. А как насчет того, чтобы дать мне обещание, что я могу спасать того, кого захочу, и продолжать исследования блифеджа?

— Похоже, ты и так это делаешь. Что ж, давай заключим формальный договор.

— Как жаль, что тебя не было на моей свадьбе, Морри.

— А я был.

— Да ну? Я тебя не заметил.

— Я стоял сзади. И оделся в яркие цвета, поэтому ты меня и не заметил.

— Так ты был тем типом в гавайской рубашке?

— Точно.

— Будь я проклят!

— И прислал тебе в подарок микроволновую печь.

— Я не нашел там никакой записки...

— Ну, мы же тогда не разговаривали.

— Меня смущило название фирмы производителя — «Сердце Ада». Тем не менее печь оказалась отличной. Спасибо.

Мой пациент застонал.

— По поводу этого парня, Морри... Почему ты не хочешь его забрать?

— Неужели не узнаешь?

— У него все лицо залито кровью.

— Это же новый квотербек* из «Соколов Атланты».

— Ах вот оно что. А как насчет баланса между жизнью и смертью и всего такого прочего?

— В этом сезоне им никак без него не обойтись.

— Я забыл, что ты болельщик «Соколов».

— Блифедж, мой мальчик, блифедж!

Ну, что еще сказать... «Соколы» отлично провели сезон. Во время их матчей смерти случались очень редко, потому что Морри приходил к нам в гости и мы за пивом и пиццей смотрели игру по телевизору. Конечно, он с особым рвением собирал свою жатву после того, как «Соколы» терпели неудачу. Почитайте газеты, и вы все поймете.

Морри не раз довольно прозрачно намекал, что ему хотелось бы знать, как мы поступили с нашими свечами. Однако я делал вид, что не понимаю, чего он от меня добивается.

Дон Лорел и я не теряем связи. Он всегда приходит на День всех святых, чтобы выпить стаканчик крови, и мы делимся последними новостями. А иногда вспоминаем прежние времена, он снова превращается в велосипед, и мы путешествуем между мирами.

Сегодня утром я подошел к перекрестку, на котором произошло несчастье. Морри стоял у телеграфного столба и гладил погившую кошку.

— Доброе утро, Дейв.

— Привет. Ты рано встал.

* Разыгрывающий в американском футболе.

— Мне вдруг показалось, что ты захочешь выйти прогуляться. Когда подойдет срок?

— Весной.

— Ты действительно хочешь, чтобы я был крестным отцом?

— Не могу себе представить, кто лучше тебя справится с этой ролью. Моему отцу ты послал такой же сон?

— Нет. Для тебя я сделал новую версию. Я теперь смотрю MTV.

— Я так и подумал. Хочешь зайти на чашечку кофе?

— С удовольствием.

Мы вернулись в дом, когда бежали прочь последние утренние тени. Тот, кому удалось бы поймать их, мог бы скроить себе плащ из мрака.

ЭПИТАЛАМА*

Вечером шел дождь, и пожилая леди приготовила чай — как и обычно в это время. Она сидела на кухне за столом и вспоминала свою спокойную жизнь. Детские приключения завораживали ее, и она уже в который раз подумала об удивительно тихих и серых годах, прошедших с тех пор. Она получила в наследство дом, небольшую стипендию попечительского совета и много путешествовала, но ей так и не довелось встретить подходящего человека для замужества; впрочем, наоборот тоже можно сказать. Ее роль практически уже была сыграна, хотя, по правде говоря, по-настоящему ее никто и не пригласил принять участие в спектакле. И вспомнить-то особенно нечего, если не считать нескольких визитов давнишнего знакомого, который занимался охотой на людей — с тех пор уже прошло немало лет. А теперь...

В душе пожилой леди царили мир и покой, она сидела на кухне, пила чай, слушала, как стучит за окном дождь, и размышляла о том, какая сложная штука жизнь и как бессмысленно растрачивает ее человек. Она частенько отправлялась добровольцем туда, где

Epithalamium

© 1995 by The Amber Corporation

Эпителама

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1996

* Стихотворение или песня в честь свадьбы. (Здесь и далее примеч. пер.)

требовались добровольцы, много читала, помнила обе войны, на которых была медсестрой, хотя во второй — учитывая ее возраст — уже спокойно могла не участвовать. Давно, еще во время первой войны она познакомилась с тихим лейтенантом, британцем по имени Колин. Они были бы счастливы вместе, так ей иногда казалось, однако Колина пожрали поля Фландрии, как, впрочем, и многих других его соотечественников.

Пожилая леди вошла в гостиную и подбросила в камин несколько поленьев, поскольку собиралась выпить еще чашечку чая у огня.

Примерно в середине второй чашки и какого-то старого воспоминания кто-то позвонил в дверь. Она бросила взгляд на часы. Почти полночь.

Пожилая леди подошла к двери, чуть-чуть приоткрыла ее.

— Добрый вечер, мисс Алиса, — поздоровался гость. — Аксель Дж. Бингерн к вашим услугам. Как вы считаете, мы можем сегодня им воспользоваться?

— О Господи! Уж и не знаю, исправно ли оно, — ответила она и распахнула дверь. — Заходите скорее, на улице такой дождь!

Бингерн, как всегда, был весь затянут в кожу, на поясе висел охотничий нож, на правом бедре — пистолет, а в руке он держал дробовик.

— А это зачем? — спросила она.

— Заставляет его вести себя прилично, — ответил Бингерн.

С этими словами он втолкнул в комнату своего пленника — высокого, темноглазого, темноволосого человека во всем черном. В наручниках и ножных кандалах.

— Здравствуйте, мисс Алиса, — проговорил пленник. — Давненько мы с вами не виделись.

— И то верно, Люцер.

Он улыбнулся, поднял руки, и правая тут же раскалилась добела.

— А ну-ка, прекрати свои штучки, Люцер, — приказал Бингерн, и огонь немедленно погас.

— Я просто хотел поприветствовать старого друга, — объяснил Люцер.

— Вы всегда были дамским угодником, — тоже улыбаясь, заявила Алиса. — Джентльмены, не угодно ли чаю?

— С удовольствием, — ответили оба одновременно, — сегодня такая отвратительная погода. Только если не возражаете, мы постоим. Иначе перепачкаем вам всю мебель.

— Ерунда. Садитесь, пожалуйста. Я настаиваю, — приказала Алиса.

— У него лучше получается охранять пленников, когда они в цепях, а он сам стоит около них с дробовиком в руках, — проворчал Люцер.

— И вовсе не в этом дело, — возразил Бингерн.

Алиса пожала плечами и ушла на кухню. Вскоре она вернулась с подносом, на котором стояли две чашки чая и блюдечко с печеньем. Оба ее гостя уже сидели.

Она подала им чай, а потом уселась сама.

— Как и всегда?

— Почти, — ответил Люцер. — Я убежал из тюрьмы, прибыл сюда, нашел работу... И тут за мной пришел этот тип.

— Как и всегда, — перебил его Бингерн. — Он убежал из тюрьмы, при этом пострадало несколько человек, прибыл сюда, организовал тайное революционное общество, начал покупать оружие и учить заговорщиков им пользоваться. Я поймал его как раз вовремя.

— Ну и что с ним будет? — поинтересовалась Алиса.

— Доставлю назад, — ответил Бингерн.

— Складывается впечатление, что, когда происходит что-нибудь в этом духе, вы единственный можете доставить его назад, — сказала Алиса.

— Точно. Он очень опасен. Как, впрочем, и я, — проговорил Бингерн.

— Все вранье, — заявил Люцер. — Впрочем, я еще ни разу не видел, чтобы правда что-нибудь меняла.

— Я с удовольствием вас выслушаю, — пообещала Алиса.

— Прошу прощения, — вмешался Бингерн, — ему некогда. Мы скоро уходим.

— Он как самурай, — сказал Люцер. — Отлично на-тренирован и верен своему кодексу — уж и не знаю, что это значит. Если вы попытаетесь его задержать, он может вас обидеть.

— Ничего подобного, — заявил Бингерн. — Алиса мой старый друг.

— Очень старый, — добавила Алиса. — И почему только вы постоянно убегаете, если все равно дело кончается одним и тем же? — спросила она у Люцера.

— Все, это последний раз, — ответил Люцер.

— А почему?

— Потому что цикл подошел к концу.

— Не понимаю, — проговорила она.

— Конечно, не понимаете. Но я съел пирожок и знаю, что это так.

— Что бы вы там ни говорили, — сказала Алиса, наливая своим гостям еще чая, — я уже давно не участ-
вую в ваших делах.

Люцер рассмеялся.

— Урла-лап! Урла-лап!* — воскликнул он. — Эта ис-
тория бесконечна.

Бингерн тоже расхохотался.

— Скоро всему конец, — заявил он.

— В некотором смысле, кур-ла-ла! В некотором смысле! — возразил его спутник.

— Пока Бингерн следит за своей вотчиной, можно ни о чем не беспокоиться, — проговорил Бингерн.

— Ну, там все нормально, — признал Люцер, — ты же оставил присматривать за порядком парочку сумасшедших.

Бингерн фыркнул.

— Я нахожу, что это страшно забавно, — сказал он. — Конечно же, Алиса помнит.

— Разве может быть иначе? — спросила она. — Вре-
менами я испытывала настоящий ужас.

* Урла-лап! Кур-ла-ла! — восклицания из стихотворения «Вер-
лиока» в переводе Щепкиной-Куперник из книги Льюиса
Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»

— А временами вам открывались такие чудеса, каких никто из живущих в вашем мире никогда не удостаивался, — добавил Люцер.

— Не буду спорить. Однако нельзя сказать, что эти чудеса были сбалансированы.

— Ну и что? С тех пор все сильно изменилось — а сегодня грядут новые перемены.

— В каком смысле? — спросила Алиса.

— Это нужно видеть, — ответил Бингерн.

— В моем-то возрасте? Не имеет значения!

— Как раз наоборот. Очень важно, чтобы вы вернулись и присутствовали при введении закона в силу. Для вашего прошлого визита к нам, Алиса, имелась вполне уважительная причина.

Люцер хмыкнул и немного погромыхал цепями. Бингерн маленькими глоточками пил чай.

— На вас должен был посмотреть ваш будущий муж, — сказал он.

— Да, и кто же?

— Настоящий правитель тех мест.

— Мне кажется, я несколько старовата для этой роли. Если кто-то и решил взять меня в жены, ему следовало что-нибудь сделать по этому поводу намного раньше.

— В его планы вмешались определенные события, — объяснил Бингерн.

— Какие события?

— Небольшая война.

Алиса пила чай.

— Поэтому вы должны отправиться вместе с нами и принять участие в этом важном деле.

— Прошу меня простить. Та история закончилась, — ответила Алиса. — Все. Конец. Вы пришли слишком поздно.

— Никогда не бывает поздно, — возразил Бингерн, — пока я жив. А я буду жить вечно.

Он откусил кусочек печенья. Люцер пил чай.

— Правда ведь? — неожиданно спросил Бингерн.

— Кого ты спрашиваешь? — поинтересовался Люцер.

— Тебя.

— Ты боишься сегодняшней ночи, — ответил Люцер, — ты боишься, что тебя ждет смерть.

— А она меня ждет?

— Я бы не сказал тебе, даже если бы и знал.

Бингерн начал поднимать свой дробовик, взглянул на Алису и снова опустил оружие. Взял из блюдечка еще одно печенье.

— Вкусные, — похвалил он.

— И введение закона в силу, — заявил Люцер.

— Помолчи-ка.

— Конечно. Не имеет значения.

— А что это такое? — не выдержала Алиса.

— Ритуал, в котором должен принять участие павшая звезда Бингерн. Иначе ему конец.

— Чушь! — взревел Бингерн и пролил чай на куртку. — Я принимаю участие в этой церемонии ради старых добрых времен. И не более того.

— В какой церемонии? — спросила Алиса.

— Обряд возвращения на небеса, откуда он к нам прибыл, — пояснил Люцер. — В День Юлеки. Его место пустует слишком долго.

— Вы так о нем говорите, словно он божество.

— А он и в самом деле похож на какого-нибудь древнего святого короля, которым поклонялись в вашем мире.

— Мне казалось, что Черный Король и Королева — или Белый... — начала Алиса.

— В Стране Чудес столько сумасшедших, — откликнулся Люцер. — Бингерн многих отправил в тюрьму или в длительную ссылку и теперь сам там правит.

— Он говорит правду? — спросила Алиса.

— Этот тип сильно преувеличивает, — ответил Бингерн. — Черный Король и Королева по-прежнему у власти. Я только время от времени им помогаю.

— А какую роль я должна во всем этом сыграть? — осведомилась Алиса.

— Совсем незначительную, — успокоил ее Бингерн.

— Он лжет, — предупредил Люцер.

— Какую? — потребовала ответа Алиса.

— Свидетельницы, — ответил Бингерн.

— Я старая женщина, и вы меня совершенно запутали, — заявила Алиса. — Никаких больше кроличьих нор и зеркал. Давайте допъем чай, и я вас провожу.

— Конечно, — тут же согласился Бингерн. — Пошли, Люцер. Допивай, нам пора в путь.

Гости быстро поставили чашки на поднос, а Люцер прихватил с блюдечка последнее печенье. Потом оба поднялись, и Бингерн посмотрел на Алису.

— Вы не проводите нас? — попросил он ее.

— Вы хотите сказать, к зеркалу?

— Да.

— Сюда, пожалуйста, — показала Алиса.

Она подвела их к лестнице и стала подниматься по ступенькам. Отодвинув засов и включив тускую лампочку, Алиса пригласила посетителей войти на пыльный чердак, заваленный кучами вещей, по которым можно было изучать историю. В дальнем конце висело зеркало, повернутое к стене.

Неожиданно Алиса остановилась и спросила:

— А зачем оно вам? Вы же прибыли сюда без его помощи.

— Другой путь очень сложен, — ответил Бингерн, — а учитывая, что мне нужно присматривать за этим парнем, приходится тратить немало сил. Кроме того, так намного удобнее.

— Удобнее? — удивилась Алиса.

— Да, — ответил Бингерн. И принялся произносить заклинание. — Давай, Люцер!

Он подтолкнул своего пленника дулом дробовика. Люцер приблизился к зеркалу, а в следующее мгновение исчез из виду.

— Я туда не вернусь, — заявила Алиса.

Бингерн рассмеялся и перешагнул через раму.

Вдруг Алиса почувствовала, как зеркало притягивает ее к себе. Она попыталась сопротивляться, но ничего у нее не вышло, и медленно, шаг за шагом, она неохотно приблизилась, остановилась перед ним и, словно и не прошло стольких лет, вошла.

Постояла несколько минут в комнате, напоминающей чердак в ее доме — только тут все было наоборот. Потом повернулась и принялась искать глазами зеркало, но не нашла его. И тогда Алиса поняла, что должна уйти. Она подошла к выключателю, погасила свет и спустилась вниз по лестнице.

Этот сад больше не походил на ее сад. Он превратился в лесную поляну, окутанную закатной дымкой, посередине пересекались две дороги, которые начинались где-то среди деревьев. На перекрестке стоял Бингерн, в руке он держал дымящийся дробовик, у его ног, тяжело дыша, лежал Люцер.

— Попытался сбежать, — объяснил Бингерн. — Как я и предполагал.

— Он не... с ним все будет в порядке? — спросила Алиса и опустилась на колени возле Люцера, мгновенно вспомнив, что когда-то была медсестрой.

— Конечно, — ответил Бингерн. — Он уже поправляется. Он почти неуязвим. Здоровый как бык — нет, здоровее. Даже сильнее меня. Только вот не так искусен на поле боя.

— А откуда вы все это про него знаете? — поинтересовалась она.

— Когда-то он был моим слугой, оруженосцем. Мы прибыли сюда вместе.

— Откуда? — спросила Алиса.

Он показал на небо:

— Оттуда. Я как павшая звезда, которую никто не может вернуть на место.

— А почему? — удивилась Алиса.

— На самом деле он совершил метафизическое преступление, за которое ему грозит пожизненное, если он попадет к ним в руки, — простонал Люцер.

— Чушь! Мы просто разошлись во мнениях, — заявил Бингерн.

Люцер медленно поднялся на ноги, потер бок.

— Больно, — проговорил он.

— Скажи ей, что ты врешь, — приказал Бингерн.

— Не скажу. Мне правда больно.

— Я тебя снова пристрелю.

— Давай. Если тебе не жаль нашего времени. Урлап.

— Кур-ла-ла. Сегодня она сама все увидит.

— Сегодня ночью. Пошли. Нам пора.

— Кстати. Небольшой ритуал, чтобы не скучно было идти.

После этого Люцер проделал руками несколько магических движений, и вокруг стало заметно светлее. Через некоторое время он замер, а потом объявил, что можно продолжать путешествие.

— А это еще что такое было? — спросила Алиса.

— Дарс Дадисдада и Роттери Хан отправятся в путь сегодня, — объявил Бингерн.

— ...А Девушка Хорлистка облетит весь мир на крыльях, совсем как летучая мышь, — сказал Люцер. — Мелковая Роза поднимется со дна моря и расцветет, а огни грибанов будут отплясывать на берегу и на склоне. Напоминание о вашем празднике, который называется День всех святых, и ритуальная защита против него.

— Такое впечатление, что тут все изменилось, — сказала Алиса.

— Только имена, — пояснил Бингерн.

— Гораздо больше чем имена, — перебил его Люцер.

— Я хочу, чтобы вы вернули меня домой, немедленно! — потребовала Алиса.

— Боюсь, это невозможно, — ответил Бингерн. — Вы нужны здесь.

— Зачем?

— Позже поймете.

— Я могу не захотеть.

— Не думаю, — сказал Бингерн и взял в руки небольшой свисток, который висел у него на шее на цепочке. Потом поднес его к губам.

Прошла минута.

— Пожалуй, я возвращаюсь, — объявила Алиса.

— Ничего не выйдет, — ответил Бингерн, и Алиса услышала вдалеке глухой рокот.

Через несколько секунд она спросила:

— Что это за звук?

— Мотоциклы, — пояснил Бингерн. — Королевская гвардия, Щебетунчики спешат сюда.

— Быстро они отреагировали, — заметила Алиса, когда на дороге появились первые силуэты.

— На самом деле я вызвал их прежде, чем отправиться в путь. А сейчас отдам новый приказ — на потом. Вы же, наверное, помните, что можно бежать и оставаться на месте, а можно стоять и двигаться вперед — или позвонить самому себе вчерашнему.

— Ну да, в некотором роде.

— В этом есть свои положительные моменты. Вот и все.

Мотоциклисты приближались и вскоре оказались совсем рядом. Когда они остановились, Бингерн подошел к командиру отряда, парню с огромным животом и руками, похожими на два ствола. Он был в голубых джинсах и черной кожаной жилетке. Его украшала изощренная и разнообразная татуировка. Испещренное шрамами лицо расплылось в улыбке.

— Вы хотите, чтобы мы тут с кем-то разобрались? — спросил он Бингерна.

— Нет, только посторожите. Вот, мисс Алису.

— Да это же какая-то старая кляча! Зачем ей охрана?

— А ну-ка, попридержи язык, Ник. Мисс Алиса — мой старый друг. Но мы не можем отпустить ее раньше чем завтра. Так что приглядите за ней. Она обладает очень большим числом невероятности.

— А это еще что такое?

— Вокруг нее происходят разные странные вещи.

Щебетунчики окружили Алису. Ей показалось, что она заметила ухмыляющегося кота* прямо у них над головами, в ветвях ближайшего дерева.

— Ну, пора, двигай, — приказал Бингерн.

— Куда? — спросил Люцерн.

— Во дворец, конечно. Нужно вынести тебе новый приговор.

* Имеется в виду Чeshireский Кот из книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес»

— Да, они имеют обыкновение терять свежесть, — согласился Люцер. — Как заплесневелый хлеб.

Бингерн расхохотался.

— Мы придумаем какие-нибудь иные словечки, чтобы тебе было не скучно их переваривать, — пообещал он. — В новой камере, где тебе не будет угрожать ни плесень, ни окисление.

— Не бывать этому, дьявольская звезда, потому что сегодня нас ждет особенная ночь.

— Ты ко мне не справедлив.

Они двинулись в путь.

— Если сегодня север находится в той стороне, мы доберемся до дворца сразу после захода солнца, — заметил Люцер.

Алиса подошла к нему поближе.

— В нем появилось нечто такое, — проговорила она, — что кажется еще более ненормальным, чем обычно.

— Не сомневайтесь, он в порядке, — ответил Люцер. — Как и большинство из нас. Только с ним сейчас опасно связываться. Когда наступает Юлеки, его сила достигает пика.

— А ваша? — спросила Алиса. — Мне кажется, у вас с этим тоже не должно быть проблем.

— Верно, — кивнул Люцер. — Только никогда не знаешь, как здесь все повернется. Урла-лап!

— Кур-ла-ла! — улыбнувшись, ответила она. — Люцер, мы оба спятали?

— Может быть, чуть-чуть, — согласился он.

— Арестованным трепаться можно? — крикнул Ник,

— Можно, — разрешил Бингерн. — Это не имеет значения.

Солнце постепенно скрылось, и они вошли в сумерки.

— На этот раз все тут немного не так, как раньше, — сказал Люцер Алисе. — Думаю, они хотят, чтобы были соблюдены законы.

— А что это значит — тут? — спросила она.

— Он заставит Короля и Королеву объявить, что они согласны отправить меня на рудники, что вы должны принять участие в церемонии Юлеки и что в вотчине Бингерна царят мир и покой.

— Значит, настоящий правитель — он?

— Можно сказать и так.

— И это он призывал меня сюда много лет назад, когда искал себе невесту, на которой так и не женился?

— Да. Я был тогда с ним. Он потихоньку наблюдал за вами и вашими приключениями.

— Объясните мне, ради всех святых, зачем?

— Чтобы узнать, как вы реагируете на необычные ситуации.

— То есть?

— Он хотел понять, как вы станете вести себя в этом мире, если вам придется здесь править.

— И я провалила экзамен...

— Нет. Тут тоже была война — как и у вас, некоторые вещи отошли на второй план. А потом было уже поздно.

— Вы говорите, что я должна была стать королевой.

— Императрицей.

— ...женой Бингерна.

— Вне всякого сомнения.

— Ну, тогда я рада, что так все получилось.

— Я тоже рад. Не думаю, что вам бы это понравилось.

— И что будет теперь?

— Складывается впечатление, что выбора у нас нет. Придется вам сделать то, что он хочет. Я чувствую, что буду вынужден принять непосредственное участие в событиях, поскольку сейчас конец одного небесного цикла и начало другого; и духи могут пасть или, наоборот, вознестились.

— Не понимаю.

— Естественные законы, царящие здесь. Я попытуюсь объяснить, когда у нас будет больше времени.

— А почему не сейчас?

— Потому что вон там, впереди, уже виден замок — мы почти пришли. Достаточно сказать, что Бингерн является звездным духом, который пал на землю во время последнего цикла. Он быстро понял, что это место — не что иное, как приют безумцев, захватил тут власть и навел порядок.

— А почему тогда вы противостоите ему?

— Он зашел слишком далеко. Теперь здесь правят его капризы, а не законы или принципы. Может быть, он и сам спятил. Он боится, что во время Пира Юлеки, Бичующего Ангела, некая сила утащит его назад, туда, откуда он прибыл. И он уже никогда не вернется сюда.

— Так он должен радоваться.

— Должен. Только не радуется. Ему тут нравится. Он даже чуть не вступил по этому поводу в единоборство с самим Юлеки.

— А это хорошо?

— Сначала было хорошо — для всех.

— Кроме меня, — заявила Алиса.

— Не говорите этого. Вы тут нужны.

— Зачем?

— Когда вы были девочкой, все, наверное, выглядело иначе, но ваши приключения можно трактовать двумя совершенно разными способами.

— Да? Я случайно попала в волшебное королевство и пережила несколько удивительных приключений. Вот как я на это смотрю. Вы предложите что-нибудь другое?

— Да. Как вам понравится, например, такое объяснение: вы существо, наделенное волшебным даром. И, будучи всего лишь наблюдателем, явились причиной тех необычных переживаний, что выпали на вашу долю.

— Надо сказать, весьма неожиданная трактовка.

— Мне кажется, в вас это было и, видимо, осталось.

— А если осталось?

— Тогда вполне возможно, что вы в состоянии изгнать его — сейчас самое подходящее время. Мы сосредоточим на этой задаче все наши силы.

— Вы уверены, что у нас получится?

— Нет, но если мы не попытаемся сейчас, могут пройти века, прежде чем представится новая возможность. И не останется ни одного роялиста.

— Дайте мне подумать.

— Думайте побыстрее.

Они приближались к Червонному Замку. Бингерн приказал первому встречному — невысокому рыжеволосому садовнику, — чтобы тот доложил о его прибытии. Парень тут же умчался, при этом он отчаянно вопил:

— Бингерн вернулся! Бингерн вернулся!

— Какое трогательное проявление чувств, — проговорил Бингерн. — Входите. Сами найдем их величества.

Теперь Бингерн шел позади всех остальных, словно был загонщиком. Он боялся, что Люцер каким-нибудь образом освободится и уведет за собой Алису. Щебетунчики остались охранять ворота.

Короля и Королеву обнаружили под кроватью в четвертой спальне. Их величества были одеты в ужасающие лохмотья.

— Почему они так себя ведут и так необычно выглядят? — спросила Алиса.

— Стражи! Защитите нас! Рубите ему голову! Бингерн! Бингерн! Умер! Умер! Умер! — голосили тощая Королева Червей и ее крошечный муж.

— У них возникли какие-то странные фантазии на мой счет, — объявил Бингерн, глаза которого метали молнии, — не говоря уже о том, что они ленятся исполнять свои обязанности... Ну-ка, идите сюда! Оба! Вылезайте из-под кровати! Нужно издать королевский указ.

— Почему мы? Почему мы?

— Потому что вы королевской крови. Необходимо срочно подписать несколько постановлений: Люцера снова отправить на рудники, Бингерна — в его вотчину, Алису — в кресло судьи. Записывайте! Побыстрее! Подпись внизу! Довести до сведения всех живущих! И сделайте проклятую копию для вашего вонючего архива!

— Писец! Писец! — заорала Королева.

— Почему ты зовешь только двоих? — спросил король. — Сделай более множественное число.

— ...сцы... сцы, — добавила Королева.

— Похоже на шипение жалкой индюшки, — заметил Король.

— Служанки старушки всегда просят пенсию, — заявила Королева. — А какое это все имеет к ним отношение? И что с ними стало? Что? Что?

— Рудники! — воскликнул Люцер. — Говорят: «Платить не желаю». Отпусти их, отпусти, отпусти, умоляю!

— Этого не может быть, — возмутилась Королева. — Кто мог такое приказать?

Люцер повернулся и уставился на Бингерна.

— Нечего было их так обожать, — заявил тот.

— Отпусти их!

— Сегодня не обещаю.

— Где королевские мантии? — поинтересовался Король.

— Я отдал постирать их.

— Ты их продал! Ты нас предал! — рассердился Король.

— А где драгоценности нашей короны? — поинтересовалась Королева.

— В музее — ими любуются матроны.

— Ложь! Ложь! Ты нас ограбил. Верни их! Верни их!

— Мне кажется, я слышу шаги писцов, — сказал Бингерн. — Давайте посадим их тут, и пусть делают, что я прикажу.

— Думаю, мы не нуждаемся в твоей помощи. Мы совсем не так прости.

— В таком случае ваших друзей и фаворитов я жестоко накажу, — пообещал Бингерн и поднес к губам свисток.

— Остановись! — возопил Король. — Сделаем все, как скажешь ты.

— Я знал, что ты сможешь себя превозмочь. Все должно быть сделано в эту ночь. Сейчас — кто станет спорить против этого факта!

Он открыл дверь, и все четверо вошли внутрь.

— Тебе не хватает такта. Но ведь у тебя в руках козыри, — проговорила Королева.

— ...Люцер, Рожденный на Звезде, нашей волей приговаривается к рудникам. Все остальные политические заключенные остаются в своих камерах. Подтверждаем, что Аксель Дж. Бингерн продолжает владеть своей вотчиной... — диктовал Бингерн.

— Это, — напомнил ему Люцер, — зависит от того, как пройдет Пир Юлеки в часовне, расположенной в твоих владениях.

— Знаю!

— Прекрасно. Тогда запиши.

— ...И это в тот момент, когда Алиса наконец с нами, в самую важную ночь из всего года.

— Страхом меня обделила природа! — заявил Бингерн.

— А мы его не упоминали.

— В указе про это не написали! — вскричал Бингерн. — Прибавьте все необходимые формальные подтверждения и словечки, и пусть идут ко всем чертям!

— Какой язык! — возмутилась Алиса.

— Он дурно воспитан — это известно нам, — согласился Люцер.

— Выполняйте приказ! В копи его! — орал Бингерн.

— Я имею право присутствовать на службе, — заявил Люцер.

— В таком случае возьмем его с собой. Отправим на рудник после.

Люцер поднял руку и сжал пальцы Алисы.

— Сегодня я стану самим собой — а он скорее всего нет.

— Это хорошо? — поинтересовалась Алиса.

— Радуйся и будь честен, — ответил Люцер, — и все будет по-нашему.

— Ничего не понимаю.

— Время прозрения наступает.

— Бингерн всегда казался таким приятным джентльменом, а вы — преступником, хоть и очень воспитанным.

— Он все время врал. Вы видели, какой он выбрал путь? Кстати, и чужое не дурак стянуть.

— Теперь мне ясно. Он и вправду обманщик ужасный.

— Мы скоро отправляемся на службу. Вы голодны? Если да — он позаботится о том, чтобы вас накормили. Хочет, чтобы вы себя хорошо чувствовали.

— Я обойдусь. Что-то мне не хочется здесь есть.

— А что плохого в здешней еде?

— Тут все наполовину не в себе.

— Верно. Но на другую половину они совершенно нормальны.

— Я на вашей стороне. Что еще можно сказать?
Урла-лап!

— Кур-ла-ла!

— Нам пора! — воскликнул Бингерн.

Покинув замок и тот день, они пустились в путь. Через поля, холмы, луга — и негде отдохнуть. Они стремились в светлый край, страну по имени Балбесния.

— Спойте для меня, Алиса, — попросил Бингерн, и она начала. «Старое доброе время»*.

Мотоциклы Щебетунчиков рокотали впереди и позади, луна источала масло и яд, и куда бы Алиса ни посмотрела, ей казалось, что она видит улыбку без кота. Налетел прохладный ветерок, и все тени превратились в черное одеяло.

Справа от тропы сиял лунный свет, отражаясь от громадной ледяной глыбы. Проходя мимо, они заглянули внутрь куска льда, и голос Алисы дрогнул, замер на полуслове — она увидела внутри Мартовского Зайца, Мышь-Соню и очень печального Болванщика.

Когда они перебрались через следующий холм, Алиса услышала хрустальный звон, словно рассыпалось

* «Auld Lang Syne», слова Роберта Бернса, благодаря своей популярности стала народной песней, поют на всех праздниках, особенно в канун Нового года.

тысяча осколков — казалось, никто, кроме нее, не обратил на звон никакого внимания.

— А здесь погромче, — сказал Люцер, и Алиса старалась изо всех сил.

Она услышала позади фырчанье, сопение и пыхтение, словно по склону с трудом взбирался тюлень.

— ...На этой поляне вы должны петь особенно красиво, — попросил Люцер.

Алиса сделала все, как он говорил, и вдруг рев автоматического оружия Щебетунчиков чуть не стряхнул мрак с ночи — его услышали все. Последние охранники куда-то исчезли, а оружие смолкло, когда над дорогой пронеслась черная туча.

— Люцер, — прошептала Алиса и вцепилась в его железные бицепсы, — что вы заставили меня делать?

— Прошу прощения, это всего лишь старая песня, миледи. Постарайтесь, постарайтесь вспомнить все, что происходило с вами в ваши прошлые визиты в эту страну. Если вы когда-нибудь что-нибудь любили, пойте. Вспоминайте, вспоминайте, Алиса, это место таким, каким оно было.

Старческий голос Алисы дрожал, срывался множество, множество раз, когда она пела старые баллады и популярные песенки.

— Что это за кошачий концерт? — крикнул Бингерн, уши которого теперь стали длинными и шелковистыми, а пасть зубастой.

— Леди Алиса будет петь, — ответил Люцер. — Она имеет на это полное право.

Бингерн издал короткое рычание, а потом смолк.

— Он вынужден позволить, — объяснил Люцер. — Вы должны быть невредимы.

— Почему? — спросила она.

— Ваша сила священна. Вы были здесь в стародавние времена.

— Всего лишь полжизни назад, — возразила Алиса.

— Здесь время течет иначе.

— Мне этого никогда не понять.

— Скоро вам все станет ясно. Пожалуйста, продолжайте петь.

И снова Алиса запела. И ночь ожила криками птиц, стрекотом насекомых, шорохом листьев. Таких ярких звезд Алисе еще не доводилось видеть, а луна, казалось, набирала силу, приближаясь к зениту.

— Проклятье! — выругался Бингерн, когда из прорехи его лопнувших брюк показался длинный хвост. Его глаза по-прежнему метали молнии.

— Не останавливайтесь! — попросил Люцер.

Наконец они добрались до вершины высокого холма, откуда открывался вид на долину, залитую, точно молоком, лунным светом. Алиса услышала у себя за спиной какой-то шум. Бингерн приказал всем остановиться и принял разглядывать долину. Потом поднял правую руку и показал острым, как бритва, когтем.

— Здесь музыка умирает, — сказал он. — Здесь вотчина Бингерна. Здесь я становлюсь сильнее.

— ...И вы, похоже, несколько изменились, — заметила Алиса.

— Сегодня этого избежать нельзя, — ответил он. — Сегодня, когда Могущество снисходит и возносится, чтобы пройти по этому миру.

— Я думала, что вы, Бингерн, бог или хотя бы наполовину божество. Однако внешность у вас скорее демоническая.

— Подобные термины бессмысленны в этом безумном месте, — сказал он. — А в остальном вам следует почитать Ницше*.

— Я понимаю, — проговорила Алиса.

— Итак, видите, я победил. Дождался момента, когда ваша сила иссякла. Теперь даже сырой сквозняк застопро с вами справится.

— Вы наблюдали за мной все эти годы.

— Конечно, и смех и слезы.

— Смеха было не так чтобы очень много.

— Как и слез. Мне жаль, что ваша жизнь была бесцветной. Однако так требовалось.

* Фридрих Ницше (1844–1900), немецкий философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, один из основателей «философии жизни».

— И все ради сегодняшней ночи?

— И все ради сегодняшней ночи.

На голове у него вырос гребень, а когда он пошевелился, по камню застучали копыта.

— Вон там, в долине, есть часовня, — Бингерн показал рукой на залитое ярким светом маленькое строение. — Пошли. Сегодня та самая ночь.

Они последовали вниз по склону, по извивающимся тропинкам, бегущим по долине — Бингерн, Алиса, Люцер, Король и Королева Червей, Щебетунчики, разношерстные придворные и аристократы. Щебетунчики опять стали совсем крошечными, вступив в перестрелку с кем-то, кто сидел за огромным валуном и протяжно выл. Когда потом они принялись обыскивать местность, ничего особенного обнаружить не удалось.

Когда вся компания подходила к часовне, у них над головами пронеслась громадная стая черных птиц, а в траве, не смолкая, раздавались самые разные шорохи и шипение. Казалось, земля дрожит под ногами, а временами Алиса слышала, как трещат сухие ветки под чьими-то тяжелыми шагами.

Люцер теперь держал ее за одну руку, а другой она опиралась на массивную палку.

— Уже совсем близко, — заметил Люцер. — Когда мы придем, вы сможете отдохнуть.

— Я обязательно дойду, — сказала Алиса. — Мне интересно, чем все это закончится.

— Вы непременно узнаете. В любом случае ваше присутствие необходимо.

— Победа или поражение? Живая или мертвая?

— Точно.

Над ними пронеслась сова и спросила:

— Кто?

— Я, — ответила Алиса.

Бингерн зарычал, и птицы замертво попадали на землю. Земля задрожала, ветер стал сильнее.

Наконец они добрались до часовни, и Бингерн впустил всех внутрь. Ярко горели свечи. Алиса разглядела низкий алтарь, а сквозь отверстие в потолке лунное сияние струилось прямо на пентаграмму, нарисованную

на полу. У дальней стены стоял трон из красного камня, к нему и подвели Алису.

— Пожалуйста, отдохните! — воскликнул Бингерн, и земля содрогнулась, потому что он стал еще больше.

Потом он приказал всем остальным занять места на скамейках. Люцеру, Королю и Королеве он позволил остаться возле Алисы, а сам прошел в переднюю часть часовни и, задрав голову, обратился к кому-то невидимому, прячущемуся в темноте:

— Эй, ты там! Это Бингерн. Я знаю, что ты меня слышишь. Вот и хорошо. Сегодня — та самая ночь, но я хочу, чтобы ты знал: я все держу под контролем. Ты только зря теряешь время, если думаешь, будто можешь что-нибудь по этому поводу сделать. Мне известно, что ты мечтаешь до меня добраться, Юлеки, только ты опоздал. Я отнимаю у этой страны ее силу вот уже много лет. Теперь тебе со мной не справиться. Одно короткое прикосновение — и мир, созданный мной, будет жить вечно.

— Алиса, — тихо проговорил Люцер. — Я собираюсь разорвать цепи и бросить ему вызов — сейчас. У нас почти равные силы, но я потерплю поражение, потому что он более меня искушен в военном деле. Когда вам покажется, что я падаю в третий раз, призовите Юлеки. И выкрикните свое имя.

— А почему вы так же сильны, как это чудовище, в которое он превратился? — спросила Алиса.

— Я забыл.

— ...А почему он более вас искушен в военном искусстве?

— Тоже забыл. Это не имеет значения.

— В таком случае зачем вам сражаться?

— Я должен задержать его до тех пор, пока луна не поднимется выше.

— Зачем?

— Не помню. Только знаю, что это нам поможет в борьбе с ним.

— ...Так вот, именно сегодняшней ночью, — затянул Бингерн, — мы собрались перед взором Юлеки и любого, кто пожелает посмотреть, и мы соединим узами

браха повелителя этой страны и будущую повелительницу.

— Повелительницу? — спросила Алиса. — А где она?

— Это вы, — ответил Люцер, поднимая руки и разводя их в стороны. Он напрягся изо всех сил, на лбу у него появились капельки пота. Цепи лопнули, и он наклонился, чтобы заняться теми, что спутали его щиколотки.

Бингерн поднял дробовик. Алиса тут же прикрыла Люцера собой.

— Проклятье, леди! Убирайтесь! Не мешайте мне! — крикнул Бингерн.

— Нет, — ответила Алиса. — Здесь что-то не так, а я хочу, чтобы было как полагается.

— Вы все делаете неправильно! — прорычал он.

Люцер сбросил цепи и выпрямился в полный рост. Бингерн вздохнул.

— Ну хорошо. Придется еще раз урегулировать наши отношения, — заявил он.

Люцер вышел на середину часовни, Бингерн отложил в сторону свой дробовик и двинулся ему на встречу.

Когда они встретились, небо разорвала ослепительная вспышка. А в следующее мгновение они уже катились по пентаграмме.

Дверь в часовню распахнулась, и Алиса увидела Белого Кролика. Он будто бы пробормотал: «Ах, Боже мой, Боже мой!», а потом уселся на одну из передних скамеек и стал наблюдать, как дерутся Люцер и Бингерн, как их кулаки крошат камень и кирпич или рассекают воздух, когда противникам не удавалось попасть друг в друга.

Вдруг Алиса почувствовала, что Кролик на нее смотрит. Он долго не сводил с нее глаз, пока они не окружились — узнал. Она кивнула.

Кролик поднялся и медленно пошел вдоль стены. Подойдя к трону, произнес:

— Алиса...

— Как поживает Мышь-Соня? — спросила она.

— Сидит в чайнике. Как ты?

— О, время меня не очень пощадило. А твои-то как дела?

— Ты освободила меня, когда пела.

— Что? Как?

— Ты волшебница. Могла бы и сама уже догадаться. Я был рядом с Бармаглотом*, когда ты и его освободила. Он там снаружи, надеется, что ему удастся сожрать Бингерна.

Кролик снова посмотрел на сражающихся Люцера и Бингерна.

— Крепкие ребята. Трудно сказать, кто из них господин, а кто слуга.

— А вот мне не трудно. Бингерн больше не человек.

— Он всегда будет всего лишь лейб-гвардьем в небесном сонме.

— Что ты такое говоришь? Он павшая звезда — высшее существо, которое пострадало от общения с этим миром.

Королева Червей взвизгнула, когда противники оказались совсем рядом с ней, а рога Бингерна оставили глубокие следы на каменном полу у ее ног. Но в следующее мгновение сцепившиеся враги откатились в сторону.

— Павшая звезда — лорд Люцер, — возразил Кролик. — Сегодня ночью его нужно заставить вспомнить, кто он такой. Бингерн был его слугой; он захватил власть, когда Люцер, его господин, потерял память.

— Что? — вскричала Алиса. — Бингерн самозванец?

— Вот именно. Теперь, когда ты меня освободила, я надеюсь стать свидетелем того, как сегодня ночью его власти придет конец.

Послышался оглушительный грохот, когда противники налетели на стену, и здание содрогнулось.

— А почему Бингерн превосходит умением сражаться своего господина? — спросила Алиса.

* Бармаглот — персонаж из стихотворения Льюиса Кэрролла, приведенного в «Алисе в Зазеркалье». Перевод Д. Г. Орловской.

— Лейб-гвардец должен пройти специальную подготовку, чтобы быть в состоянии противостоять легионам мрака, — ответил Кролик.

Казалось, что Люцер и Бингерн уже целую вечность молотят друг друга — луна поднималась все выше и выше. И вдруг удары Бингерна стали попадать в цель все чаще, и в конце концов он прижал Люцера к полу, опустился на колени и, схватив его голову, принялся колотить ею по каменному полу.

Увидев это, Алиса крикнула:

— Юлеки, Бичующий Ангел, помоги нам! Скорее! Тебя зовет Алиса. — И бросилась на середину часовни.

Ослепительная вспышка, и над пентаграммой возник белый сияющий шар. Бингерн поднялся на ноги и встал к нему лицом, оставив задыхающегося, окровавленного Люцера на полу.

— Юлеки, это несправедливо — ты не должен был приходить сейчас! — объявил он. — Я устал и не могу встретиться с тобой как полагается!

— Вот и хорошо, — пропел в ответ чей-то мелодичный голос. — Превращайся! Ты не должен стыдиться того, что уходишь со мной без борьбы.

Бингерн посмотрел на Люцера.

— Ты помнишь? — прогремел его голос.

— Что? — спросил Люцер.

Бингерн быстро взглянул на Юлеки.

— Я следую кодексу воина, будем сражаться!

— Отлично.

Он бросился вперед, но, как только коснулся сверкающего шара, какая-то сила подняла его в воздух, завертела, словно в водовороте, а потом швырнула на каменный пол. Шар повис прямо над его грудью. Бингерн попытался пошевелиться, но был не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой.

— Мог бы и подольше со мной повозиться, — прошептал он, — ради него. Я уже многие десятилетия делаю все, чтобы его вылечить. Думал, что это поможет. Мне хотелось, чтобы он был в порядке, и тогда его можно было бы вернуть.

— А у меня другой план.

Бингерн повернул голову и посмотрел на Люцера.

— Господин! — позвал он. — Вспомните! Пожалуйста!

— Я помню, мой верный слуга, — послышался ответ; Люцер взял руку Алисы в свою, и ее неожиданно окружило мягкое сияние.

— Твоя работа здесь завершена, — сказал Юлеки Бингерну. — А вот его — нет, хотя к нему и вернулась память. Он наведет порядок в этой стране, которую ты принес в жертву ради его исцеления.

— Я мог бы ему помочь!

— Это неразумно. У них связаны с тобой тяжелые воспоминания.

Прогремел гром, и Юлеки с Бингерном исчезли.

Алиса почувствовала, как груз прошедших лет свалился с ее плеч в тот самый момент, когда ее коснулось призрачное сияние.

— Что происходит? — спросила она.

Люцер помог ей подняться на ноги.

— Я проведу тебя сквозь годы в твою юность, старый друг, — сказал он. — Кстати, сегодня и в самом деле должна состояться свадьба. Готова?

— Ты серьезно?

— Конечно. Мне очень нужна твоя помощь и ты сама. В конце концов, ты ведь настоящая богиня — по крайней мере здесь.

— Это уже слишком, — проговорила Алиса, с удивлением разглядывая свою руку, с которой прямо у нее на глазах исчезли морщины. — Я никогда не пойму.

— Идем со мной.

Он подошел к двери и распахнул ее.

Они собрались вместе: Шалтай и ухмыляющийся Кот, Мышь-Соня и Болванчик, Мартовский Заяц, Тюлень и Бармаглот... Все дружно завопили:

— Люцер и Алиса! Люцер и Алиса!

— А что, вполне приличное место, не хуже других, — улыбнулся Люцер. — Алиса, ты возьмешь меня в мужья?

Она обвела взглядом разношерстную компанию. Самые необычные существа продолжали прибывать, и Королева сказала:

— Соглашайся, Алиса. Ты нам нужна. Вотчина Бингерна теперь, естественно, принадлежит тебе. Соглашайся.

Алиса посмотрела на Люцера, на толпу, а потом снова на Люцера.

— Вы все спятили, — объявила она. — Как, впрочем, и я.

С небес полилась дивная музыка, и, подняв голову, Алиса увидела, что в заоблачных высотах медленно исчезает маленькая звездочка.

СТАЛЬНАЯ ЛЕДИ

Смачно выругавшись, Кора взмахнул мечом и поразил свою противницу. Его выпуклые грудные доспехи скрывали достоинства, которых под ними не было.

В следующий миг на него напали справа и слева. Начав свою боевую песню, он отразил атаку слева, нанес удар направо, снова парировал слева, поразил врага, отбил выпад справа и нанес ответный удар. Обе воительницы упали.

— Отлично сработано, сестра! — прокричала Эдвина, стареющая амазонка, вооруженная боевым топором и сражавшаяся в десяти футах от него.

Высокая похвала, полученная от ветерана!

Улыбаясь, Кора готовился к новому поединку и вспоминал времена, когда он был Кораком, поваром — несколько месяцев назад. Тогда у него была мечта, теперь она осуществилась.

Он хотел стать великим воином, крушить врага на поле боя, чтобы его имя прославляли в песнях. Как долго он тренировался с мечом!.. Пока не понял, что нужно еще учиться ходить и говорить — и тщательно бриться каждый день, — если надеешься когда-нибудь реализовать свою мечту. Так он и поступил. И вот

Корак исчез, а через несколько недель появилась Кора. Родилась легенда. Прошло всего три или четыре месяца с начала кампании, а он уже был не только принят, как равная среди равных, но и получил известность — теперь его называли Кора, Стальная Леди.

Однако о нем прослыпал враг, и теперь все стремились отсечь ему голову и покрыть себя славой.

Испарина выступила у него на лбу, когда в атаку пошли пять воительниц одновременно. С первой он покончил сразу, сделав неожиданный выпад. Остальные — они поняли, что следует соблюдать осторожность, — теперь наступали не столь стремительно, надеясь измотать его. К тому моменту, когда он разобрался со второй, заболели руки. Его боевая песнь смолкла, когда он заколол третью противницу, но получил глубокую рану на бедре. Он пошатнулся.

— Мужайся, сестра! — закричала Эдвина, прорубаясь к нему на помощь.

Он с трудом отражал удары ближайшего противника, когда Эдвина скрестила свой меч с четвертым врагом. Наконец он опустился на одно колено, зная, что не сможет отразить следующий выпад.

В самый последний момент сверкнул топор, и голова его последней противницы покатилась в ту сторону, куда отступали ее сестры.

— Отдыхай! — приказала Эдвина, заняв оборонительную позицию рядом с ним. — Они бегут! Победа за нами!

Он лежал на холодной земле, зажимая рану на бедре и наблюдая за расстроенным рядами врага. Ему очень хотелось не потерять сознание.

— Хорошо... — промолвил он.

Еще никогда Кора не был так близок к смерти.

Через некоторое время Эдвина помогла ему подняться на ноги.

— Ты прекрасно сражалась, Стальная Леди, — сказала она. — Обопрись на меня. Я помогу тебе добраться до лагеря.

В палатке Эдвины с него сняли доспехи и промыли рану.

— Все заживет, не оставив даже следа, — пообещала Эдвина. — Очень скоро ты будешь как новенькая.

Однако рана оказалась большой. Эдвина отодвинула в сторону набедренную повязку, чтобы обработать ее как следует. И вскрикнула.

— Да, — сказал он. — Теперь ты знаешь мою тайну. У меня была единственная возможность прославиться — показать всем, что я могу сражаться не хуже или даже лучше, чем женщина.

— Должна признать, что тебе это удалось, — нехотя кивнула Эдвина. — Я помню, как ты ловко орудовал мечом в Олорате, Танквее и Порде. Ты мужчина необычный. Я уважаю тебя за то, что ты сделал.

— Значит, ты поможешь сохранить мне мою тайну? — спросил он. — Разрешишь завершить эту кампанию? Чтобы я показал, на что способен мужчина.

Эдвина изучающе посмотрела на него, погладила по заду и улыбнулась.

— Что-нибудь придумаем! — заявила она.

Содержание

Темное путешествие, роман, пер. М. Воронежской	5
Повести	
Фурии, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	117
Долгий сон, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	168
Рассказы	
О времени и о Яне, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	213
Тот, кто потревожит, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	217
Песнь голубого бабуина, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	228
Год Плодородного Зерна, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	234
Крестник, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	241
Эпиталама, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	274
Стальная Леди, пер. В. Гольдича и И. Оганесовой	300

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 20 томах

Том девятнадцатый

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редактор В. Баканов

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Н. Дундина, А. Хиршфельде

Операторы компьютерной верстки Н. Амосова,

Е. Глуховская

Оформление форзаца: А. Кирилов

Оформление шмидтитулов: М. Ермаков

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 28.11.96. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 15,96. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 2804. С 152.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Государственного Комитета Российской Федерации

по печати. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ТЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996